

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

№ 4
ТОМ 12

ISSN 2413-6891

2024

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A   N A U K A
I   S O C I A L ' N A J A   P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2024. Том 12, № 4

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4

EDN: FCQEMC

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:

<https://www.socnp.ru>

Редакционная коллегия

ГОРШКОВ Михаил Константинович	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	заместитель главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
СМИРНОВ Александр Ильич	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail	(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocentiy	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
GRINBERG Ruslan	Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	(Deputy Editor), Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)
MOZGOVAYA Alla	(Deputy Editor), Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Deputy Director for Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Богданов В. С., Почестнев А. А.*
Генезис нормативного и административного регулирования развития регионов. Часть первая 9
- Гусейнова К. Э., Шилова В. А.*
Типы организации коммуникативного пространства управления в условиях реализации национальных проектов: региональный разрез 23
- Кулагина Е. В.*
Занятость лиц с инвалидностью: возможности, приоритеты и результаты активной политики в государствах благосостояния. Часть первая 46

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

- Кузнецов И. М.*
Вариативность и динамика патриотических установок россиян в контексте СВО 65
- Сушко П. Е.*
Динамика восприятия россиянами ситуации в различных сферах жизни: от оценок к запросу на социальную политику. 82
- Попова Е. С.*
Планы и реальность в горизонте будущего: к вопросу о концептуализации понятий в анализе социального поведения 106

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

- Бессокирная Г. П., Большакова О. А., Караханова Т. М.*
Городская семья с несовершеннолетними детьми: ресурсы, нравственные ориентиры и социальная адаптация работающих родителей. Часть вторая 124
- Зорина А. Е.*
Наставничество как ресурс формирования социальных адаптационных практик (на примере природосберегающего поведения). 141

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

Хотеева Е. А., Симакова А. В., Степуть И. С.
Перспективы развития потенциала Российской Арктики:
мотивационные драйверы трудовых мигрантов
(на примере вахтовой занятости) 156

Пешкова В. М.
Тенденции модификации форм семьи под воздействием
миграции: данные опроса экспертов-специалистов 179

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Воропаева А. В., Коростелева Л. Ю.
Конфликтология: научный портрет учёного.
К 90-летию со дня рождения А. В. Дмитриева 190

БЛАГОДАРНОСТИ РЕЦЕНЗЕНТАМ 201

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

- Bogdanov V. S., Pochestnev A. A.*
The genesis of regulatory acts for the development
of regions. Part one 9
- Guseynova K. E., Shilova V. A.*
Types of organization of communicative management
space in the context of the implementation of national
projects: regional cross-section 23
- Kulagina E. V.*
Employment of persons with disabilities: opportunities,
priorities and outcomes of active policies in welfare states.
Part one. 46

SOCIAL PROCESSES. SOCIAL DYNAMICS

- Kuznetsov I. M.*
Variability and dynamics of patriotic attitudes of Russians
in the context of Special military operation 65
- Sushko P. E.*
Dynamics of Russians' perception of the situation
in various spheres of life: from assessments to requests
for social policy. 82
- Popova E. S.*
Plans and reality in the horizon of the future:
towards the issue of conceptualization
in the analysis of social behavior 106

ADAPTATION PROCESSES IN MODERN RUSSIA

- Bessokirnaya, G. P., Bolshakova, O. A., Karakhanova, T. M.*
Urban family with minor children: resources,
moral guidelines and social adaptation of working parents.
Part two. 124
- Zorina A. E.*
Mentoring as resource for the formation of social
adaptation practices (using the example
of nature-saving behavior). 141

CONTENT

SOCIOLOGY OF MIGRATION

Khoteeva E. A., Simakova A. V., Stepus I. S.
Prospects for the development of the potential
of the Russian Arctic: motivational drivers of labor migrants
(based on the example of shift employment) 156

Peshkova V. M.
Trends in the modification of family forms under
the influence of migration: data from a survey of experts 179

CONFLICTOLOGY

Voropaeva A. V., Korosteleva L. Yu.
Conflictology: a scientific portrait of a researcher.
To the 90th anniversary birth of A. V. Dmitriev 190

ACKNOWLEDGMENTS TO THE REVIEWERS 201

ГЕНЕЗИС НОРМАТИВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Владимир Сергеевич Богданов¹
Александр Анатольевич Почестнев²

^{1,2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
² ФГБОУ ВО МАИ (НИУ),
Москва, Россия,
¹ valarf@mail.ru,

ORCID 0000-0003-0176-1007
² apochestnev@yandex.ru,
ORCID 0000-0003-4287-3654

Для цитирования: Богданов В. С., Почестнев А. А. Генезис нормативного и административного регулирования развития регионов. Часть первая // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 9–22. DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.1). EDN HQAJDO.

Аннотация. В первой части статьи представлены промежуточные результаты анализа развития правового регулирования социально-экономического развития в РФ. Определены симптомы движения управления к проектному и антропоцентричному типу. Проанализированы ключевые нормативные акты, связанные с социально-экономическим развитием РФ за период с 1995 по 2020 гг. Предметом анализа стали целевые фокусы планирования, роль государства в управлении регионами, характер взаимоотношений федеральной, региональной, муниципальной властей и других субъектов развития, системность и комплексность проработки государственной политики, территориальная унификация или разнообразие в региональном планировании. Промежуточные результаты исследования указывают на складывающееся движение государственного управления от функционального к системному типу, изменение программного подхода целедостижения в сторону проектного. Директивность управления сменяется организацией деятельности по результатам. Управление территориями строится на принципах партнёрских отношений, но пока в них доминирует фактор подчинения, что сильно снижает активность субъектов территориального развития и тормозит реализацию национальных проектов, достижение национальных целей.

Ключевые слова: разнообразие и унификация в регулировании развития регионов, управление программами, управление проектами, национальные проекты, государственные программы, стратегическое планирование, антропоцентричная модель, политика

Введение и постановка проблемы

Данная статья будет состоять из двух частей. В первой представлены промежуточные результаты анализа основных направлений трансформации системы государственного управления РФ на нормативном уровне. Полученные данные позволят разработать методологическую основу для второй части, а также методику исследования генезиса нормативного регулирования развития регионов с выходом на результирующие выводы, в частности, на оценку качества реализации нормативных управленческих элементов на практике. Исследовательские задачи решаются в рамках общего исследования Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН (ЦСУиСТ ИС ФНИСЦ РАН) в ходе выполнения работ (НИР) по теме госзадания «Унификация и разнообразие в пространственном развитии России (социально-экономические и социокультурные, управленческие процессы)».

Вначале следует отметить, что в современных условиях перехода к цифровизации общества и постиндустриальному укладу всё более актуализируется проблема социального экспертирования (социальной экспертизы) в контексте оценивания социальных последствий от реализации инновационных программ и проектов, направленных на устойчивое развитие территорий и регионов, повышение их социально-экономического уровня (см., например, А. В. Тихонов, Л. А. Василенко в словаре «Социология управления», 2015 г.). На уровне деятельности федерального центра это подтверждается сегодня созданием специальных управленческих институций, которые должны будут экспертировать на основе социологических методов реализацию национальных проектов, достижение национальных целей. Полагаем, что такая форма социальной экспертизы никак не может быть полноценной без специального анализа нормативной базы, соотнесения механизмов целеполагания и создания программ развития с антропоцентричностью управления, в частности с социальными эффектами, которые ожидают бенефициары (различные категории населения).

В связи с этим возникают следующие исследовательские вопросы. Являются ли стратегические документы социально ориентированными по своему содержанию, учитываются ли фоновые представления населения о необходимости решения конкретных социально значимых проблем? Осуществление стратегического планирования ведётся с учётом социокультурных особенностей регионов и имеющихся у них ресурсов, потенциала? Насколько системным представляется стратегическое планирование и учитывается ли влияние латентных факторов и последствий от принимаемых решений? Какие типы взаимодействия субъектов управления регионом отражены в стратегиях развития?

Методология и элементы программы исследования

В нашем понимании регулирование связано с деятельностью государственных органов по обеспечению нормативного и административного

сопровождения социально-экономического развития территорий (регионов, страны в целом).

С такой позиции важным представляется рассмотрение направления развития модели регулирования. На крайних полюсах располагаются две модели. Первая – «технократическая» [1], в которой цели, задачи или проблемы определяются «сверху» (заказчик – «госструктура») и присутствует их иерархия. Приоритетные цели (проблемы) программируются, создаются условия для их достижения/решения (пространственная, организационная, нормативная инфраструктуры). Другая модель социально ориентированная – «антропоцентричная», в которой подразумевается расширение количества участников целеполагания, выделяются национальные цели, используются новые механизмы проектного управления. Стратегические документы в этой модели разрабатываются на основе интересов, потребностей и ценностей их бенефициаров – различных категорий населения, стейкхолдеров, а также с учётом особенностей социокультурного состояния, модернизации отдельных регионов [2].

В качестве объекта анализа выделяются ключевые официальные документы государственного планирования, выстроенные в хронологическом порядке, отражающие модели государственного регулирования развития территорий. Предметом анализа стала трансформация нормативной модели государственного управления, установление форм и режима управления.

Анализ указанных документов базируется на основе параметров-функций антропосоциетального подхода, разработанного Н. И. Лапиным:

1) функции жизнеобеспечения рассматриваются через параметр «унификация vs разнообразие» в планировании. Унификация в управлении ориентирована на создание единообразия поведения и целей у социальных элементов в антропосоциетальной системе. Разнообразие ориентировано на нахождении подходов к преодолению (согласованию) противоречий в рамках поведения, целеполагания, вызванных индивидуальностью социальных элементов;

2) функции интеграции выражаются в параметре «функциональность управления vs системность и комплексность». Функциональное управление фокусируется на создание эффективного, срабатывающего средства для решения определённой проблемы или задачи. Системное управление решает поставленные задачи с учётом взаимовлияния различных факторов и элементов системы и ориентировано на анализ последствий применения средств;

3) функция дифференциации отражает социально-ролевое позиционирование субъектов стратегического планирования (органы власти, бизнес, население). Данная функция выражена в параметре характера отношений субъектов «партнёрство vs подчинённость»;

4) властно-регулирующая функция связана с проектированием будущего. Она воплощается в параметре фокуса цели «технократические цели и индикативные показатели развития vs антропоцентричные цели и показатели социальных эффектов».

Обозначенные параметры позволят прояснить, какой характер управления поддерживают конкретные нормативно-правовые акты.

Промежуточные результаты исследования

Если говорить про современный российский опыт, начиная с 1990-х гг., то архитектура системы целеполагания развития территорий претерпевала свои изменения. На этот процесс повлияли институциональные трансформации и ориентация на вестернизацию, разгосударствление экономики, построение рыночных отношений, а также изменение подходов и методов постановки целей, форм и механизмов их достижения.

Так, с начала 1990-х гг. перед правительством возникали системообразующие вопросы: каким образом осуществить переход от административно-хозяйственной системы, от директивного планирования к построению рыночной экономики на основе прогнозирования и программирования, программно-целевого подхода, в целом к реализации структурной политики. Такой вектор развития можно определить как экономико-центричный, который направлен на построение национальной экономики за счёт обеспечения соответствия элементов её структуры: на производственном-экономическом уровне – это межотраслевые и внутриотраслевые пропорции, на институциональном – воспроизводственные, социальные и территориальные пропорции» [3, с. 5]. Для достижения целей структурной политики были разработаны три правовых акта¹, которые, по идее, должны были обеспечить в рамках федеральных целевых программ комплекс мероприятий (производственные, социально-экономические, организационные и т. п.), направленных на решение системных проблем на федеральном и региональном уровнях, *а именно – в областях государственного, социально-экономического и научно-технологического развития.*

Первоначально для достижения этих целей был разработан Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации», который трансформировал систему планирования и управления. На основе его положений взят курс на социально-экономическое развитие и рыночную экономику. В частности, происходило внедрение множественности целевых ориентиров и программ, что соответствовало функциональному или оптимальному управлению. Любые решения о способах достижения целей должны были базироваться на прогнозе

---

¹ О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации: федер. закон от 20.07.95. № 115 ФЗ [принят ГД ФС РФ 23.06.1995] // Собрание законодательства РФ. 1995. № 30. Ст. 2871; О поставках продукции для федеральных государственных нужд: федер. закон от 13.12.94. № 60. ФЗ [принят ГД ФС РФ 10.11.1994] // Собрание законодательства РФ. 1994. № 34. Ст. 3540; Порядок разработки и реализации Федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует РФ: постановление Правительства РФ от 26.06.95. № 594 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 28. Ст. 2669.

развития ресурсов (демография, социальная структура, научно-технический потенциал, национальное богатство, природные ресурсы). Программы разрабатывались скорее в отношении поддержания хозяйственных комплексов, отраслей экономики, регионов и все они были уникальными. Господствовало разнообразие программ. Явно доминировал экономический (технократический) аспект развития, в котором население рассматривалось как ресурс, а в качестве основных показателей выделялись: приоритетно – состояние экономической ситуации и структуры экономики, научно-техническое развитие, внешнеэкономическая деятельность, динамика производства и потребления; на периферии – уровень и качество жизни, образования, здравоохранения, экологии, социального обеспечения. Первоочередной оценке подлежали параметры социально-экономического развития, финансовый баланс по территориям, основные социально-экономические проблемы, требующие срочного решения и достаточного финансирования, исходя из состояния предыдущих показателей.

С принятием Указа Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» в основу процесса преобразования территорий была положена концепция устойчивого развития, разработанная ООН и имеющая мировую популярность. Она ориентирована на создание гармонии и баланса между человеком, обществом и окружающей средой. Согласно Указу Президента РФ № 440, все управленческие решения о способах социально-экономического развития территорий должны были быть, с одной стороны, сбалансированными с природно-ресурсным потенциалом территории, а с другой – с культурным, научным и технологическим потенциалом страны. В связи с этим наметилось движение к оптимальному управлению. В государственном регулировании стали использоваться принципы создания экосистем и повышения качества жизни. Впервые был поставлен вопрос об изменении установок жителей территорий и механизмах стимулирования таких изменений. В документах и программах устанавливались целевые ориентиры и показатели устойчивого развития: 1) качество жизни (продолжительность жизни, бедность, занятость, демографические процессы, образование, здоровье населения, состояние жилищного фонда); 2) уровень экономического развития (производство и потребление, финансовое положение); 3) экологичность (охрана среды, управление земельными ресурсами, переработка отходов). Система управления начала опираться на принципы демократизации и соблюдение законности. Введены такие институциональные параметры оценки развития, как степень реализации прав человека, ориентация на науку, международные законы и механизмы, уровень демократизации, правопорядок и коррупция, уважение культурного разнообразия.

Тогда же прорабатывался план достижения устойчивого развития на основе разработки федеральных и целевых программ на отраслевом, региональном и федеральном уровнях. Регионам в этом случае были представлены достаточно большая свобода и возможности определения целеполагания в рамках разработки собственных программ развития территорий. Общие ориентиры

проектирования образа будущего определялись федеральными программами, в соответствии с которыми реализовывался принцип ситуационного реагирования – изменения программ в связи с постоянным изменением ситуации. Однако стала прослеживаться некоторая последовательность реализации программ развития: на начальном этапе планировалось решение наиболее критических проблем, далее шли структурные преобразования в экономике, а затем уделялось внимание обеспечению гармонии общества, человека и природы.

В целом указанный подход позволил изменить структуру экономики, а государству переформатировать свою роль в развитии территорий, сократив долю присутствия в экономике. При этом федеральный центр оставлял за собой функцию соблюдения безопасности, а экономическое и социальное развитие делегировал регионам, по сути, активизируя процессы самоорганизации на местах, повышая роль граждан и НКО в подготовке принятия решений.

Однако на практике все решения были отданы на откуп олигархическим элитам, и они реализовывали свои интересы. Жалобы населения рассматривались как некая система обратной связи, сигнализирувавшая об остроте возникающих проблем, на которые государственное управление должно было реагировать в экстренном порядке, часто в режиме ручного управления. Многие предприятия были закрыты в связи с несоответствием экологическим нормам. Ориентир на структурную экономику становился размытым, в частности из-за отсутствия выстраивания системы здоровой конкуренции и предпринимательства. Роль государства была сведена к срочному одобрению программ поддержания сфер, отраслей, территорий и их финансовому обеспечению. Отчётность реформирования и реализации программ сводилась либо к разработке новых плановых показателей, либо без достаточно эффективной оценки достигнутых промежуточных показателей продолжалось достижение намеченных.

Так, с начала 2000 г. (приход нового президента) начали предприниматься активные попытки перехода от энергосырьевой стратегии построения экономики к инновационной. На сайте Департамента государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России¹ содержится перечень федеральных целевых программ, связанных с построением новой экономики: развитие космоса и системы навигации, гражданской авиации; создание технологической базы оборонной промышленности. Также к новой экономике была отнесена Федеральная целевая научно-техническая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» на 2002–2006 гг. В ней были выделены три блока: «Генерация знаний», «Разработка технологий», «Коммерциализация технологий», а в качестве главной цели обозначено развитие и использование научно-технологического потенциала, включая создание национальной инновационной системы РФ на основе повышения инновационной активности, восприимчивости организаций

---

¹ Сайт «Федеральные целевые программы». Департамент государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России. URL: <https://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/FcpList/Full/2008?yover=2006> (дата обращения: 25.08.2024).

к нововведениям и прогрессивным технологиям в интересах диверсификации и роста конкурентоспособности российской экономики. На этом же этапе были созданы первые «национальные проекты», в рамках которых предпринималась попытка объединить вышеуказанные инициативы.

Однако, как отмечают российские исследователи, поставленные цели не были достигнуты по причине отсутствия единого стратегического документа, в котором увязывались концепции, законы, подзаконные акты, направленные на регулирование отношений в системе наука – инновации [4; 5]. Впоследствии многие документы, регулирующие научную и инновационную деятельность в тот период, утратили актуальность и юридическую силу. Подобная ситуация сложилась и в отношении концепций реализации технологических платформ, а также создания региональных кластеров. Последние являлись проекциями федеральных целевых программ и не возымели реального эффекта. В рамках кластерной политики произошла переориентация с создания и поддержки кластерных образований на поддержку кластерных проектов [6].

Следует отметить, что есть и другие направления Федеральной целевой программы (ФЦП), которые утратили свою юридическую силу, хотя их миссия была однозначно важна для развития территорий. Первый документ касается поддержки реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Так, в 2000–2014 гг. было запланировано осуществление ФЦП государственной поддержки развития муниципальных образований и создания условий для реализации конституционных полномочий местного самоуправления. Однако программа была прекращена в 2009 году без объяснения причин. Можно предположить, что триггером для её остановки послужили следующие события: 1) мировой экономический кризис 2008 года, как следствие – недостаток финансирования программ; 2) наметившиеся тенденции усиления властно-управленческой вертикали; 3) запуск федеральной программы «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 гг.)».

Говоря о сложившейся истории с ФЦП как о платформе комплексного решения системных проблем, эта система не дала каких-либо прорывных результатов, а, наоборот, привела правительство страны к пересмотру их целесообразности, а также заставила обратить внимание на новые подходы, связанные со стратегическим планированием. Главными причинами такого разворота стали следующие проблемы, проявившиеся в ходе реализации ФЦП [7]: 1) неприоритетное выделение средств (распыление средств); 2) неполный пакет проектных документов и разрешений на реализацию программы; 3) непрозрачность использования выделяемых средств; 4) недостаточное и перебойное финансирование из региональных, местных бюджетов и внебюджетных источников; 5) отсутствие системного администрирования и стратегического управления, сложность идентификации функций органов управления ФЦП; 6) недостаточная координация деятельности различных уровней исполнительной власти в процессе подготовки и реализации программ.

В те же годы была предпринята попытка перевести управление страной в режим стратегического планирования на основе документа «Стратегия–2010». Документ появился на основе потребностей дать своевременные ответы на сложившиеся социальные и экономические вызовы (неблагоприятный деловой климат; низкая доля инновационных производств; отсутствие благоприятных условий для предпринимательской активности; рост преступности и обнищание населения), а также на возникшую необходимость замены функционального управления как экстренного решения острых и точечных проблем (реактивное управление) на сбалансированное (комплексное) и целевое развитие на основе выстраивания системного управления. В документе в качестве цели социально-экономического развития было установлено повышение уровня и качества жизни населения. Механизм достижения цели строился на двух идеях: самореализация гражданина на основе его культурных ценностей и модернизация условий (снижение неравенства регионов, повышение их независимости). Это свидетельствовало о попытках смещения управления в сторону антропоцентричности. На основе существующего потенциала развития (интеллектуальный, рыночный, ресурсный, инфраструктурный, финансовый) планировалось осуществить системные преобразования в стране. Модернизации должны были подвергнуться социальные и экономические аспекты общества во всех регионах на основе активизации внутренних источников развития. В социальной сфере планировалась разработка унифицированных политик реформирования образования, здравоохранения, культуры, спорта, трудовых отношений и занятости, социального обеспечения и поддержки населения, развития ЖКХ, миграции. Важная роль отводилась коррекции комплекса ценностей у представителей государства, бизнесменов, общественных деятелей, простых людей, направленная на повышение ценности личности, доверия, свободы и ответственности, добросовестности, честности, законопослушности, с сохранением твёрдых моральных принципов общества. В экономической сфере предполагалась политика по созданию предпринимательского и инвестиционного климата (условия ведения экономической деятельности, условия конкуренции, уменьшение государственного регулирования, открытость и информационность обеспечения, развитие финансовых рынков, банковской системы, бюджетная политика, налоговая политика). Была запланирована и политика структурной перестройки экономики (направления развития промышленности, инфраструктуры, управление государственной собственностью, развитие инновационной экономики, реформирование монополий). В институционально-регулятивной сфере приоритетом становилось восстановление доверия между гражданами, государством и бизнесом, расширение частной собственности, демократических процедур, экономической свободы, обеспечение прав и интересов населения, реализация законности, согласование активности субъектов и их единая поддержка решений об изменениях, взаимоответственность общества и власти.

Реализация указанных политик требовала определённого режима государственного управления: снижение вмешательства государства в регулирование

экономики и формирование роли помощника в обеспечении условий и гарантий развития (инструмент обслуживания интересов общества). Для этого в рамках стратегии разрабатывались унифицированные мероприятия планируемой модернизации. Так, в частности, для создания адекватных программ развития территорий необходимо было учитывать и финансовые, и ресурсные ограничения, а также актуальные потребности общества. В связи с этим первоочередными выдвигались задачи по созданию «гражданского общества», «субсидиарного государства», программ сокращения социального и территориального неравенства, инвестирование в развитие человека и создание системы поэтапной модернизации.

Документ «Стратегия–2010» не был официально одобрен, но его проектные идеи модернизации отчасти позволили укрепить экономику. Ряд элементов был задействован при разработке новых нормативно-правовых актов, в том числе и документов, связанных со стратегическим планированием. Так, в 2014 году был разработан и принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В его основе лежит цель обеспечения социально-экономического развития, безопасности РФ и занятие страной конкурентной позиции в мире. Данная цель отражает прежде всего интересы общества.

На основе положений документа развитие страны предлагается в двух разрезах. Горизонтальное развитие представлено в: а) отраслевом, связанном с научно-техническим прогрессом; б) пространственном, предполагающим изменение структурных и институциональных факторов, потенциала и условий. Вертикальное подразумевает развитие на разных уровнях: федеральном, региональном, муниципальном, а государственное управление приобретает черты системного, реализует в своей практике программно-целевой подход и строится на основе взаимосвязи стратегического и бюджетного планирования.

Главным механизмом реализации развития страны становится создание взаимоувязанных отраслевых и региональных программ, разрабатываемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и подчинение их единым приоритетам и целям, формирующихся в свою очередь в процессе обсуждения федеральных, региональных, муниципальных субъектов управления.

Государство выступает ведущим партнёром и главным субъектом преобразований и развития. Остальные субъекты рассматриваются как партнёры, мнения которых должны быть учтены в контексте целеполагания, разграничении ответственности в реализации целей.

Государство берёт на себя особую роль в рамках организации стратегического планирования: 1) унификация методологии организации и функционирования системы планирования, форм и процессов постановки целей, форм стратегий развития субъектов; 2) выделение общих приоритетов и целей, единых показателей; 3) согласование стратегий регионов и муниципалитетов с их прогнозным ресурсным потенциалом и потребностями; 4) согласование сроков реализации программ, тем самым обеспечивая их реалистичность; 5) государственная помощь в обеспечении субъектов ресурсами (программы выравнивания территорий), коррекции их стратегий и программ с учётом изменения

имеющегося потенциала; 6) согласование стратегий разных уровней (вертикаль) и направлений (горизонталь) для формирования баланса интересов и возможностей достижения цели; 7) контроль реализации мероприятий, оценка их эффективности, создание унифицированной системы ответственности субъектов за планирование, выполнение мероприятий и достижение целей (КПЭ).

Системность управления в этом контексте заключается в создании условий вовлечения различных субъектов развития в процесс стратегического планирования. Они: а) совместно разрабатывают стратегии и программы, ориентируясь одновременно на федеральные цели, программы развития и собственные потребности; б) оценивают ресурсообеспеченность программ, рисков и негативных последствий их реализации; в) осуществляют стереоскопический контроль реализации программ за счёт создания открытой унифицированной системы мониторинга управленческой деятельности и развития страны. Важным становится определение характера взаимодействий различных субъектов.

Унификация управления выражается только в формах и процессе планирования. Индивидуальность в планировании проявляется в его содержании. Цели, приоритеты и программы соотносятся с потенциалом и потребностями субъектов.

Таким образом, закон обеспечивает вариативность и гибкость в планировании на основе системы обратной связи и перехода управления к системному типу, управлению по результатам.

В соответствии с федеральным законом о стратегическом планировании была создана концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (от 17 ноября 2008 г.), которая содержит конкретизацию целевых ориентиров и программ их достижения. Основная цель развития страны видится в устойчивом повышении качества жизни граждан, социально-экономическом развитии субъектов РФ, сокращении уровня межрегиональной дифференциации, динамичном развитии экономики, достижении лидирующих позиций РФ в мире, обеспечении национальной безопасности. В документе также отражены потребности общества.

Механизмом реализации целей выступают средства активизации секторов экономики и населения, система адресной поддержки.

В положениях концепции говорится, что для реализации целей развития необходимо решить накопившиеся проблемы, являющиеся тормозом перехода экономики на инновационный тип. К ним относятся: численность населения, квалификация кадров, занятость, доступность социальных услуг в сфере здравоохранения и образования, условия жизни людей, качество социальной среды, уровень жизни, инфраструктурные проблемы, неравенство регионов, риски ведения предпринимательской деятельности, излишние административные и финансовые барьеры, механизмы регулирования рынков, монополизация экономики, низкая производственная и социальная культура, неактивность граждан, низкая производительность труда, слабое развитие форм самоорганизации и саморегулирования бизнеса и общества, низкий уровень доверия

и партнёрских кооперативных отношений людей, бизнес-агентов и государства, низкий уровень демократизации, проблема с обеспечением правопорядка, защиты прав и свобод, прозрачности ведения бизнеса.

Для интеграции работы по всем этим направлениям и созданию стабильности, предсказуемости политики государства предлагается разработка национальных проектов. Они содержат последовательность выполнения мероприятий согласно разработанной системе приоритетов.

Для достижения целей делается ставка на систему национального демократического управления, изменение баланса между центром и периферией, развитие инноваций, человеческого потенциала и науки, трансформации структуры экономики. Последнее касается перевода её в инновационный режим с фокусировкой на качество производимого товара.

Для успешной реализации проектов создаётся система взаимодействия основных субъектов развития: бизнеса, государства и общества. На основе равноправного диалога субъектов управления планируется организация сотрудничества (взаимовыгодное достижение целей развития), согласование интересов и направлений активности, выработка единой политики. Роль локомотива отводится частному бизнесу, экономическим региональным союзам и механизмам социально-экономического развития в сторону свободы, предпринимательства, справедливости и национальной конкурентоспособности. Государству отходит роль активатора развития и обеспечения условий для предпринимательства, снижения административных барьеров и рисков ведения бизнеса.

Таким образом, административное и нормативное регулирование задаёт курс на переход к системному типу управления с проектным подходом целедостижения, позволяющего осуществлять сбалансированное развитие, ориентироваться на реализацию потребностей общества в социально-экономическом развитии субъектов, территорий и отраслей.

Заключение

Промежуточные результаты исследования показали движение государственного регулирования от функционального к системному типу, изменение программного подхода целедостижения в сторону проектного. Директивность заменяется на управление по результатам. Наблюдается переход к ограниченной антропоцентричности. Целям общества подчинены цели субъектов развития. Управление территориями строится на принципе партнёрских отношений, которые пока выстроены по принципу подчинения, что сильно снижает активность субъектов территориального развития и тормозит реализацию национальных проектов. В регулировании территории развития складывается движение от полного разнообразия к унификации процессов стратегического планирования, форм и показателей. В содержательном аспекте присутствует определённая доля разнообразия.

Целесообразным представляется на основе выделенных тенденций нормативного развития государственного регулирования изучить характер

стратегического планирования на уровне регионов; оценить, насколько региональное стратегическое планирование соотносится с выделенными нормативными тенденциями; провести анализ реальных практик регионального управления в рамках разработки и реализации стратегий регионального развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аксенова О. В. Стратегия развития российских регионов: официальная версия // Власть. 2019. Т. 27, № 1. С. 9–17. DOI [10.31171/vlast.v27i1.6192](https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6192). EDN [YZPVDV](https://elibrary.ru/yzpvdv).
2. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, И. И. Бойко [и др.] ; сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М. : Издательство «Весь Мир», 2016. 360 с. ISBN 978-5-7777-0664-5. EDN [YRJCSJX](https://elibrary.ru/yrjcsjx).
3. Сухарев О. С. Структурная политика в экономике России: условия формирования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10, № 3 (240). С. 2–8. EDN [RSMBTR](https://elibrary.ru/rsmbtr).
4. Захарова Н. В. Формирование инновационной экономики в России: проблемы заимствования опыта зарубежных стран // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник, Москва, 20–21 декабря 2018 года / Отв. ред. В. И. Герасимов. Т. 14, Ч. 1. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 293–297. EDN [GQMRTE](https://elibrary.ru/gqmrte).
5. Шабельникова Е. А. Национальная инновационная система: сущность и структура // Вестник Института экономических исследований. 2017. № 4 (8). С. 78–85. EDN [YTSEBT](https://elibrary.ru/ytsebt).
6. Марков Л. С., Курмашев В. Б., Низковский А. Ю. Федеральная и региональная кластерная политика России // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 4. С. 107–121. DOI [10.25205/2542-0429-2017-17-4-107-121](https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-4-107-121). EDN [KXRPJED](https://elibrary.ru/kxrpjed).
7. Луцкая Е. Е. Федеральные целевые программы как инструмент государственной инвестиционной политики // Экономические и социальные проблемы России. 2007. № 1. С. 35–49. EDN [HZZSHR](https://elibrary.ru/hzzshr).

Сведения об авторах

В. С. Богданов

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [7496-3237](https://elibrary.ru/7496-3237)

А. А. Почестнев

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
доцент
SPIN-код: [8204-0757](https://elibrary.ru/8204-0757)

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 22.11.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.1

THE GENESIS OF REGULATORY ACTS FOR THE DEVELOPMENT OF REGIONS. PART ONE

Vladimir Sergeevich Bogdanov¹
Alerxander Anatolievich Pochestnev²

^{1,2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,

² Moscow Aviation Institute,

Moscow, Russia,

¹ valarf@mail.ru,

ORCID 0000-0003-0176-1007

² apochestnev@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-4287-3654

For citation: Bogdanov V. S., Pochestnev A. A. The genesis of regulatory acts for the development of regions. Part one. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):9–22. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.1.

Abstract. This article presents an analysis of the development of legal regulation of socio-economic development in the Russian Federation. The symptoms of the movement of management to the project and anthropocentric type were determined. The key legislative acts related to socio-economic development and regional development for the period from 1995 to 2020 were analyzed. The subject of the analysis was the target focuses of planning, the role of the state in planning, the nature of the relationship between federal, regional, municipal authorities and other development actors, the consistency and complexity of policy development, territorial unification or diversity in regional planning. The results showed the movement of administration from the functional to the system type, a change in the programmatic approach towards the project approach. Directionality is replaced by results-based management. However, such a consistent movement towards anthropocentricity is not observed. The management of territories is based on the principle of partnership, but these relations are still built on the principle of subordination, which greatly reduces the activity of subjects of territorial development and hinders the implementation of national projects.

Keywords: diversity and unification of regional development regulation, program management, project management, national projects, state programs, strategic planning, anthropocentric model, policy

REFERENCES

1. Aksenova O. V. Development strategy of Russian regions: official version. *Vlast'*. 2019;27(1):9–17. (In Russ.). DOI 10.31171/vlast.v27i1.6192.
2. Lapin N. I. ed. Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems. Moscow: Ves Mir; 2016. 360 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0664-5.
3. Sukharev O. S. Structural policy in the Russian economy: conditions for formation. *National interests: priorities and security=Nacional'ny'e interesy: priority' i bezopasnost'*. 2014;10(3):2–8. (In Russ.).

4. Zakharova N. V. Formation of an innovative economy in Russia: problems of borrowing the experience of foreign countries. *Russia: trends and prospects of development=Rossiia: tendencii i perspektivy' razvitiya*. 2019;(14-1):293–297. (In Russ.).
5. Shabelnikova E. A. National Innovation System: Essence and Structure. *Bulletin of the Institute of Economic Research=Vestnik Instituta e'konomicheskix issledovanij*. 2017;4(8):78–85. (In Russ.).
6. Markov L. S. Kurmashev V. B., Nizkovsky A. Yu. Federal and regional cluster policy of Russia. *The world of economics and management=Mir e'konomiki i upravleniya*. 2017;17(4):107–121. (In Russ.). DOI [10.25205/2542-0429-2017-17-4-107-121](https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-4-107-121).
7. Lutskaya E. E. Federal target programs as an instrument of state investment policy. *Economic and social problems of Russia=E'konomicheskie i social'ny'e problemy' Rossii*. 2007;(1):35–49. (In Russ.).

Information about the Authors

V. S. Bogdanov

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [AAV-2997-2020](https://orcid.org/0009-0001-9111-1111)

Scopus AuthorID: [57217069397](https://orcid.org/0009-0001-9111-1111)

A. A. Pochestnev

Candidate of Sociology,

Senior Researcher,

Associate Professor

ResearcherID: [AAV-7260-2020](https://orcid.org/0009-0001-9111-1111)

Scopus AuthorID: [57200195760](https://orcid.org/0009-0001-9111-1111)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 22.11.2024.

УДК 316.334.52
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.2
EDN: UJBPNG

Научная статья

ТИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

Ксения Эльдаровна Гусейнова¹
Валентина Александровна Шилова²

^{1,2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ likседar@mail.ru,

ORCID 0000-0002-7957-7317

² vshilova@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-8899-2707

Для цитирования: Гусейнова К. Э., Шилова В. А. Типы организации коммуникативного пространства управления в условиях реализации национальных проектов: региональный разрез // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 23–45. DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.2. EDN UJBPNG.

Аннотация. Данная статья продолжает серию исследований, посвящённых изучению организации коммуникативного пространства в управлении регионами. Эффективность реализации тех или иных управленческих решений может зависеть от множества факторов, в том числе от качественно выстроенного диалога между заинтересованными субъектами социального управления, представляющими интересы различных категорий граждан. В статье представлены результаты поискового исследования, посвящённого выделению типов организации коммуникативного пространства управления в условиях реализации национальных проектов в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации. Основная задача заключалась в определении уровней конструктивного (сбалансированного) и деструктивного (рассогласованного) взаимодействия между субъектами трёх уровней – управленческого, ресурсного и базисного. Вторичная концептуализация данных массового опроса населения (n = 6021) и экспертного онлайн-опроса, проведённых в 12 регионах Российской Федерации, выявила типовые признаки организованной коммуникации между конкретными субъектами в каждой из исследуемых областей. Валидность данных экспертного онлайн-опроса, помимо прочего, подтверждается наличием у экспертов опыта управленческой практики, высшего образования и профессиональной компетентности. Авторами были изучены отношения между субъектами управления (региональными органами власти, местным самоуправлением, бизнес-сообществами, общественными организациями, научными организациями и населением) в каждом регионе. Путём оценки сходств и различий коммуникативных связей были сконструированы типы организации коммуникативного пространства управления регионом: 1) сбалансированный конструктивный,

© Гусейнова К. Э., 2024

© Шилова В. А., 2024

2) с элементами рассогласования, 3) несогласованный (разбалансированный, деструктивный). В ходе анализа было выявлено, что оценка взаимодействия субъектов управления связана с оценкой стиля управления в регионе; согласие представителей экспертного сообщества с управленческим стилем органов власти региона связано с оценкой характера конструктивности отношений региональных органов власти и населения.

Ключевые слова: региональное управление, коммуникативное пространство управления, региональные сходства и различия, национальные проекты

Введение

Изучение феномена организации коммуникативного пространства в различных регионах России является одной из приоритетных тем, разрабатываемых в рамках общего исследования Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН на протяжении нескольких лет. Социологический анализ таких процессов даёт возможность современным учёным качественно оценить эффективность принятых управленческих решений. Однако не менее важной задачей, по мнению авторов статьи, является изучение процессов, способствующих организации диалога между заинтересованными участниками на стадии разработки и реализации государственных программ стратегического типа, таких как: Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации и Национальные проекты (далее – НП).

В научной литературе термин «коммуникативное пространство» принято рассматривать как частный случай пространства социального (Г. Зиммель, П. Сорокин, П. Бурдьё и др.). Свой коммуникативный аспект социальное пространство приобретает тогда, когда его участники вступают во взаимодействие друг с другом. Таким образом, коммуникация выступает средством управления различными процессами в обществе и успех её целиком и полностью зависит от построения диалога и адекватной интерпретации каждым из участников [1].

Коммуникативное пространство формируется в тех случаях, когда возникает диалог на любом из уровней социальной жизни общества. При этом участие в нём, согласно теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, опосредовано конкретной целью, а именно – достижением консенсуса путём интеграции, взаимного согласия [2], координации действий на уровне норм, знаний, оценок и чувств [3]. В этом состоит одно из главных отличий группы животных от человеческого общества, в котором помимо конкуренции существуют такие понятия, как коммуникация и консенсус [4].

С другой стороны, коммуникативное пространство управления можно рассматривать как локальные коммуникативные связи в публичном пространстве регионов, сформировавшиеся между субъектами власти, а также между властью и обществом [5]. Например, И. А. Халий утверждала, что органы власти, не заинтересованные и не вступающие в коммуникацию друг с другом, тем более не заинтересованы вступать в контакт с местными сообществами,

следовательно, большая часть коммуникаций в публичном поле – лишь имитация. Таким образом, отсутствие диалога может привести к ряду негативных социальных последствий, например – снижению качества комплексной социально-диагностической работы (что особенно важно при проведении социальной экспертизы) и потере коммуникативной культуры [6].

Приведённые термины подробно описаны в работах Т. М. Дридзе, её последователей и учеников в рамках ситуационного анализа и социально-прогнозного проектирования. Основу её концепции «социально ориентированного управления» [7], означающей ««мягкую» социальную технологию вмешательства науки в процесс выработки и реализации управленческих решений, в которых равноценно «задействованы» все заинтересованные стороны» [6, с. 85], составляет «диалогическое коммуникативное пространство» [8, с. 3]. В таком пространстве осуществляется вертикальное и горизонтальное взаимодействие участников. Эффективность их диалога, в первую очередь, зависит от того, насколько успешно или неуспешно коммуникация, организованная между субъектами социального взаимодействия, справляется с нивелированием разного рода барьеров, в том числе «искусственно объективируемых» [9, с. 16], приводящих к социальному напряжению. Включение в диалог всех заинтересованных сторон на каждом этапе разработки того или иного стратегического проекта минимизирует возможные негативные последствия от его реализации.

Методологическая и эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составили данные массового опроса населения и экспертного онлайн-опроса должностных лиц и представителей профессиональных групп, проведённых в 2019–2021 гг. в 12 регионах России в рамках реализации проекта «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года».

Опросы проводились в Республике Башкортостан, Республике Калмыкия, Белгородской области, Московской области, Республике Саха (Якутия), Амурской области, Брянской области, Вологодской области, Нижегородской области, Омской области, Смоленской области, Свердловской области.

Для экспертного онлайн-опроса были отобраны респонденты, имеющие опыт управленческой практики и участвующие в разработке стратегических документов. В результате было собрано 609 экспертных анкет, валидность которых подкрепляется высоким уровнем профессионально-управленческих компетенций экспертов, которые проверялись в ходе исследования. В число профессионально-управленческих характеристик компетентности экспертов входили: умение давать развёрнутые ответы на открытые вопросы, практика частого обращения к интернету для решения ежедневных задач, информированность, уровень образования и характер профессиональной деятельности. Географическая принадлежность экспертов соответствовала двенадцати

отобранными регионам. Статус экспертов подразумевал либо руководящую должность в организации (предприятии), либо занятость в качестве специалиста в определённой сфере. Из 609 экспертов 78 % имели статус руководителя с высоким уровнем должностной ответственности; 22 % позиционировали себя как специалисты-практики; 44 % отметили, что имеют опыт управлением организацией или фирмой; 35 % имеют управленческий опыт в органах региональной власти; 22 % имеют опыт работы в качестве начальников отделов, цехов, бригад в производственной и непроизводственной региональных сферах. Все эксперты имели высшее образование, 26 % – учёную степень кандидата или доктора наук, 41 % экспертов относились к бюджетной сфере, к некоммерческому сектору – 15 %, к производственному – 25 %, к предпринимательской среде – 9 %; 66 % экспертов участвовали в общественной и политической активности [10, с. 89–92].

Объём выборки позволил провести количественный анализ полученных данных.

Массовый опрос населения проводился по специально созданной для каждого региона квотной выборке, учитывающей данные Федеральной службы государственной статистики и административно-территориальное деление отобранных регионов, а также пол, возраст, образование жителей. Массив данных прошёл специальную оценку валидности. Объём выборки массового опроса составил 6021 анкету с пороговым значением не менее 500 документов в каждом регионе [10].

Анкеты экспертного онлайн- и массового опросов имели пересекающиеся блоки, что позволило авторам провести вторичную концептуализацию данных, а именно: сконструировать новые переменные, задать критерии исследования и провести сопоставительный анализ.

В данной статье описание процессов организации коммуникативного пространства выстраивается на основе анализа данных экспертного онлайн-опроса. Результаты массового опроса используются для подтверждения либо опровержения некоторых выводов.

Каждый из 12 регионов, попавших в выборку, обладает определённым уровнем социокультурного развития – высоким, средним, ниже среднего и низким (адаптированная типология ЦИСИ ИФ РАН) [11]. Основная гипотеза исследования состоит в том, что характер оценки экспертами взаимодействия участников коммуникативного пространства в процессе разработки и принятия управленческих решений связан с уровнем развития региона.

Для концептуализации проблемного исследовательского поля авторы обратились к работам Э. А. Орловой, описывающей взаимодействие активных субъектов в процессе решения конкретных проблем как социокультурное пространство, обладающее особым потенциалом. Уровень последнего может зависеть от множества факторов и рассматривается как «результат концептуального совмещения институциональной и стратификационной точек зрения на организацию активности людей в обществе» [12, с. 109]. Речь идёт не просто

о размещении в физическом пространстве, а о концентрации людей в определенных зонах, различающихся между собой по формам организации совместной жизни и культурному потенциалу, распределённому по типу поселений с учётом характерных для них особенностей социокультурного пространства. В нашем случае к такому типу поселений можно отнести регионы с разным уровнем модернизации.

Э. А. Орлова подробно описывает все стадии организации конструктивного взаимодействия субъектов, которые раскрываются через «парадигму консолидации», «квази-конфликтную парадигму взаимодействия», «переговорную стадию взаимодействия» [13]. Схема партнёрской социальной коммуникации включает в себя множество этапов (в том числе консолидацию, конфликт и переговоры), каждый из которых в конечном итоге должен помочь в формировании работоспособной команды для оценки эффективности реализуемых управленческих решений.

При этом следует учитывать, что потенциальные участники таких групп не всегда готовы к взаимодействию: соответственно, их заинтересованность в участии может также подкрепляться субъективными факторами, такими как «вознаграждение» и «издержки». Последние, согласно теории Дж. Хоманса, в интерпретации американского социолога Гильермины Джассо [14], являются «основными регуляторами повторяемости совместной деятельности» (цит. по: [15, с. 174]) и могут оказывать друг на друга взаимное давление (см.: [15, с. 176]). Устойчивость социального обмена или, в нашем случае, эффективность коммуникативного пространства во многом зависит от ценности полученного вознаграждения, баланса выгоды и затрат, справедливого распределения ресурсов, выраженного в уровне ожидаемого результата или честном распределении вознаграждения.

Работая в рамках прогнозного социального проектирования, в основе которого лежит концепция социального участия, необходимо было выделить субъектов управления (акторов), участвующих в реализации управленческих решений. При этом характер их отношений в процессе организации коммуникативного пространства базируется на субъект-субъектном социально ориентированном управлении. К числу таких субъектов авторы отнесли региональные органы власти, органы местного самоуправления, бизнес-организации, общественные организации, инициативные научно-образовательные организации и население.

Взяв за основу описанные выше концепции и поставив перед собой задачу определить типы коммуникативных пространств, организованных между субъектами социального взаимодействия в ходе реализации национальных проектов, авторы статьи обратились к данным экспертного онлайн- и массового опросов.

Для оценки организации коммуникативного пространства в регионах России перед экспертами была сформулирована следующая задача: «Оцените характер отношений между различными региональными субъектами в ситуации реализации национальных проектов в вашем регионе».

Экспертам было предложено оценить 11 коммуникативных связей, разделённых на четыре группы в соответствии с субъектами управления: 1) взаимодействие региональных органов власти с органами местного самоуправления, с бизнес-организациями, с общественными организациями, с инициативными научно-образовательными коллективами, с населением; 2) взаимодействие органов местного самоуправления с бизнес-организациями, общественными организациями, населением; 3) взаимодействие бизнес-организаций с общественными организациями, с населением; 4) взаимодействие общественных организаций с населением.

Результаты исследования

Анализ имеющихся эмпирических материалов осуществлялся в два этапа.

На первом этапе производилось определение типов коммуникативного пространства в регионах. Анализ позволил структурировать экспертную оценку каждого из типов отношений, эквивалентного типу коммуникативного пространства. В таблице 1 представлена оценка характера отношений региональных органов власти и органов местного самоуправления в условиях реализации национальных проектов во всех 12 регионах РФ.

Таблица 1

Оценка экспертами характера отношений региональных органов власти и органов местного самоуправления в условиях реализации национальных проектов в зависимости от региона проживания, 2021 год, %

Отношения:	Регионы												Всего
	Московская область	Нижегородская область	Свердловская область	Республика Башкортостан	Республика Саха (Якутия)	Омская область	Белгородская область	Амурская область	Вологодская область	Брянская область	Смоленская область	Республика Капмыкия	
конструктивные, интересы согласованы полностью	15,7	20,0	16,0	23,1	14,6	36,0	56,9	34,0	23,5	41,2	28,0	21,2	27,6
нормальные, есть некоторые разногласия	47,1	58,0	58,0	59,6	58,3	52,0	35,3	56,0	58,8	54,8	56,0	50,0	53,6
плохие, существуют серьёзные разногласия	13,7	8,0	10,0	3,8	6,3	2,0	3,8	2,0	5,9	0,0	4,0	17,3	6,4
никак не выстроены	11,8	2,0	8,0	3,8	12,5	0,0	2,0	4,0	0,0	2,0	2,0	7,7	4,6
Затруднились ответить	11,7	12,0	8,0	9,7	8,3	10,0	2,0	4,0	11,8	2,0	10,0	3,8	7,8

В целом можно сказать, что в Нижегородской, Свердловской и Вологодской областях наблюдается похожий тип взаимодействия с региональной властью. Подавляющее большинство экспертов оценили отношения между региональной и местной властью как «нормальные». Самые «конструктивные» отношения наблюдаются в Белгородской области (56,9%), самые «деструктивные» – в Республике Калмыкия (17,3%).

На основе полученных данных было решено объединить типы коммуникаций в соответствии с субъектами управления и оценкой их взаимодействия в 12 регионах. В результате были получены 16 результирующих таблиц, отражающих отношения между различными субъектами по четырём типам оценок, а именно: *конструктивные, нормальные, деструктивные, неотстроенные*.

В качестве примера остановимся на первой группе коммуникаций, имевшей место между региональными органами власти и пятью перечисленными выше участниками социального взаимодействия (см. табл. 2). Самыми многочисленными и малопоказательными оказались отношения, именуемые «нормальными». В первую очередь речь идёт о взаимоотношении власти с бизнес-структурами, во вторую – с общественными организациями, в третью – с местным самоуправлением. В связи с этим решено было не указывать их в общей таблице ниже, чем и обусловлен тот факт, что суммарно данные на 100% не выводятся.

В ходе оценки реализации национальных проектов оказалось, что лучше всего выстроены отношения между органами власти двух уровней – регионального и местного. В большей степени конструктивные отношения по данному типу коммуникации наблюдаются в Белгородской области (56,9%), за ней со значительным отрывом следует Брянская область (41,2%) (см. табл. 2).

Отношения между властью и населением являются наиболее деструктивными, по мнению экспертов. Подобная ситуация встречается во всех 12 регионах, среди которых на первом месте оказалась Московская область – 45,1%, а на втором, с равными оценками, Свердловская и Амурская области – по 42% соответственно. Далее за ними следуют Республика Саха (Якутия) – 33,3%, Белгородская область – 32% и Республика Калмыкия – 30%. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, эксперты оценивали отношения между региональными органами власти и населением как негативные во всех регионах, независимо от уровня их социокультурного развития (см. табл. 2).

При этом следует отметить, что в высокоразвитых регионах эксперты в равной степени оценили наличие серьёзных разногласий между двумя типами взаимоотношений: 1) власть и бизнес, 2) власть и общественные организации – по 23,5% в Московской области, 18,4% и 18,8% в Нижегородской области, по 20% в Свердловской области.

По оценкам экспертов, менее всего выстроены отношения между региональными органами власти и населением – данный показатель составил 16,3%. Это предположение особенно справедливо для двух регионов с высоким уровнем развития: Нижегородская и Свердловская области – по 20% каждая, и двух

Таблица 2

Оценка экспертами отношений между региональными органами власти и прочими субъектами социального взаимодействия, 2021 год, %

Отношения:	Регионы												
	Московская область	Нижегородская область	Свердловская область	Республика Башкортостан	Республика Саха (Якутия)	Омская область	Белгородская область	Амурская область	Вологодская область	Брянская область	Смоленская область	Республика Калмыкия	Всего
<i>Конструктивные отношения</i>													
РОИВ + МСУ	15,7	20	16	23,1	14,6	36	56,9	34	23,5	41,2	28	21,2	27,5
РОИВ + Бизнес	5,9	14,3	12	3,8	10,4	4	5,9	10	4	14	12	5,9	8,5
РОИВ + Общ. организации	9,8	10,4	6	13,5	8,3	24	14	28	16	26	24	16	16,3
РОИВ + Наука	13,5	10	8,2	17,3	16,7	20	16	18	14	24	8	25,5	15,9
РОИВ + Население	3,9	2	0	5,9	10,4	0	4	12	2	10	4	4	4,9
<i>Деструктивные отношения</i>													
РОИВ + МСУ	13,7	8	10	3,8	6,3	2	3,9	2	5,9	0	4	17,3	6,4
РОИВ + Бизнес	23,5	18,4	20	21,2	22,9	12	25,5	16	16	18	18	27,5	19,9
РОИВ + Общ. организации	23,5	18,8	20	11,5	14,6	4	16	12	12	6	6	12	13,0
РОИВ + Наука	15,4	16	8,2	5,8	8,3	10	12	16	4	10	12	3,9	10,1
РОИВ + Население	45,1	26	42	27,5	33,3	16	32	42	16	18	28	30	29,7
<i>Неотстроенные отношения</i>													
РОИВ + МСУ	11,8	2	8	3,8	12,5	0	2	4	0	2	2	7,7	4,7
РОИВ + Бизнес	9,8	6,1	8	3,8	16,7	10	2	4	0	0	14	13,7	7,3
РОИВ + Общ. организации	3,9	6,3	10	5,8	12,5	6	8	6	4	4	8	10	7,0
РОИВ + Наука	21,2	8	12,2	5,8	10,4	8	10	4	12	4	30	11,8	11,5
РОИВ + Население	15,7	20	20	15,7	14,6	10	18	14	8	6	30	24	16,3

Примечание. РОИВ – региональные органы власти, МСУ – органы местного самоуправления, Наука – инициативные научно-образовательные коллективы.

регионов с низким уровнем социокультурного развития: Смоленская область и Республика Калмыкия – 30 и 24 % соответственно.

Чуть лучше обстоят дела между властью и инициативными научно-образовательными коллективами (11,5 %). Особенно этот тип взаимодействия отстаёт в Смоленской (30 %) и Московской (21,2 %) областях.

Есть регионы, у которых совсем не отстроены отношения между региональными органами власти и всеми региональными субъектами, по мнению экспертов. К их числу относится Республика Саха (Якутия), имеющая одинаково высокие негативные оценки по всем типам взаимодействия.

В результате есть основания сделать предварительные выводы о типах коммуникативного пространства, организованного между региональными органами власти и прочими субъектами управления в регионах, где проводилось исследование:

- в условиях реализации национальных проектов самыми конструктивными оказались отношения региональных властей с местным самоуправлением: наиболее высокие показатели зафиксированы в Белгородской и Брянской областях;
- самыми деструктивными, по мнению экспертов, оказались отношения региональных органов власти с населением. Подобный тип отношений характерен для всех регионов, независимо от уровня их социокультурного развития;
- если одна часть экспертов считает негативными отношения органов власти с населением, то другая убеждена в полном отсутствии каких-либо отношений между ними. Такой тип коммуникации также чаще других был выбран региональными экспертами как «неотстроенный». Об этом заявили эксперты пяти из двенадцати регионов, два из которых (Нижегородская и Свердловская области) являются высокоразвитыми по социокультурному параметру;
- наука как один из субъектов управления практически не имеет никаких связей с региональными органами власти и следует на втором после населения месте. Особенно такая ситуация характерна для Смоленской и Московской областей.

На втором этапе анализа данных исследования устанавливались сходства и различия коммуникативного пространства регионов с точки зрения конструктивно-деструктивного баланса. Для того, чтобы выделить типы коммуникативных связей между региональными органами власти и органами местного самоуправления, населением, бизнес-сообществами, общественными организациями и населением, экспертам было предложено оценить характер отношений между различными региональными субъектами в ситуации реализации национальных проектов. На этом этапе анализа было принято решение объединить имеющиеся варианты ответа «отношения конструктивные» и «отношения нормальные» в единую переменную – «отношения конструктивные», варианты ответа «плохие отношения» и «неотстроенные отношения» остались без изменения, вариант «затрудняюсь ответить» из анализа был исключён.

В результате анализа характера отношений между региональными органами власти и всеми другими участниками (актерами) коммуникации авторы пришли к следующему выводу: во всех 12 регионах РФ, где проводилось исследование, наиболее выстроенными оказались отношения между региональными

и местными органами власти. Далее на основании экспертных оценок были выделены пять типов организации коммуникативного пространства управления.

К первому типу (I) – *сбалансированному конструктивному* – отнесены регионы, в которых, по мнению экспертов, отношения региональных органов власти со всеми участниками социального взаимодействия носят конструктивный или скорее конструктивный характер. Данный тип коммуникации предполагает, что эксперты, оценивая взаимодействие региональных органов власти с другими субъектами, реже выбирали такие характеристики, как «деструктивные» и «неотстроенные». Наиболее ярким примером такого взаимодействия оказалась Вологодская область. На рисунке 1 видно, что региональные органы власти имеют сбалансированные отношения со всеми участниками. Аналогичное распределение было обнаружено в Брянской и Омской областях.

Второй тип (II) – *с элементами рассогласования* – свойственен тем случаям, когда взаимодействие всех участников в целом носит положительный характер (конструктивные или скорее конструктивные отношения), но при этом имеют место малоконструктивные отношения с населением, наукой или бизнесом (см. рис. 2). Данный тип коммуникации был обнаружен в Нижегородской, Белгородской, Амурской областях, а также в Республике Башкортостан.

Третий тип (III) – *несогласованный-разбалансированный-деструктивный* – проявляется при следующих условиях: 1) преобладание положительных оценок, наряду с которыми обнаруживается деструктивное взаимодействие между региональными органами власти и населением, а также постепенное снижение объёма прочих конструктивных взаимодействий (Республика Саха (Якутия)); 2) возрастание негативных отношений между региональными органами власти и населением (Московская и Свердловская области); 3) рост негативного взаимодействия с населением, научными и бизнес-сообществами, а также увеличение доли негативных или невыстроенных взаимодействий (Смоленская область и Республика Калмыкия) (см. рис. 3).

Далее на основании собранных экспертных данных, включающих в себя оценку характера взаимодействия региональных органов власти с прочими акторами социального взаимодействия (местное самоуправление, население, бизнес- и научное сообщество, общественные организации), анализ было решено дополнить описанием трёх полученных типов коммуникативного пространства (см. табл. 3). Гипотеза на этом этапе исследования заключалась в предположении о наличии связи между оценкой таких отношений и мнением экспертов относительно стиля управления, имеющего место в том или ином регионе, и согласия с ним.

В предпринятом анализе авторы связывают уровень эффективности реализации управленческих решений с оценкой, полученной от населения регионов (в том числе экспертов) в ответ на те или иные управленческие действия со стороны органов власти. Согласно данным таблицы 3, наблюдается следующая тенденция: в тех регионах, где в отношениях между региональной властью и другими участниками социального взаимодействия присутствуют деструктивные

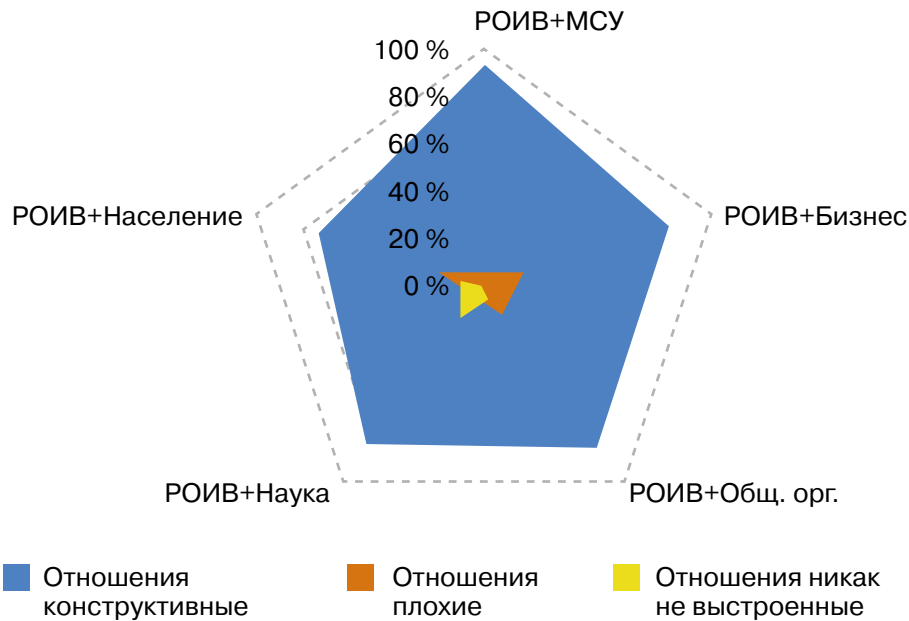

Рис. 1. Коммуникативное пространство первого типа, организованное между региональными органами власти и прочими акторами коммуникации в Вологодской области, 2021 год, %

Примечание. РОИВ – региональные органы власти, МСУ – органы местного самоуправления, Наука – инициативные научно-образовательные коллективы.

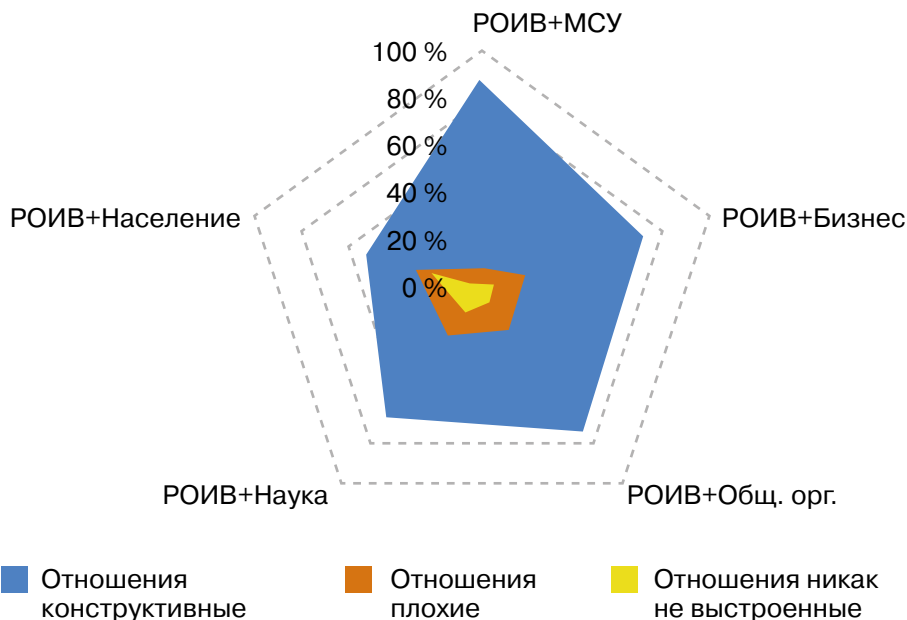

Рис. 2. Коммуникативное пространство второго типа, организованное между региональными органами власти и прочими акторами коммуникации в Нижегородской области, 2021 год, %

Примечание. РОИВ – региональные органы власти, МСУ – органы местного самоуправления, Наука – инициативные научно-образовательные коллективы.

элементы, снижается уровень эффективности реализации управленческих решений. В регионах, в которых организовано коммуникативное пространство третьего типа, преобладает клановый (реже – авторитарный) тип управления, который негативно оценивается экспертами, считающими их работу по решению жизненно важных для региона проблем скорее удовлетворительной, нежели хорошей или отличной. При этом наихудшие гражданские и экспертные оценки деятельности региональных органов власти были обнаружены в регионах с самым высоким и самым низким уровнем социокультурной модернизации, имеющих несогласованный-разбалансированный-деструктивный тип организации коммуникативного пространства. Данные таблицы 3 подтверждают полученные ранее результаты в части влияния на организацию коммуникативного пространства управления регионом оценки населением деятельности региональных органов власти по решению наиболее острых социальных проблем [16].

Для более глубокого анализа авторы решили выяснить, оказывает ли влияние на тип организации коммуникативного пространства уровень социокультурного развития регионов. Данные таблицы 4 демонстрируют отсутствие такого вида связи. При этом экспертная оценка отношений между региональными органами власти и населением подтверждает выделенные типы коммуникативного взаимодействия. Из чего следует вывод о том, что характер отношений между двумя этими субъектами может дать предварительный прогноз оценки взаимодействия остальных субъектов.

В качестве фактора, способствующего конструктивному построению коммуникативного пространства, было использовано понятие включённости или

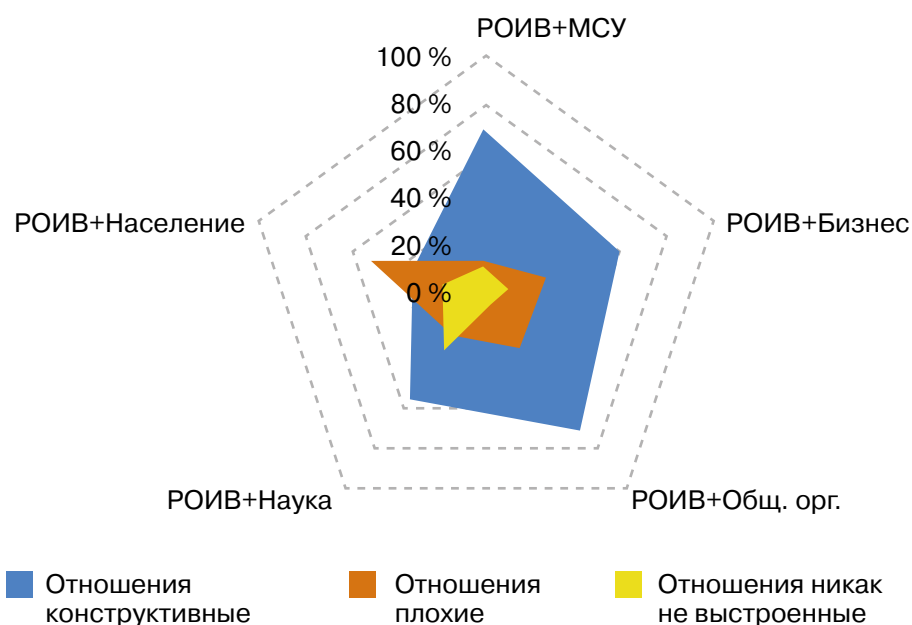

Рис. 3. Коммуникативное пространство третьего типа, организованное между региональными органами власти и прочими акторами коммуникации в Московской области, 2021 год, %

Примечание. РОИВ – региональные органы власти, МСУ – органы местного самоуправления, Наука – инициативные научно-образовательные коллективы.

Таблица 3

Стиль управления, согласие со стилем управления, деятельность региональных органов власти в оценках экспертов и населения регионов с различным типом коммуникативной организации управления, 2020–2021 гг.

Регион	Оценки экспертов			Деятельность региональных органов власти, средние значения **	
	Тип ОКП	Стиль управления, %*	Согласие со стилем управления, %	эксперты	население
Омская область	I	Коллегиальный – 30 Клановый – 18	24	3,6	3,5
Брянская область	I	Демократический – 22 Коллегиальный – 20	46	4,2	3,8
Вологодская область	I	Клановый – 24 Коллегиальный – 22	16	3,8	3,4
Белгородская область	II	Клановый – 45 Авторитарный – 27	16	3,4	3,7
Нижегородская область	II	Клановый – 26 Коллегиальный – 24	20	3,7	4,0
Республика Башкортостан	II	Авторитарный – 38 Клановый – 13	29	3,9	3,9
Амурская область	II	Коллегиальный – 36 Авторитарный – 22	28	3,5	3,8
Республика Саха (Якутия)	II	Клановый – 42 Коллегиальный – 16	16	3,6	4,0
Московская область	III	Клановый – 35 Авторитарный – 23	10	2,8	3,5
Свердловская область	III	Коллегиальный – 24 Демократический – 22	18	3,3	3,4
Смоленская область	III	Авторитарный – 30 Клановый – 24	10	3,1	3,4
Республика Калмыкия	III	Клановый – 44 Авторитарный – 23	4	2,6	3,2

Примечание. ОКП – организация коммуникативного пространства.

* Приведены данные первых двух показателей, которые получили наибольшее количество ответов.

** Приведены средние значения данных, полученных в ходе массового и экспертного опросов.

готовности населения принять участие в разработке или реализации проектов и программ, имеющих значительный социальный эффект [17]. Подобное взаимодействие с учётом ряда социально-демографических и социокультурных показателей указывает на формирование субъектности социальных групп [18]. Оказалось, что готовность экспертов и населения принять непосредственное участие в разработке стратегических документов не оказывает прямого

Таблица 4

Стиль управления, конструктивность отношений РОИВ и населения, готовность к участию в НП в оценках экспертов и населения регионов с различным типом ОКП и уровнем социокультурной модернизации, 2020–2021 гг.

Регион	Уровень социо-культурной модернизации*	Тип ОКП по оценке экспертов	Стиль управления, оценка экспертов, %	Конструктивность отношений РОИВ+ население, оценка экспертов, %	Готовность принять участие в НП, %**	
					эксперты	население
Омская область	2	I	Коллегиальный – 30 Клановый – 18	74	76	12
Брянская область	4	I	Демократический – 22 Коллегиальный – 20	74	81	36
Вологодская область	3	I	Клановый – 24 Коллегиальный – 22	72	81	21
Белгородская область	3	II	Клановый – 45 Авторитарный – 27	48	94	39
Нижегородская область	1	II	Клановый – 26 Коллегиальный – 24	50	77	29
Республика Башкортостан	2	II	Авторитарный – 38 Клановый – 13	53	64	39
Амурская область	3	II	Коллегиальный – 36 Авторитарный – 22	47	85	27
Республика Саха (Якутия)	2	II	Клановый – 42 Коллегиальный – 16	43	79	26
Московская область	1	III	Клановый – 35 Авторитарный – 23	33	75	47
Свердловская область	1	III	Коллегиальный – 24 Демократический – 22	33	87	31
Смоленская область	4	III	Авторитарный – 30 Клановый – 24	36	70	28
Республика Калмыкия	4	III	Клановый – 44 Авторитарный – 23	41	81	38

* Приведены данные по версии ЦИСИ ИФ РАН.

** Приведены процентные значения для тех респондентов, кто «скорее не согласен» и «не согласен» принять участие в разработке стратегических документов и программ. НП – национальные проекты.

воздействия на характер организации коммуникативного пространства. При этом региональная система управления, в том числе стиль управления, является одним из ключевых показателей, определяющих характер взаимоотношений субъектов социального взаимодействия [19].

Участники реализации национальных проектов, названные субъектами социального взаимодействия, по своей сути являются разноуровневыми агентами (в терминологии П. Бурдьё). Каждый из них обладает определённым набором капиталов, способным оказывать влияние на структуру коммуникативного пространства, его функциональность, а также на место и роль в этом пространстве самого актора. В социологической науке принято выделять четыре вида капитала: экономический, культурный, социальный и символический [20]. По этой же аналогии коммуникативное пространство, объясняющее характер взаимодействия субъектов социального взаимодействия с региональными органами власти, было разделено авторами на три уровня в соответствии со статусными характеристиками субъектов (см. рис. 4).

Региональные органы власти и местное самоуправление – субъекты, наделённые властью, поэтому они относятся к первому уровню. На втором уровне – представители бизнеса, науки и общественных организаций, то есть субъекты, обладающие ресурсами, в том числе человеческими, финансовыми, культурными. На третьем базовом уровне находится население как конечный получатель социальных благ и эффектов.

Наиболее конструктивными оказались отношения между субъектами первого и второго уровней, подобная тенденция отмечалась во всех 12 регионах.

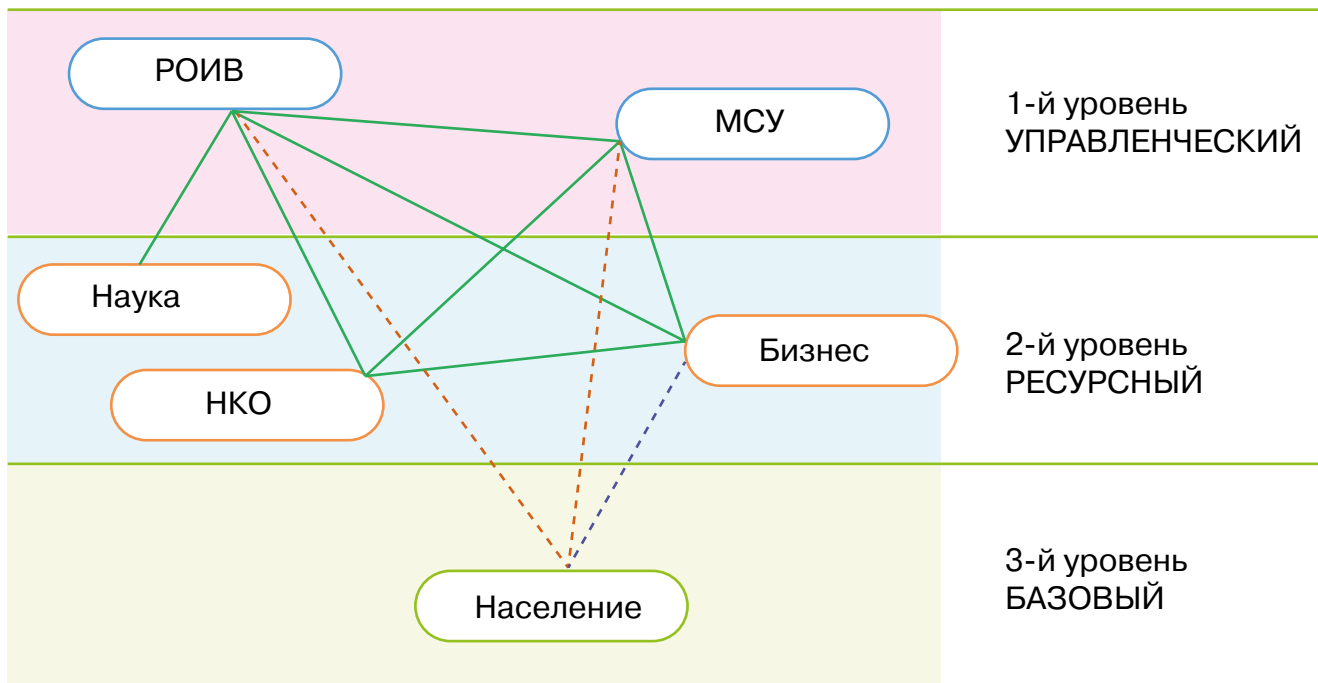

Рис. 4. Характер взаимодействия участников на трёх уровнях коммуникативного пространства

Анализ экспертных данных показал, что в 10 из 12 регионов существуют конструктивные отношения между бизнесом и населением – субъектами второго и третьего уровней. В Московской области эксперты в равной степени оценили такие отношения как конструктивные и плохие, а в Калмыкии – как конструктивные и неотстроенные.

Что касается взаимодействия субъектов первого и третьего уровней, отношения региональных властей с населением оцениваются как конструктивные в подавляющем большинстве регионов. В Московской и Нижегородской областях эксперты оценили характер отношений региональных органов власти с населением как плохой, в Амурской – как неотстроенный. Отношения с местными органами самоуправления эксперты Смоленской области сочли в равной степени конструктивными и плохими.

Диагностическая карта коммуникативного пространства регионов.

На основании полученных данных (см. табл. 2) о характере типов коммуникаций, имеющих место в 12 регионах в условиях разработки и реализации государственных стратегических программ, попытаемся построить диагностическую карту коммуникативного пространства регионов.

Для решения этой задачи необходимо было прописать формальные критерии типологизации взаимоотношений между региональными субъектами управления по характеру их оценки региональными экспертами.

В результате анализа были сформулированы 4 типа критериев экспертной оценки отношений субъектов управления:

- согласованные,
- частично согласованные,
- с элементами рассогласования,
- рассогласованные.

В процессе работы авторов с эмпирическими данными было введено правило, на основании которого отношения между субъектами управления в отдельных регионах были отнесены к обозначенным типам.

Согласованными считались такие отношения, которые оценивались экспертами как «конструктивные» и «нормальные» в региональных подвыборках значительно чаще, чем в общей выборочной совокупности, а оценки отношений как «плохие» и «невыстроенные» были минимальны. То есть в тех случаях, когда экспертами отдельного региона отношения между субъектами управленческого взаимодействия характеризовались значительно лучше, чем в общей выборочной совокупности.

Для детального анализа обратимся к таблице 1. Так, например, в Амурской области отношения между региональной властью и органами местного самоуправления являются одновременно и конструктивными (34,0%), и нормальными (56,0%) – значения оценок выше значений в общем массиве – 27,6 и 53,6% соответственно. Теперь обратимся к различиям между показателями в региональной подвыборке и в основном массиве: в первом случае разница составляет 6,4%, во втором – 2,6%. Соответственно, принимая во внимание эту разницу,

можно сделать вывод о том, что в Амурской области отношения региональных органов власти с местным самоуправлением являются более согласованными. Та же ситуация характерна для Белгородской и Брянской областей.

Отношения частично согласованные характерны для случаев, когда наблюдается преобладание доли экспертных оценок взаимодействия субъектов управления как «нормального», но при этом присутствуют также оценки как «конструктивного», а доля оценок как «плохого» и «не выстроенного» не превышает средних показателей по выборочной совокупности.

Следует принять во внимание следующий факт: если в каком-то регионе доля экспертов, оценивших отношения как «плохие» или как «неотстроенные», выше, чем в выборочной совокупности в целом, то регион не может быть отнесён к данному типу взаимодействия.

В ситуациях, когда значения оценок всех типов отношений достаточно низкие, необходимо снова обратиться к оценке разницы значений. Например, оценки отношений в Вологодской области между региональными органами власти и общественными организациями оказались низкими, но разница между оценками «конструктивных» и «нормальных» отношений в региональной подвыборке и основном массиве показала, что в данном случае эти отношения в большей степени оценивались экспертами как «нормальные».

Отношения с элементами рассогласования характерны для ситуаций, когда экспертные оценки по одному из показателей «плохие» или «не выстроены» в региональном массиве выше в сравнении со значениями этих оценок в основном массиве. Данный критерий соблюдался независимо от доли выставленных экспертами оценок отношений как «конструктивных» или «нормальных». В качестве примера можно привести Нижегородскую область, у которой, несмотря на преобладание «нормального» типа отношений между региональными органами власти и местным самоуправлением, экспертная оценка «плохих» отношений оказалась выше в региональной подвыборке по сравнению с общим массивом данных.

Отношения рассогласованные характерны для ситуаций, когда наблюдаются повышенные доли экспертных оценок «плохие» и «не выстроены» в региональной подвыборке в сравнении с общим массивом данных. Этот критерий должен соблюдаться независимо от доли выставленных экспертами значений для оценки отношений как «конструктивных» или «нормальных». Критерий можно отследить на примере Московской области, у которой экспертная оценка и «плохих», и «невыстроенных» отношений в региональной подвыборке оказалась выше порогового значения в выборочной совокупности в целом.

Выделение полученных критериев для типологизации регионов позволило нам построить *диагностическую карту коммуникативного пространства* (см. табл. 5), согласно которой, в условиях разработки и реализации государственных стратегических программ, самые лучшие типы коммуникаций оказались выстроены между субъектами управления в Вологодской и Брянской областях. Самые сложные отношения наблюдаются в Московской области, Республике Калмыкия и Свердловской области.

В таблице 5, представленной ниже, регионы расположены в соответствии с уровнями социокультурной модернизации, которыми они обладали на момент проведения исследования в 2019–2022 гг. Соответственно, представлены четыре группы регионов с разным уровнем развития.

Таблица 5

Диагностическая карта коммуникативного пространства регионов

Субъекты	Регионы												
	Московская область	Нижегородская область	Свердловская область	Республика Башкортостан	Республика Саха (Якутия)	Омская область	Белгородская область	Амурская область	Вологодская область	Брянская область	Смоленская область	Республика Калмыкия	
РОИВ + МСУ	4	3	4	2	3	1	1	1	2	1	2	4	
РОИВ + Бизнес	4	1	4	3	4	3	3	2	2	1	3	4	
РОИВ + Общ. организации	3	3	4	2	4	1	4	1	2	1	3	3	
РОИВ + Наука	4	3	3	2	1	1	3	3	3	1	4	3	
РОИВ + Население	3	3	4	2	3	2	4	3	2	2	3	4	

Примечание. Регионы выделены в соответствии с группами социокультурной модернизации: высокий (салатовый), средний (серо-голубой), ниже среднего (песочный) и низкий (светло-оранжевый); зелёным цветом выделены отношения согласованные, жёлтым – отношения частично согласованные, оранжевым – отношения с элементами разногласиями, красным – отношения рассогласованные.

Выводы

В результате вторичной концептуализации данных массового и экспертного опросов удалось выделить типы организации коммуникативного пространства управления в условиях реализации национальных проектов в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации. Характер отношений, выстраиваемый между различными субъектами социального взаимодействия в условиях разработки и реализации стратегических программ и документов, имеет определённые особенности, обнаружение которых позволяет сделать вывод о сходствах и различиях подобных отношений. Такие параметры, как оценка действующего стиля управления регионов, согласие или несогласие с ним, готовность жителей принять участие в разработке и реализации программ стратегического значения, эффективное решение социальных проблем со стороны региональных органов власти, связаны непосредственно с организацией диалога заинтересованных субъектов при реализации управленческих решений.

Выводы, полученные в результате анализа, позволяют утверждать, что в тех регионах, где проводилось исследование, самые крепкие конструктивные отношения выстроены на управленческом уровне, а именно: между региональной властью и местным самоуправлением. Отношения с населением,

находящимся на базовом социальном уровне, являются наиболее рассогласованными. Полученные данные указывают на то, что именно отношения региональных органов власти и населения являются наиболее показательными и в некоторой мере прогностическими. Они во многом обуславливают не только тип организации коммуникативного пространства, но также являются ключевым фактором, определяющим уровень и качество отношений между другими субъектами социального взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 145–152.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: перевод с немецкого / Ю. Хаберманс ; под ред. Д. В. Скляднева. Санкт-Петербург : Наука, 2006. 379 с. ISBN 5-02-026926-3. EDN **QWNVPR**.
3. Публичная сфера: теория, методология, кейс стадии / О. Е. Вербилович, О. Ю. Малинова, А. В. Семенов [и др.]. М. : Центр социальной политики и гендерных исследований, 2013. 356 с. EDN **SCVADP**.
4. Парк Р. Экология человека // *Теоретическая социология: Антология: В 2 ч.* / Р. Парк ; пер. с англ., фр., нем., ит. ; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. 424 с.
5. Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития : материалы всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзевских чтений (Москва, 21–22 ноября 2013 года). М. : Институт социологии РАН, 2014. 547 с. ISBN 978-5-89697-241-9. EDN **STNHYD**.
6. Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М. : КРАСАНД, 2015. 480 с. ISBN 978-5-396-00644-7. EDN **UJTTVV**.
7. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // *Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн.* / Отв. ред. Т. М. Дридзе. М. : ИС РАН, 2000. Кн. 1. С. 5–42.
8. Адамьянц Т. З. Социальная коммуникация: учеб. пособие. М. : ИС РАН, 2005. 158 с. ISBN 5-89697-099-4. EDN **QOEP0V**.
9. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / Н. Б. Барбаш, М. С. Бернштам, В. С. Библер [и др.]. М. : Наука, 1994. 304 с. ISBN 5-02-007973-1. EDN **YLMLFZ**.
10. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования [монография] / А. В. Тихонов [и др.] ; отв. ред. А. В. Тихонов, А. А. Мерзляков. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с. ISBN 978-5-89697-380-5. EDN **YNARHI**.
11. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, И. И. Бойко [и др.] ; под ред. Н. И. Лапина. М. : Весь Мир, 2016. 360 с. ISBN 978-5-7777-0664-5. EDN **YRJCSX**.
12. Орлова Э. А. Концепция социокультурного пространства: познавательные возможности // *Личность. Культура. Общество*. 2007. Т. 9, № 3 (37). С. 96–112. EDN **IJLIRL**.
13. Орлова Э. А. Организация экспертизы социальной эффективности инновационных проектов // *Культура культуры*. 2015. № 4 (8). С. 1. EDN **UIUCPJ**.
14. Jasso G. A New Theory of Distributive Justice // *American Sociological Review*. 1980. Vol. 45 (1). P. 3–32.

15. Брикет Д. Н. Типы справедливости в договорных отношениях // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 1 (33). С. 172–184. DOI [10.19181/snsp.2021.9.1.7880](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7880). EDN [QRNMIC](https://edn.socionet.ru/QRNMIC).
16. Гусейнова К. Э. Социальное пространство регионов как фактор регулирования социальных неравенств: качественный и количественный подход // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 34–50. DOI [10.17213/2075-2067-2023-6-34-50](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-34-50). EDN [BWUMNH](https://edn.socionet.ru/BWUMNH).
17. Шилова В. А., Гусейнова К. Э. Включенность населения в социальное пространство управления регионов как фактор территориального неравенства // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 6. С. 84–98. DOI [10.22394/2304-3369-2023-6-84-98](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-6-84-98). EDN [XWRNRQ](https://edn.socionet.ru/XWRNRQ).
18. Мерзляков А. А., Богданов В. С. Об исследовании социолого-управленческих аспектов регулирования социальных неравенств в регионах России // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 4. С. 130–143. DOI [10.19181/vis.2022.13.4.853](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.853). EDN [ATAAJY](https://edn.socionet.ru/ATAAJY).
19. Шилова В. А. Ключевые подходы к выявлению и применению критериев оценки территориальных и социально-территориальных неравенств в региональном разрезе // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4. С. 96–112. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9285](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9285). EDN [TUPBBS](https://edn.socionet.ru/TUPBBS).
20. Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые ; пер. с фр. сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : SocioLogos, 1993. 336 с. ISBN 5-86709-005-1.

Сведения об авторах

К. Э. Гусейнова

научный сотрудник
SPIN-код: [3727-0011](https://edn.socionet.ru/3727-0011)

В. А. Шилова

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [8158-6002](https://edn.socionet.ru/8158-6002)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 07.07.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 20.10.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.2

TYPES OF ORGANIZATION OF COMMUNICATIVE MANAGEMENT SPACE IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS: REGIONAL CROSS-SECTION

Ksenia Eldarovna Guseynova¹
Valentina Aleksandrovna Shilova²

^{1,2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ likseidar@mail.ru,

ORCID [0000-0002-7957-7317](https://orcid.org/0000-0002-7957-7317)

² vshilova@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-8899-2707](https://orcid.org/0000-0002-8899-2707)

For citation: Guseynova K. E., Shilova V. A. Types of organization of communicative management space in the context of the implementation of national projects: regional cross-section. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):23–45. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.2).

Abstract. This article continues a series of studies on the organization of communicative space in the management of regions. The effectiveness of the implementation of certain management decisions may depend on many factors, including a qualitatively built dialogue between interested parties of social management representing the interests of various categories of citizens. The article presents the results of a search study on the identification of types of the communicative management space' organization in the context of the implementation of national projects in regions with different levels of socio-cultural modernization. The main task was to determine the levels of constructive (balanced) and destructive (inconsistent) interaction between the subjects of three levels – managerial, resource and basic. With the help of secondary conceptualization of data from a mass survey of the population and mass expert surveys conducted in 12 regions of Russian Federation, it was possible to identify typical signs of organized communication between particular subjects in each of the studied areas by analyzing the opinion of experts. The validity of this group of respondents is confirmed by the presence of experience in management practice, education and professional competence. The authors studied the relations between the subjects of management (regional authorities, local self-government, business communities, public organizations, scientific organizations and the population) in each region. There were constructed the types of the communicative management space' organization of the region by assessing the similarities and differences of communication connections: 1) balanced constructive, 2) with elements of mismatch, 3) inconsistent (unbalanced, destructive). During the analysis, it was revealed that assessment of the interaction of management subjects is related to the assessment of the management style in the region, the agreement with the managerial style of the regional authorities among representatives of the expert community is associated with an assessment of the nature of the constructiveness of relations between regional authorities and the population.

Keywords: regional management, communicative management space, regional similarities and differences, national projects

REFERENCES

1. Dridze T. M. Social communication as a textual activity in semiosociopsychology [Social'naya kommunikaciya kak tekstovaya deyatel'nost' v semiosociopsixologii]. *Social sciences and modernity=Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 1996;(3):145–152. (In Russ.).
2. Habermas Ju. Moral consciousness and communicative action: translation from German. D. V. Skljadnev ed. Sankt-Peterburg: Nauka; 2006. 379 p. (In Russ.).
3. Verbilovich O. E., Malinova O. Ju., Semenov A. V. [et al.]. Public sphere: theory, methodology, case study. Moscow: Centr social'noj politiki i gendernyh issledovanij; 2013. 356 p. (In Russ.).
4. Park R. Human ecology. Theoretical Sociology: An Anthology Part 1. S. P. Ban'kovskaja ed. Moscow: Knizhnyj dom Universitet; 2002. 424 p. (In Russ.).
5. Modernization of the domestic management system: trend analysis and development forecast: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference and XII–XIII Tamara Dridze Readings (Moscow, November 21–22, 2013). Moscow: Institut sociologii RAN; 2014. 547 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-241-9.
6. Tikhonov A. V. ed. Sociology of management: Theoretical and applied dictionary. Moscow: KRASAND; 2015. 480 p. (In Russ.).
7. Dridze T. M. Two new paradigms for social cognition and social practice [Dve novy'e paradigmy' dlya social'nogo poznaniya i social'noj praktiki]. In: Social communication and social management in eco-anthropocentric and semiosociopsychological paradigms. In 2 books. Moscow: Institut sociologii RAN; 2000. P. 5–42. (In Russ.).
8. Adam'yants T. Z. Social communications: textbook for academic undergraduate studies. Moscow: Institut sociologii RAN; 2018. 200 p. (In Russ.).
9. Barbash N. B., Bernshtam M. S., Bibler V. S. [et al.]. Predictive social design: theoretical, methodological and methodological problems [Prognoznoe social'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy]. Moscow: Nauka; 1994. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-02-007973-1.
10. Tikhonov A. V. ed. Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of the regions. Moscow: FCTAS RAS; 2017. 432 p. (In Russ.).
11. Lapin. N. I. ed. Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems. Moscow: Ves' Mir; 2016. 360 p. (In Russ.).
12. Orlova E. A. The concept of sociocultural space: cognitive capabilities [Konceptiya sociokul'turnogo prostranstva: poznavatel'ny'e vozmozhnosti]. *Personality. Culture. Society=Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo*. 2007;9(3):96–112. (In Russ.).
13. Orlova E. A. Organization of expert examination of social efficiency of innovative projects. *Culture of culture=Kul'tura kul'tury*. 2015;4(8):1. (In Russ.).
14. Jasso G. A New Theory of Distributive Justice. *American Sociological Review*. 1980;45(1):3–32.
15. Briket D. N. Types of justice in contractual relationships. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2021;9(1):172–185. DOI [10.19181/snsp.2021.9.1.7880](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7880). (In Russ.).
16. Guseynova K. E. The social space of the regions as a factor in regulating social inequalities: qualitative and quantitative approach. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences=Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki*. 2023;16(6):34–50. DOI [10.17213/2075-2067-2023-6-34-50](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-34-50). (In Russ.).

17. Shilova V. A., Guseynova K. E. Population involvement in the social space of regional governance as a factor of territorial inequality. *Management Issues=Voprosy upravlenija*. 2023;17(6):84–98. DOI [10.22394/2304-3369-2023-6-84-98](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-6-84-98). (In Russ.).
18. Merzlykov A. A., Bogdanov V. S. On the study of sociological and managerial aspects of the regulation of social inequalities in the regions of Russia. *Vestnik instituta sotziologii= Vestnik Instituta sociologi*. 2022;13(4):130–143. DOI [10.19181/vis.2022.13.4.853](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.853). (In Russ.).
19. Shilova V. A. Key approaches to identifying and applying criteria for assessing territorial and socio-territorial inequalities in the regional context. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2022;10(4):96–112. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9285](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9285). (In Russ.).
20. Burd'e P. Sociology of politics [Sociologiya politiki]. Moscow: SocioLogos; 1993. 336 p. (In Russ.).

Information about the Authors

K. E. Guseynova

Researcher

V. A. Shilova

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [KCJ-7695-2024](https://orcid.org/0009-0001-9000-7695)

The authors declare no conflicts of interests.

The authors contributed equally to this article.

The article was submitted 07.07.2024; approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 20.10.2024.

УДК 304.44, 316.42
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.3
EDN: ZIPDCI

Научная статья

ЗАНЯТОСТЬ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: ВОЗМОЖНОСТИ, ПРИОРИТЕТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ АКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ В ГОСУДАРСТВАХ БЛАГОСОСТОЯНИЯ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Елена Викторовна Кулагина

Институт социально-экономических
проблем народонаселения ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
elkulagina@yandex.ru
ORCID [0000-0002-5342-7847](https://orcid.org/0000-0002-5342-7847)

Для цитирования: Кулагина Е. В. Занятость лиц с инвалидностью: возможности, приоритеты и результаты активной политики в государствах благосостояния. Часть первая // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 46–64. DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.3). EDN ZIPDCI.

Аннотация. В статье, состоящей из двух частей, рассматривается активная политика занятости в государствах благосостояния и её влияние на положение лиц с инвалидностью трудоспособного возраста. На базе материалов научных исследований и данных опросов населения в странах ЕС и ОЭСР проанализированы тенденции активной политики занятости в отношении лиц с умеренными и серьёзными нарушениями в государствах благосостояния разных моделей за период с 2010 по 2020 г. В первой части статьи раскрыты подходы активной политики к удержанию на рынке труда, к оказанию услуг содействия занятости, к сокращению рисков безработицы, к трудоустройству лиц с инвалидностью. Рассмотрены принципы трансформации пособий по инвалидности, временной нетрудоспособности, безработице, поддержанию доходов и применения персональных мер – стимулов и санкций, которые основаны на повышении ответственности граждан за собственное благополучие. Показана роль фактора дерегулирования сферы занятости в подходах активной политики к расширению предложения рабочей силы и поддержанию спроса со стороны работодателей. Раскрыты приоритеты активных мер содействия занятости, основанные на сокращении издержек и повышении отдач от вложений, их влияние на трудоустройство граждан с разной степенью нарушений. Выявлены результаты активной политики (разрыв занятости и уровень безработицы) и их устойчивость в отношении лиц с умеренными и серьёзными нарушениями.

Ключевые слова: государство благосостояния, новая социальная политика, переход от социального обеспечения к труду, активная политика занятости в отношении инвалидов, разрыв занятости лиц с инвалидностью, социальные гарантии в сфере занятости, инвалидность, неравенство

Введение

Переориентация политики в отношении лиц с инвалидностью трудоспособного возраста в «новом» государстве благосостояния обусловила движение от социального обеспечения к приносящей доход деятельности на открытом рынке труда [1]. Пересмотр взаимных обязательств государства, работодателей и работников основан на принципах повышения вклада граждан в собственное благополучие, сокращения государственного вмешательства, рациональности конкурентных отношений и оптимизации бюджетных ресурсов [2]. В отношении лиц с инвалидностью используются те же детерминанты политики занятости, что и в отношении безработных, – социальные инвестиции и управление человеческими ресурсами для расширения доступа к трудовым доходам, или приближения к этой цели [3]. Одна из важных задач активной политики занятости состоит в достижении баланса между бюджетными затратами и экономической рентабельностью [4]. Предпочтения отдаются первоначально «щедрым» вложениям в работников, а также «разумным приспособлениям» (*reasonable accommodation*), позволяющим избежать непропорционально высокого бремени на работодателей [5]. Трудоустройство с достойным вознаграждением рассматривается как необходимое условие борьбы с безработицей, бедностью и неравенством [1]. Потенциальными получателями выгоды выступают все участники социального контракта: государство, представители бизнеса и граждане с инвалидностью.

Реализация комплекса мероприятий для повышения вклада в собственное благополучие предполагает существование гибкого рынка труда, способного восстанавливать баланс спроса и предложения. Роль программ с активными мерами (ALMP) заключается в содействии рыночным механизмам, на что из бюджета выделяется 0,5% ВВП в среднем по ЕС, а в ряде государств благосостояния – 0,8% ВВП (Швеция, Финляндия) [6]. Основные усилия сконцентрированы на расширении предложения – посредством инвестиций в человеческий капитал работников: консультирования, обучения, приобретения профессиональных навыков, а также мотивации и принуждения. Спрос на труд в программах активных мер поддерживается в меньшей степени, так как предполагается, что он стимулируется дерегулированием сферы занятости [7]. Издержки, сопряжённые с наймом, снижаются с помощью субсидий [3]. Под влиянием активной политики начинают пересматриваться в сторону перераспределения обязательств от государства к работодателям проверенные временем традиционные формы трудоустройства граждан с инвалидностью. Одна из них – защищённая занятость в специальных мастерских (*sheltered employment*) для лиц с серьёзными нарушениями – представляет институциональную поддержку в медико-социальном секторе, финансируемую из государственного бюджета. Другая – квотирование рабочих мест в обычных компаниях, субсидируемое из средств государства и/или работодателей, не выполняющих обязательства найма [5].

Первые результаты можно считать успешными: тенденция сокращения численности лиц трудоспособного возраста, зависящих от социального обеспечения по инвалидности, наметилась в большинстве государств благосостояния, а в ряде стран – и бюджетных расходов [3]. В то же время остаются открытыми для обсуждения важные и всё ещё нерешённые концептуальные, теоретические, методологические вопросы для развития активной политики занятости. Ввиду неоднородности лиц с инвалидностью определяются дифференцированные подходы к разным социальным и возрастным группам с целью повышения окупаемости затрат в процессе содействия занятости и сокращения безработицы. Обсуждаются вопросы распределения средств при оказании услуг соискателям с разным уровнем потребностей в условиях приватизации и нового менеджмента в социальной сфере [2; 8; 9]. Проводится анализ совокупного эффекта штрафных и стимулирующих к труду мер к участникам программ социального обеспечения по инвалидности с разным уровнем доходов, неравными образовательными ресурсами и квалификационными навыками [10]. Обсуждаются проблемы сокращения бедности и неравенства в условиях дерегулирования сферы занятости и ухудшения качества рабочих мест, треть из которых создана на вторичном рынке труда [4; 11]. Выясняется, насколько устойчивы результаты активной политики, в том числе переходных моделей специальных мастерских, в условиях ослабления переговорной силы работников, низкого спроса на труд [12; 13; 14].

Механизм активной политики допускает обновление и исправление ошибок при возникновении непредвиденных последствий. Показателем, призванным оценить результаты совокупных усилий, выбран разрыв занятости (*disability employment rates*) – разность между уровнем занятости лиц с инвалидностью и без инвалидности. Тем самым определяется доля лиц трудоспособного возраста, которые должны быть дополнительно трудоустроены, чтобы устранить неравенство [9; 15]. Процесс регулируется благодаря обратной связи – данным массовых опросов населения с использованием самооценки инвалидности (сведения об уровне занятости, безработице, бедности, неравенстве и др.)¹, в числе которых обследования рабочей силы (*Labour Force Survey (LFS)*), статистики доходов и уровня жизни (*The EU Statistics on Income and Living Conditions (EU-SILC)*)². Большое количество наблюдений за довольно длительные периоды времени позволяют выявлять как краткосрочные, так и долгосрочные эффекты и повысить надёжность выводов. Показатели занятости, безработицы

¹ Самооценка коррелирует с показателями здоровья и считается лучшим способом получения доступа к информации, несмотря на такие недостатки, как субъективность, подходы к измерению, строгости определений и суждений, зависимость от объёмов выборки.

² Для оценки уровня занятости Евростат использует обследование рабочей силы (*LFS*), где не содержится информации о статусе инвалидности, а также обследование статистики доходов и уровня жизни (*EU-SILC*). *EU-SILC* использует уровень занятости, основанный на самоопределении трудового статуса, в то время как в обследовании *LFS* используется определение *MOT* – занятыми считаются лица в возрасте 15 лет и старше, которые в течение учётной недели выполняли работу, даже в течение одного часа в неделю. В *EU-SILC* лица, которые работали один час в течение учётной недели, могут быть признаны безработными.

и трудовых доходов рассматриваются в разрезе факторов, характеризующих работников с инвалидностью: степеней нарушений, пола, возраста, образования, продолжительности рабочего времени, периодов безработицы и бездействия. Опросы дополняются статистическим наблюдением в специальных мастерских, предприятиях и компаниях, а также опросами работодателей и работников с инвалидностью [16; 17; 18; 19].

Опыт государств благосостояния представляет интерес для российской политики ввиду международных обязательств по интеграции лиц с инвалидностью на открытый рынок труда и расширению возможностей к самообеспечению^{1,2}. Приоритетами развития выбраны антидискриминационное законодательство³, курс на инклюзию и активную политику⁴, гарантии занятости, развитие трудового потенциала⁵, повышение конкурентоспособности, система квотирования рабочих мест (в том числе специальных)⁶, реорганизация специализированных предприятий⁷. Наблюдаются схожие тенденции к экономии бюджетных затрат: программы социального обеспечения по инвалидности настроены на сокращение численности участников трудоспособного возраста; социальная сфера в ходе административной реформы ориентирована на оптимизацию [20; 21]. В то же время концептуальные вопросы политики занятости ждут своего решения. Переход к труду осложнён высокими барьерами: уровень занятости лиц с инвалидностью в трудоспособном возрасте более чем в два раза уступает достигнутым показателям в государствах благосостояния [22]. Программы активной политики, а также антикризисные меры не предусмотрены [3; 23; 24]. Проблема сокращения разрыва занятости лиц с инвалидностью, а также бедности и неравенства этой категории работников не поставлена⁸.

В статье исследуется активная политика занятости в государствах благосостояния и её влияние на положение лиц с инвалидностью трудоспособного возраста. На базе материалов научных исследований и данных опросов населения в странах ЕС и ОЭСР проанализированы тенденции активной политики

¹ ФЗ от 01.12.2014 № 419 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов»; ФЗ от 03.10.2018 № 349 «О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102)».

² Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2024. № 2401-р «Концепция по повышению уровня занятости инвалидов в РФ на период до 2030 г.».

³ ФЗ от 24.11.1995. № 181 (ред. от 29.05.2024) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2012. № 2149-р «О государственной программе Российской Федерации "Содействие занятости населения"». Подпрограмма 1. «Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан».

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2024...

⁶ Постановление Правительства РФ от 30.05.2024. № 709 «О порядке выполнения работодателями квоты для приёма на работу инвалидов».

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2024...

⁸ Там же.

занятости в отношении лиц с умеренными и серьёзными нарушениями в государствах благосостояния разных моделей¹ за период с 2010 по 2020 г.² Показаны подходы к перераспределению ответственности между государством, работодателями и гражданами с инвалидностью, лежащие в основе активной политики занятости. Раскрыто влияние принципов повышения ответственности граждан за собственное благополучие и экономии бюджетных затрат на расстановку приоритетов в содействии занятости и трудоустройстве. Показаны результаты перехода от социального обеспечения к труду и потенциал активной политики в расширении участия на рынке труда, сокращении безработицы и достижении самодостаточности лиц с разной степенью нарушений.

Участие в трудовой деятельности, удержание в сфере занятости

Нарушения в состоянии здоровья повышают риски потери трудоспособности, поэтому граждане с инвалидностью непропорционально чаще исключаются из рынка труда: 40 % из них остаются неактивными в возрасте от 20 до 64 лет [8]. В 2020 году, когда уровень занятости в среднем по ЕС составлял 75,4%, у лиц с инвалидностью значение опускалось до 50,7% [25]. Согласно обследованию рабочей силы ЕС, сообщившие об инвалидности (от 16 лет и старше) часто указывают на болезнь как основную причину увольнения с последнего места работы – 38,1% (без инвалидности – 4,9%) и отказа от поиска работы – 45,1% (соответственно, 3,6%) [26]. Безработные и экономически неактивные различаются в зависимости от степени близости или отдалённости по отношению к рынку труда и вероятности быть мобилизованными для поиска и сохранения рабочих мест. В числе тех, кто находится в худшем положении, а таких большинство, – наименее образованные работники низкоквалифицированного, чаще физического труда, с приобретёнными заболеваниями (чаще опорно-двигательного аппарата, нервной системы и психики, в том числе из-за наркотической и алкогольной зависимости) с опытом частых и продолжительных перерывов по болезни, с ограниченной трудоспособностью в пределах сокращённого рабочего дня [8; 27; 28]. Перспективы занятости и поддержания экономического благополучия ухудшаются при серьёзных моторных и когнитивных нарушениях и по мере удлинения периода заболеваемости [29; 30]. Решение об увольнении принимают преимущественно лица от 45 лет и старше, в ряде стран ЕС – до 40% [31].

В составе тех, кто обращается в программы помощи по инвалидности в связи с нетрудоспособностью и ухудшением здоровья, от половины до трёх

¹ В контрольную группу включены государства благосостояния нелиберальной (англо-американской), социально-демократической (скандинавской) и консервативно-корпоративистской (франко-германской) моделей: Великобритания, Швеция, Финляндия, Нидерланды, Германия, Франция.

² Использование данных в период с 2010 по 2020 г. позволило включить в анализ Великобританию, которая была в составе ЕС с 2010 по 2018 г.

четвертей заявителей не работают на протяжении от 6 до 12 месяцев, остальные начинают с застойной безработицы или экономической неактивности (в течение двух лет или более) [18; 32]. Большинство имеют хронические заболевания с дискомфортом и болью, которые терпеливо переносятся вплоть до утраты трудоспособности, пока нарушения не становятся необратимыми и не требуется компенсация за потерю работы [33]. Свыше половины участников программ по инвалидности бездействуют длительное время – до пяти лет и далее. В фокус политики занятости лица с инвалидностью (16–64 года) – 17,3% в численности населения соответствующего возраста в среднем по ЕС в 2020 г.¹ – попадают с запозданием, когда возможность продолжения профессиональной деятельности уже исключается [8; 27; 28].

Попытки удержать их на рынке труда предпринимаются в нескольких направлениях совместными усилиями государства и работодателей. Предусматриваются раннее вмешательство и установление активного диалога между работодателем и работниками для переподготовки, повышения квалификации или приобретения навыков другой профессии с целью закрепления на предприятии [34; 35]. Работодатели обязываются к выполнению антидискриминационного законодательства по защите от увольнений в случае болезни (employment protection legislation), им также рекомендуется компенсировать ухудшение способности к труду изменением режимов и видов деятельности. Удержание низкопроизводительных работников поощряется субсидиями. Представителям системы здравоохранения и медицинского страхования следует не допускать длительных периодов отсутствия по болезни [17]. Наблюдается тенденция, при которой системы страхования по временной нетрудоспособности (Швеция, Норвегия²) и по безработице (Германия, Франция, Швеция) реформируются каждая в отдельности, а также реорганизируются на основе оценки способности к труду: вводится широкое пособие, объединяющее страховые и адресные программы помощи по временной нетрудоспособности, инвалидности и по безработице (Великобритания³, Австралия), или единое пособие по трудоустройству и социальной поддержке (Германия⁴). Повышенный вес

¹ Level of disability (activity limitation) by sex, age and income quintile // Eurostat : сайт. 05.10.2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/HLTH_SILC_12__custom_754879/default/table?lang=en (дата обращения: 27.10.2024).

² В Норвегии объединены различные виды пособий по медицинской и профессиональной реабилитации и по временной нетрудоспособности в единое «пособие по оценке работы» («Work Assessment Allowance»).

³ В Великобритании пособие по инвалидности (за счёт взносов и в соответствии с поддержкой дохода) было заменено новым пособием по трудоустройству и поддержке (the new Employment and Support Allowance). Оно действует аналогично пособию по безработице, но выплачивается по более высокой ставке, с обязательством участвовать в собеседованиях, связанных с работой, где за неявку следуют санкции.

⁴ В Германии пособие по безработице и социальная помощь были объединены в базовое пособие по социальному обеспечению для лиц, ищущих работу, – единое для всех трудоспособных (15–64 лет), нуждающихся в помощи.

придаётся степени работоспособности в процессе оценки¹. Подход в целом состоит в том, чтобы предложить единовременную помощь для поддержания доходов с затратами на лечение или для решения других проблем, а также оказать содействие в трудоустройстве в соответствии с потребностями, независимо от категории пособия. Новые пособия с введением требований о наличии работы облегчили введение санкций [5; 32; 36; 37].

Одним из направлений политики перехода к труду является изменение архитектуры программ поддержки доходов: коэффициентов перекрытия и продолжительности пособий по инвалидности, дополняющих их выплат, тарифов на подоходный налог и страховые отчисления, чтобы стимулировать и мотивировать лиц с частичной трудоспособностью к приносящей доход деятельности [38]. Пособия по инвалидности могут трансформироваться в выплаты на рабочих местах, увеличивающие заработок при минимальном количестве часов (до 15 часов в неделю) или даже полном рабочем дне (от 40 часов в неделю) при низкой оплате труда и высокой налоговой нагрузке [9; 32]. В Дании выплачивается от половины до двух третей предыдущего размера оплаты труда. В Нидерландах работники со степенью ограничений в интервале от 35–79% получают надбавку к заработной плате в зависимости от оставшейся трудоспособности (не менее половины). Мотивацию стимулируют универсальные кредиты, чтобы «работа окупалась» [39]. В неоллиберальных странах – Великобритании и США – налоговые кредиты охватывают, соответственно, 5 и 20% всех домохозяйств. В ряде стран (в Австралии, Бельгии, Германии, Канаде, Нидерландах, Новой Зеландии и Франции) общие положения об оплате труда дополняются схемами борьбы с ловушками бездеятельности, ориентированными на получателей социальных пособий.

Занятость лиц с серьёзными нарушениями, составляющих в среднем по ЕС 4,4% в численности граждан трудоспособного возраста (16–64 лет), обусловлена доступом к специализированным видам помощи [25]. Положительное влияние оказывают реабилитационные мероприятия, а также товары и услуги, расходы на которые покрываются государственным социальным обеспечением. Трудоспособность (*employability*) могут повысить социальные инвестиции и дорогостоящие формы поддержки: сопровождение, обучение, адаптация рабочих мест, организации труда и т. д. [9]. Не исключён и противоположный процесс, что зависит от индивидуальных качеств состояния здоровья, функциональных возможностей, возраста, навыков и ситуативных факторов, таких как длительная безработица [29]. Работоспособность может быть ограничена минимальным трёхчасовым рабочим днём как в защищённой занятости, так и на открытом рынке труда, в том числе на специально созданных рабочих местах [40].

Включение в трудовую деятельность лиц с серьёзными нарушениями в государствах благосостояния происходит с разной степенью интенсивности. Показатели разрыва занятости этой категории работников колеблются

¹ Лица считаются трудоспособными, если болезнь или инвалидность не мешают им работать не менее трёх часов в день в течение более шести месяцев. В этом случае они не имеют право на пособие по инвалидности.

в диапазоне от 40,1 % (min) во Франции (уровень занятости лиц с серьёзными нарушениями – 36,5 %, уровень занятости лиц без инвалидности – 76,6 %) до 59,3 % (max) в Нидерландах (соответственно, 24,8 и 84,1 %) при средних значениях в ЕС в 2020 году – 45,5 % (соответственно, 29,6 и 75,1 %) ¹. Работники с умеренными нарушениями, на которых направлен основной потенциал активных мер, более полно представлены на рынке труда в государствах благосостояния разных моделей с близкими по значению индикаторами участия. При средних значениях разрыва занятости в ЕС в 2020 году – 16,8 % (уровни занятости, соответственно, 58,3 и 75,1 %), интервал распределения довольно узок – от 11,1 % (min) в Великобритании (соответственно, 74,0 и 85,1 %) до 21,1 % (max) в Швеции (соответственно, 61 и 82,1 %) (рис. 1, рис. 2).

При условии широкого определения инвалидности разрыв занятости у женщин трудоспособного возраста (22,7 %) ниже, чем у мужчин (25,9 %) в среднем по ЕС в 2020 году [25]. В случае серьёзных нарушений различия по полу усиливаются: у женщин – 38,4 %, у мужчин – 40,7 %, при умеренных – снижаются – соответственно, 21,6 и 26,7 % ².

Согласно тенденциям активной политики в последнее десятилетие, по мере сближения подходов в вопросах удержания на рынке труда, наряду с расширением возможностей лиц с инвалидностью в одних странах, наблюдается отступление от ранее достигнутых позиций в других. За период с 2011 по 2020 г. в среднем по ЕС разрыв занятости при условии широкого определения инвалидности снизился с 26 до 24,4 %. Величина показателя сократилась на 2,9 % при умеренных нарушениях (от базового года, 2011 = 100 %) и увеличилась на 2,7 % при серьёзных. Положение лиц с умеренными нарушениями (20–64 года) ухудшилось в ряде стран, где они активно вовлекались в трудовую деятельность, согласно предшествующему опыту: в Швеции разрыв занятости вырос на 55,1 % (от базового года = 100 %), в Германии – на 46,8 %, во Франции – на 26,4 %. В то же время в Великобритании произошёл рывок в сокращении разрыва занятости на 46,4 % и в Нидерландах – на 10,8 % (от базового года = 100 %), в Финляндии продолжилось последовательное улучшение позиций лиц с умеренными нарушениями (20–64 года) (сокращение на 12,5 % от значения базового года = 100 %). В результате разнонаправленных процессов значения разрыва занятости у лиц с умеренными нарушениями в государствах благосостояния сблизились. Положение лиц с серьёзными нарушениями оставалось относительно устойчивым: разрыв незначительно увеличился в Германии – на 7,5 % (от значения базового года = 100 %) и во Франции – на 9,3 %, и в Швеции – 3,6 % [41] (рис. 3).

¹ Результаты в межнациональных сравнениях содержат различия в способах оценки (самоопределения) инвалидности в национальных обследованиях. Широкие определения инвалидности, как правило, охватывают лиц с лёгкими нарушениями, следовательно, дают меньший разрыв в уровне занятости. См.: [15].

² Disability employment gap by level of activity limitation and sex (source EU-SILC) // Eurostat: сайт. 05.10.2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tepsr_sp200/default/table?lang=en (дата обращения: 27.10.2024).

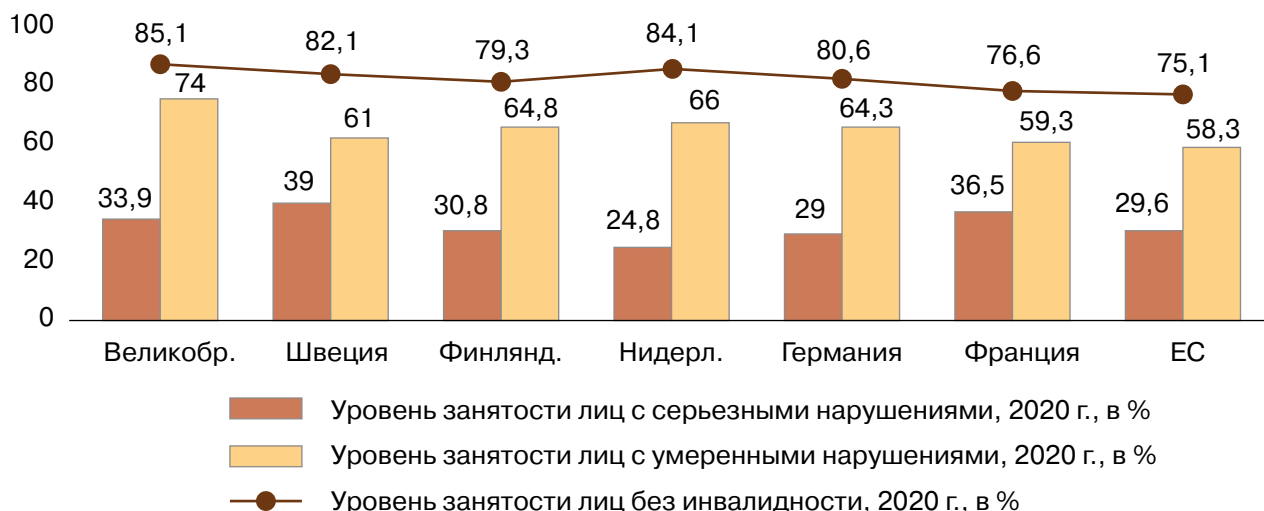

Рис. 1. Уровень занятости лиц с инвалидностью по степени нарушений (20–64 года), 2020 г., %

Примечание. Великобритания, данные 2018 г.

Источник: Grammenos St. European comparative data on persons with disabilities – Equal opportunities, fair working conditions, social protection and inclusion, health analysis and trends – Data 2020, European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2023. DOI [10.2767/67323](https://doi.org/10.2767/67323).

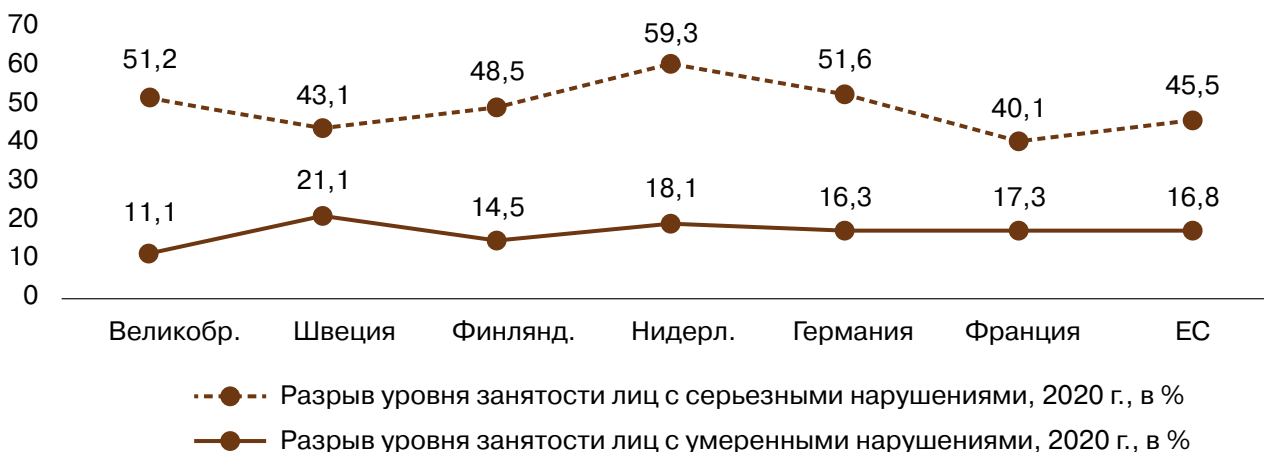

Рис. 2. Разрыв уровня занятости лиц с инвалидностью по степеням нарушений (20–64 года), 2020 г., %

Примечание. Великобритания, данные 2018 г.

Источник: Grammenos St. European comparative data on persons with disabilities – Equal opportunities, fair working conditions, social protection and inclusion, health analysis and trends – Data 2020, European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2023. DOI [10.2767/67323](https://doi.org/10.2767/67323).

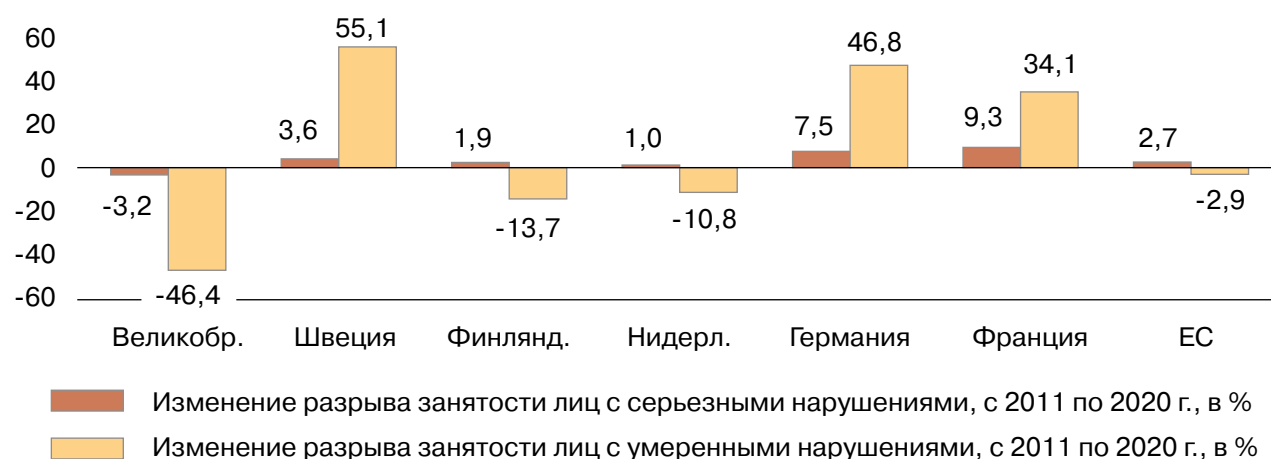

Рис. 3. Изменение разрыва занятости лиц с умеренными и с серьезными нарушениями (20–60 лет), с 2011 по 2020 г., %

Примечание. Великобритания, данные 2011, 2018 гг.

Источник: Рассчитано по: Grammenos St. European comparative data on Europe 2020 & People with disabilities. Final report. Centre for European Social and Economic Policy (CESEP ASBL) on behalf of the Academic Network of European Disability Experts (ANED). 2013. URL: https://includ-ed.eu/sites/default/files/documents/aned_2013_task_6_-_comparative_data_synthesis_report_-_europe2020_final.pdf (дата обращения: 13.10.2024); Grammenos St. European comparative data on persons with disabilities – Equal opportunities, fair working conditions, social protection and inclusion, health analysis and trends – Data 2020, European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2023. DOI 10.2767/67323.

Меры активации и безработица

Инвалидность приводит к феномену первого увольнения и последнего найма; приток в безработицу или другие виды неактивности отмечается с первого года трудоустройства [8]. Работодатели неохотно нанимают сотрудников, значительная доля которых низкопроизводительна, часто отсутствует из-за болезни и при этом защищена от увольнения [1; 42]. В периоды ухудшения экономического климата граждане с инвалидностью реже сохраняют рабочие места, поэтому часть из них возвращается в программы безработицы или социального обеспечения, действующие по принципу автоматического стабилизатора [43]. Предотвратить «застывание» в безработице позволяет комплекс мер активной политики, направленных на образование, профессиональную подготовку, поиск рабочих мест, а также консультации и вспомогательные услуги (с сокращёнными сроками проведения). Упраздняется направленность на профессию: любая деятельность считается подходящей с широкими критериями пригодности, исходя из вакансий, востребованных компаниями¹. Принцип «работа прежде всего» в неолиберальных странах (Великобритания, США) ставит во главу угла перемещение лиц с инвалидностью на любую позицию на рынке труда [18; 44]. Процесс профилирования позволяет распределить соискателей по уровням: с высокими шансами

¹ Исключениями являются: физические, умственные или психические нарушения; предельная заработная плата, считающаяся необоснованной; уход за детьми в возрасте до трёх лет; посещение общеобразовательной школы.

на трудоустройство, с потребностью в консультировании, активации в поиске работы, обучении и остро нуждающихся в поддержке с низкими шансами занятости. При отборе мер используется снятие сливок, чтобы выбрать клиентов, способных получить наибольшую пользу от обучения, – с 70 %-ной вероятностью. Меры по созданию рабочих мест охватывают безработных, не готовых перейти к труду в ближайшем будущем [45]. Безработные, участвующие в мерах активации, обязаны принимать разумные предложения, отказ приводит к сокращению выплат. Длительно неработающим (более года) значительно снижаются коэффициенты замещения в пособиях [35]. Передача части ответственности государственной службы занятости в ходе административной реформы, а также расширение её функций добавлением полномочий по социальному обеспечению (Великобритания, Германия), позволяет ускорить процессы трудоустройства [46].

Универсальные меры активной политики и индивидуальные подходы, применяемые представителями организаций служб занятости на местах либо автономными учреждениями из некоммерческого и частного секторов, достаточно эффективны, чтобы интегрировать наиболее приспособленных лиц с инвалидностью, но не тех, которые находятся в худшем положении [18; 14; 46; 47]. Ресурсов, опыта, знаний и осведомлённости о потребностях недостаточно, чтобы интегрировать лиц с серьёзными нарушениями или тех, у кого слишком низкий уровень ресурсов. Финансовая зависимость персональных консультантов, поставщиков реабилитационных и социальных услуг, а также требования к сокращению издержек для «быстрого выхода» на рынок труда не ведут к повышению качества активных мероприятий [39; 48; 49]. Остаётся мало времени, чтобы подобрать их в соответствии с состоянием здоровья, ограниченной трудоспособностью, а также с низкой производительностью, нехваткой образования и квалификации, зрелым возрастом [1; 44; 50]. Несмотря на поощрения к поиску работы, некоторые соискатели с острой потребностью в реабилитации и рабочем месте, соответствующем индивидуальному состоянию здоровья, будут не в состоянии её найти [18]. К примеру, сложно обеспечить необходимое количество доступных и подходящих рабочих мест, если набор вакансий неполного рабочего дня закрыт на региональном уровне [40]. Препятствуют занятости факторы низкого спроса на труд, том числе в предпенсионных возрастах 50–65 лет, высокие требования к работникам и интенсивность производственного процесса [51]. Долгосрочные безработные обязаны участвовать в программах временных рабочих мест в государственном или некоммерческом секторах, чтобы сохранить пособие, а также приобрести навыки и замедлить истощение человеческого капитала [33; 43; 52]. Схемы активизации, расширяющие предложение рабочей силы и ускоряющие процессы согласования с безработными вакантными должностями, успешнее используются в мегаполисах с конкурентными преимуществами [7]. На территориях с худшим состоянием региональных рынков они не оказывают заметного влияния на результаты трудоустройства, их устойчивость, поэтому вероятность перехода в безработицу и экономическую неактивность резко повышается [18; 33].

Барьеры выхода на рынок труда могут быть слишком дорогостоящими для низкооплачиваемых, малоквалифицированных кандидатов в связи со сложностями при выполнении ручных работ, затратами на адаптацию рабочих мест, отсутствием собственного транспорта. Обширный запас предложения рабочей силы, как правило, сконцентрирован в нижней части распределения доходов, участники программ – преимущественно малоимущие граждане [10]. Финансовые стимулы в программах активной политики занятости не всегда компенсируют издержки по причине высокого предельного налогообложения, особенно если трудоустройство сопровождается потерей пособия по инвалидности [32; 38]. Новый уровень надзора не решает полностью проблему безработицы и самообеспечения, поэтому проблема мотивации через меры принуждения остаётся актуальной [17; 53]. Применение санкций во время участия в мерах ALMP – в Великобритании на 50 % чаще для лиц с инвалидностью в 2010 году, на 26 % – в 2014 году – или принуждение граждан с низкой трудоспособностью (Дания) и предъявление требований, которые они не в состоянии выполнить, например из-за проблемы с психическим здоровьем, имеют последствия в виде растущей доли лиц с инвалидностью на небольших подработках [36; 44; 54; 55]. В свою очередь, сокращение социальных выплат может оказаться неэффективным средством принуждения для лиц с низким уровнем дохода: единовременное пособие в случае отказа от работы, предполагающее сокращение доходов, часто компенсируется высокими выплатами на жильё или отопление через систему проверки нуждаемости [10; 56].

Риск безработицы существенно возрастает в случае инвалидности. Если в среднем по ЕС среди лиц, указавших на инвалидность в опросах EU-SILC, уровень безработицы (20–64 года) в 2020 году составлял 9,9 %, то при наличии умеренных нарушений он увеличивается до 15,5 %, а при серьёзных – утраивается – 28,6 %. Размах между показателями в государствах благосостояния довольно широкий. Диапазон величины уровня безработицы при умеренных нарушениях составляет от 5,1 % (min) в Великобритании до 15,3 % (max) в Германии, что соответствует средним значениям по ЕС (15,5 %). Диапазон рассматриваемого показателя при серьёзных нарушениях ещё шире – от 13,5 % (min) в Нидерландах до 37,5 % (max) в Германии. В государствах консервативно-корпоративистских и социально-демократических моделей (32,3 % в Финляндии и 30,2 % в Швеции) с щедрыми социальными системами значения выше средних по ЕС – 28,6 % (рис. 4). По мере увеличения степени инвалидности безработица становится продолжительнее (более одного года). В 2020 году, когда доля незанятых (20–64 года) длительное время, но готовых приступить к деятельности (по определению MOT), составляла 4,6 % в среднем по ЕС, среди граждан с умеренными нарушениями показатель был 9,2 %, с серьёзными – 19,3 % [25].

За последнее десятилетие по мере развития активной политики наметилась тенденция повышения рисков перехода в безработицу. В период с 2011 по 2020 г. в среднем по ЕС показатели безработицы среди граждан трудоспособного возраста (20–64 года) выросли на 4,7 % среди лиц с умеренными нарушениями (от значения базового года 2011 = 100 %), на 2,1 % – с серьёзными.

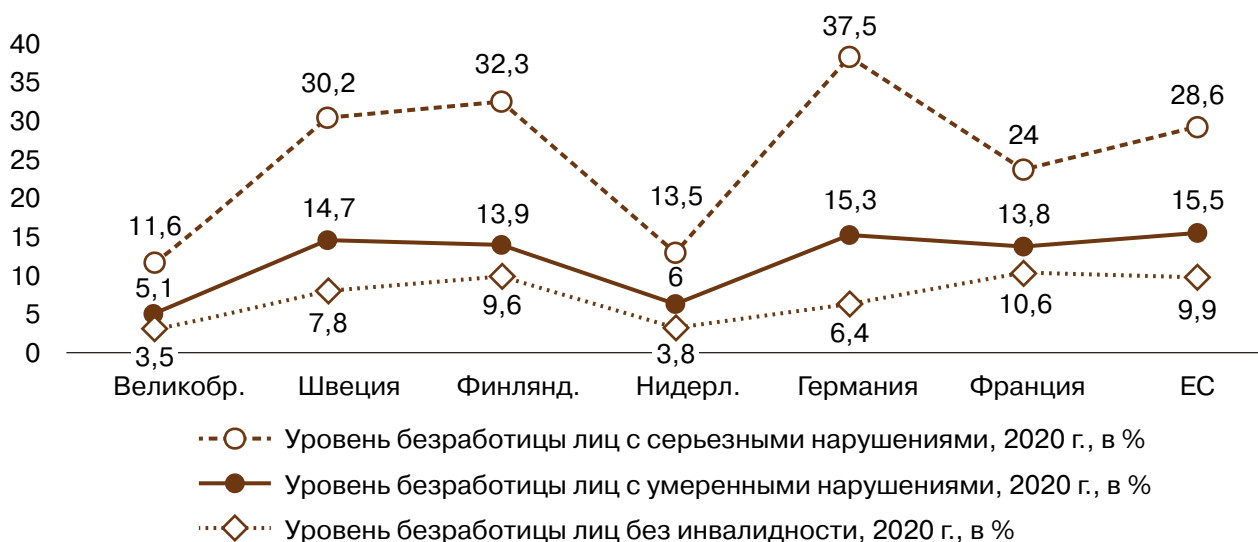

Рис. 4. Уровень безработицы лиц с инвалидностью по степеням нарушений (20–64 года), 2020 г., %

Примечание. Великобритания, 2018 г.

Источник: Grammenos St. European comparative data on persons with disabilities – Equal opportunities, fair working conditions, social protection and inclusion, health analysis and trends – Data 2020, European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023. DOI 10.2767/67323.

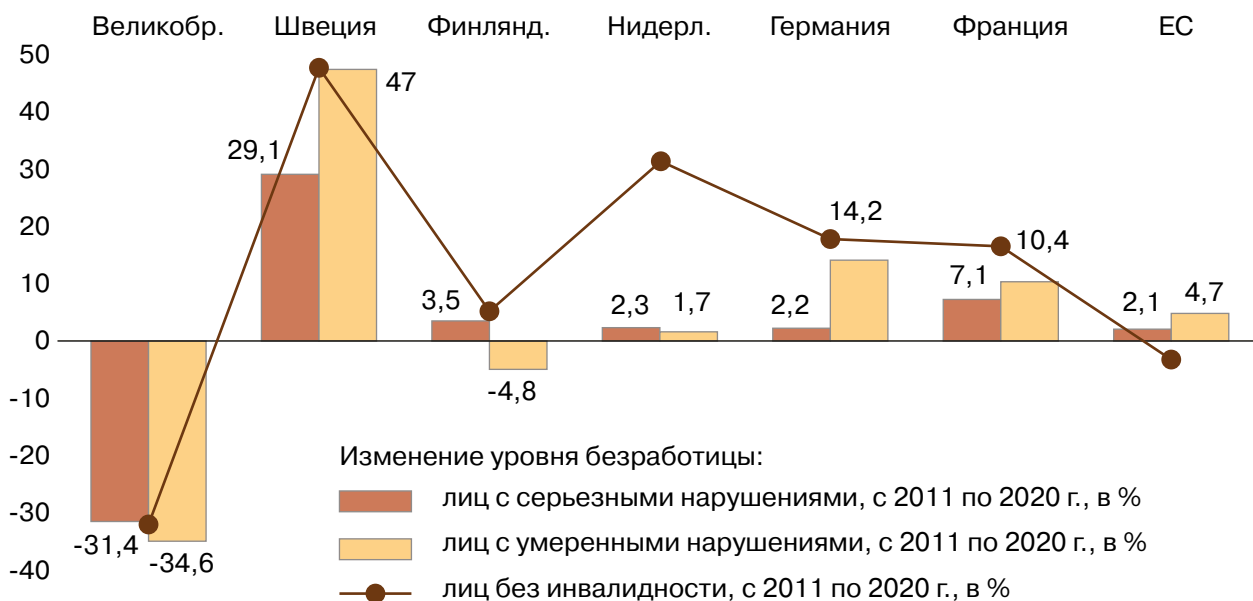

Рис. 5. Изменение уровня безработицы лиц с инвалидностью по степеням нарушений, (20–64 года), с 2011 по 2020 г., %

Примечание. Великобритания, данные 2018 г.

Источник: Grammenos St. European comparative data on Europe 2020 & People with disabilities. Final report. Centre for European Social and Economic Policy (CESEP ASBL) on behalf of the Academic Network of European Disability Experts (ANED). 2013. URL: https://includ-ed.eu/sites/default/files/documents/aned_2013_task_6_-_comparative_data_synthesis_report_-_europe2020_final.pdf (дата обращения: 13.10.2024); Grammenos St. European comparative data on persons with disabilities – Equal opportunities, fair working conditions, social protection and inclusion, health analysis and trends – Data 2020, European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2023. DOI 10.2767/67323.

Тенденция роста безработицы – чаще для работников с умеренными нарушениями, чем с серьёзными, – общая для государств благосостояния – наиболее выражена в странах, где увеличился разрыв занятости лиц с инвалидностью. В Швеции уровень безработицы лиц с умеренными нарушениями повысился на 47 %, с серьёзными – на 29,1 %; в Германии, соответственно, на 14,2 и 2,2 %, во Франции – на 10,4 и 7,1 %. Уровень безработицы сократился только в Великобритании – соответственно, на 34,6 и 31,4 % (рис. 5).

От редакции: вторая часть статьи будет опубликована в следующем номере журнала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Taylor-Gooby P., Gummy J. M., Otto A. Can “New Welfare” address poverty through more and better jobs? *Journal of Social Policy*. 2014;44(1):83–104. DOI [10.1017/S0047279414000403](https://doi.org/10.1017/S0047279414000403).
2. Кулагина Е. В. Новая политика государств благосостояния: контекст для анализа положения лиц с инвалидностью // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 4. С. 121–136. [Kulagina E. V. The new welfare state policy: a context for analyzing the situation of persons with disabilities. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2020;8(4):121–136. (In Russ.)]. DOI [10.19181/snsp.2020.8.4.7660](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7660). EDN HUSTHB.
3. Кулагина Е. В. Активная политика занятости в отношении лиц с инвалидностью // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 78–111. [Kulagina E. V. Active market labour policies towards people with disabilities. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):78–111. (In Russ.)]. DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.4). EDN HRCKWN.
4. Dengler K. Effectiveness of active labour market programmes on the job quality of welfare recipients in Germany. *Journal of Social Policy*. 2019;48(4):807–838. DOI [10.1017/S0047279419000114](https://doi.org/10.1017/S0047279419000114).
5. Reasonable accommodation and sheltered workshops for people with disabilities: costs and returns of investments. Brussels: European Union. European Parliament. 2015. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536295/IPOL_STU\(2015\)536295_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536295/IPOL_STU(2015)536295_EN.pdf) (accessed: 13.10.2024).
6. Labour market policy – expenditure and participants. Data 2019. European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2021. 208 p. DOI [10.2767/995509](https://doi.org/10.2767/995509).
7. Fichtl A. Mini- and midi-Job in Germany. Effects of marginal employment on unemployment. *FORES Policy Paper*. 2015;(3):01–54. Available at: <https://fores.se/publikation/mini-and-midi-jobs-in-germany/> (accessed: 27.10.2024).
8. Employment outlook 2009. Tackling the jobs crisis. Paris: OECD. 2009. DOI [10.1787/empl_outlook-2009-en](https://doi.org/10.1787/empl_outlook-2009-en).
9. Zwan R. v.d., Beer P. T. d. The disability employment gap in European countries: What is the role of labour market policy? *Journal of European Social Policy*. 2021;31(4):473–486. DOI [10.1177/09589287211002435](https://doi.org/10.1177/09589287211002435).
10. Immervoll H., Kleven H. J. Kreiner C. Th. [et al]. Welfare reform in European countries: a microsimulation analysis. *The Economic Journal*. 2007;(117):1–44. DOI [10.1111/j.1468-0297.2007.02000.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2007.02000.x).
11. Employment outlook 2019: The Future of work. Paris: OECD; 2019. 339 p. DOI [10.1787/9ee00155-en](https://doi.org/10.1787/9ee00155-en).

12. In It Together: Why Less Inequality Benefits All. Paris: OECD; 2015. 336 p. DOI [10.1787/9789264235120-en](https://doi.org/10.1787/9789264235120-en).
13. Horn A., Kevins A., Van Kersbergen K. Workfare and attitudes toward the unemployed: new evidence on policy Feedback from 1990 to 2018. *Comparative Political Studies*. 2023;57(5):818–850. DOI [10.1177/00104140231178743](https://doi.org/10.1177/00104140231178743).
14. Bauer A., King I. The Hartz reforms, the German Miracle, and labor reallocation. *European Economic Review*. 2018;(103):1–17. DOI [10.1016/j.euroecorev.2017.12.010](https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2017.12.010).
15. Geiger B. B., van der Wel K. A., Tøge A. G. Success and failure in narrowing the disability employment gap: comparing levels and trends across Europe 2002–2014. *BMC Public Health*. 2017;17(928):1–7. DOI [10.1186/s12889-017-4938-8](https://doi.org/10.1186/s12889-017-4938-8).
16. Flüter-Hoffmann Chr., Kurtenacker A., Schmidt J. Menschen mit Beeinträchtigungen auf dem Arbeitsmarkt. Erwerbsbeteiligung, Beschäftigungsstrukturen und persönliche Einschätzungen. IW-Analysen 147. Institut der deutschen Wirtschaft. 2021. ISBN 978-3-602-45648-2. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/247354/1/1778326005.pdf> (accessed: 13.10.2024).
17. Bambra C. Form quotas to sanction: the political economy of rehabilitation in UK. In: I. Haarslof, I. Poulser, K. Larsen eds. *New dynamics of disability and rehabilitation: interdisciplinary perspectives*. Singapore: Palgrave Macmillan; 2019. P. 69–96. DOI [10.1007/978-981-13-7346-6](https://doi.org/10.1007/978-981-13-7346-6).
18. Rauch A., Dornette J. Equal rights and equal duties? Activating Labour Market Policy and the participation of long-term unemployed people with disabilities after the reform of the German welfare state. *Journal of Social Policy*. 2010;39(01):53–70. DOI [10.1017/S0047279409990419](https://doi.org/10.1017/S0047279409990419).
19. Burchardt T. The dynamics of being disabled. *Journal of Social Policy*. 2000;29(04):645–668. DOI [10.1017/S0047279400006097](https://doi.org/10.1017/S0047279400006097).
20. Кулагина Е. В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью: доступность для граждан трудоспособного возраста. Ч. 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 3. С. 115–133. [Kulagina E. V. Social security of persons with disabilities in welfare States: assistance coverage and anti-crisis regulation. Part 1. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2022;10(3):115–133. (In Russ.)]. DOI [10.19181/snsp.2022.10.3.9200](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9200). EDN AXNSZE.
21. Кулагина Е. В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью: доступность для граждан трудоспособного возраста. Ч. 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4. С. 8–27. [Kulagina E. V. Social security of persons with disabilities in welfare States: assistance coverage and anti-crisis regulation. Part 2. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2022;10(4):8–27. (In Russ.)]. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9280](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9280). EDN YKZUFE.
22. Кулагина Е. В. Социальная политика в отношении инвалидов в государствах благосостояния и России: переход к независимой жизни и инклюзии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 10. С. 1944–1971. [Kulagina E. V. Social development: Active employment policy for persons with disabilities. *National interests: priorities and security=Nacional'ny'e interesy': priority' i bezopasnost'*. 2017;13(10):1944–1971. (In Russ.)]. DOI [10.24891/ni.13.10.1944](https://doi.org/10.24891/ni.13.10.1944). EDN ZOLDSN.
23. Кулагина Е. В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью в государствах благосостояния: охват помощью и антикризисное регулирование. Ч. 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3. С. 107–121. [Kulagina E. V. Social security of persons with disabilities in welfare States: assistance coverage and anti-crisis regulation. Part 1. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2021;9(3):107–121. (In Russ.)]. DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8436](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8436). EDN NWMYLA.

24. Кулагина Е. В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью в государствах благосостояния: охват помощью и антикризисное регулирование. Ч. 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4. С. 238–249. [Kulagina E. V. Social Provision of Disabled People in Welfare States: The Scope of Social Benefits and Anti-Crisis Regulation. Part II. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2021;10(4):8–27. (In Russ.)]. DOI [10.19181/snsp.2021.9.4.8617](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8617). EDN YPKVGG.
25. Grammenos St. European comparative data on persons with disabilities – Equal opportunities, fair working conditions, social protection and inclusion, health analysis and trends – Data 2020, European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union ; 2023. 217 p. DOI [10.2767/67323](https://doi.org/10.2767/67323).
26. Employment of disabled people: statistical analysis of the 2011 Labour Force Survey Ad Hoc Module. Eurostat Statistical Working Papers. Luxembourg: EU Publishing; 2015. 144 p. DOI [10.2785/56001](https://doi.org/10.2785/56001).
27. Kubin T., Tratt B. Aktuelle Ausbildungs- und Beschäftigungssituation von Menschen mit Behinderung im Handwerk. Ergebnisse einer empirischen Untersuchung. Deutsche Handwerkinstitut. 2023. Available at: <https://lfi-muenchen.de/wp-content/uploads/2023/02/Aktuelle-Ausbildungs-und-Beschaefigungssituation-von-MiB-im-HW.pdf> (accessed: 13.10.2024).
28. Bickenbach J., Posarac A., Cieza A. [et al.] Assessing disability in working age population – a paradigm shift: from impairment and functional limitation to the disability approach. World Bank, Washington, DC. United States of America ; 2015. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/ru/272851468164970738/pdf/Disability-Assessment-Report-June-18-2015.pdf> (accessed: 27.10.2024).
29. Lo S. H., Ville Is. The “employability” of disabled people in France: a labile and speculative notion to be tested against the empirical data from the 2008 “Handicap-Santé” study. *ALTER: European Journal of Disability Research*. 2013;7(4):227–243. DOI [10.1016/j.alter.2013.09.007](https://doi.org/10.1016/j.alter.2013.09.007).
30. Berthoud R. Disability employment penalties in Britain. *Work, Employment & Society*. 2008;22(1):129–148. DOI [10.1177/0950017007087420](https://doi.org/10.1177/0950017007087420).
31. Rasmussen M., Balkus R., Wisseman M. [et al.] The disability benefit programme and its alternatives. In: P. A. Kemp eds. *Sick societies?: trends in disability benefits in postindustrial welfare states*. Geneva: Int. Social Security Ass; 2006. P. 39–50.
32. *Sickness, disability and work: breaking the barriers. A synthesis of findings across OECD countries*. Paris: OECD; 2010. 166 p. DOI [10.1787/9789264088856-en](https://doi.org/10.1787/9789264088856-en).
33. Black D., Daniel K., Sanders S. The impact of economic conditions on participation in disability programs: Evidence from the coal boom and bust. *The American Economic Review*. 2002;92(1):27–50. DOI [10.1257/000282802760015595](https://doi.org/10.1257/000282802760015595).
34. Morris Z. A., Zaidi A. Estimating the extra costs of disability in European countries: implications for poverty measurement and disability-related decommmodification. *Journal of European Social Policy*. 2020;30(3):339–354. DOI [10.1177/0958928719891317](https://doi.org/10.1177/0958928719891317).
35. Dingeldey I. Between workfare and enablement – the different paths to transformation of the welfare state: a comparative analysis of activating labour market policies. *European Journal of Political Research*. 2007;46(6):823–851. DOI [10.1080/13501760701497923](https://doi.org/10.1080/13501760701497923).
36. Geiger B. B. Benefits conditionality for disabled people: stylised facts from a review of international evidence and practice. *Journal of Poverty and Social Justice*. 2017;25(2):107–28. DOI [10.1332/175982717X14939739331010](https://doi.org/10.1332/175982717X14939739331010).
37. Fothergill S. Welfare to work: time for a rethink. *People, Place & Policy*. 2010;4(1):3–5. DOI [10.3351/ppp.0004.0001.0002](https://doi.org/10.3351/ppp.0004.0001.0002).

38. Bartels C. Long-term participation tax rates. SOEPpapers on multidisciplinary panel Data research at DIW Berlin. 2013;609. Available at: https://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.432991.de/diw_sp0609.pdf (accessed: 27.10.2024).
39. Fothergil S. Welfare-to-work isn't working. *People, Place and Policy*. 2013;7(2):61–65. DOI 10.3351/ppp.0007.0002.0002.
40. Aurich-Beerheide P., Brussig M. Assessment of work ability in competing strands of social insurance: the German case. *Journal of Poverty and Social Justice*. 2017;25(2):163–176. DOI 10.1332/175982717X14937395831424.
41. Grammenos St. European comparative data on Europe 2020 & People with disabilities. Final report. Centre for European Social and Economic Policy (CESEP ASBL) on behalf of the Academic Network of European Disability Experts (ANED). 2013. Available at: https://includ-ed.eu/sites/default/files/documents/aned_2013_task_6_-_comparative_data_synthesis_report_-_europe2020_final.pdf (accessed: 13.10.2024).
42. Schachler V., Schlummer W., Weber R. (hrsg.) Zukunft der Werkstätten – Perspektiven für und von Menschen mit Behinderung zwischen Teilhabe-Auftrag und Mindestlohn. Bad Heilbrunn: Verlag Julius Klinkhardt; Lebenshilfe Verlag der Bundesvereinigung; 2023. 333 p. DOI 10.25656/01:26510.
43. Bonoli G. The political economy of Active Labor-Market Policy. *Politics & Society*. 2010;38(4):435–457. DOI 10.1177/0032329210381235.
44. Dwyer P., Scullion L., Jones K. [et al.] Work, welfare, and wellbeing: The impacts of welfare conditionality on people with mental health impairments in the UK. *Social Policy & Administration*. 2020;54(2):311–326. DOI 10.1111/spol.12560.
45. Jacobi L., Kluge J. Before and after the Hartz Reforms: the performance of Active Labor Market Policy in Germany. *Journal for Labour Market Research*. 2007;40(1):45–64. DOI 10.2139/ssrn.900374.
46. Gaskarth G. The Hartz Reforms... and their lesson for the UK. Centre for Policy Studies. 2014. Available at: <https://cps.org.uk/wp-content/uploads/2021/07/141024133732-TheHartzReforms.pdf> (accessed: 29.10.2024).
47. Greve B. The labour market situation of disabled people in European countries and implementation of employment policies: a summary of evidence from country reports and research studies. Academic Network of European Disability Experts (ANED). 2009. Available at: https://ec.europa.eu/employment_social/empl_portal/ede/ANED%20Task%206%20final%20report%20-%20final%20version%2017-04-09.pdf (accessed: 29.10.2024).
48. Lindsay C. Houston D. Fit for purpose? Welfare reform and challenges for health and labour market policy in the UK. *Environment and Planning. Economy and Space*. 2011;43(3):703–721. DOI 10.1068/a43442.
49. Bound J., Burkhauser R. V. Chapter 51. Economic analysis of transfer programs targeted on people with disabilities. In: O. Ashenfelter, D. Card eds. *Handbook of labor economics*. 3(1). Amsterdam: Elsevier; 1999. P. 3417–3528. DOI 10.1016/S1573-4463(99)30042-0.
50. Jenkins S. P., Rigg J. A. Disability and disadvantage: selection, onset, and duration effects. *Journal of Social Policy*. 2004;33(03):479–501. DOI 10.1017/S0047279404007780.
51. Transforming disability into ability. Policies to promote work and income security for disabled people. Paris: OECD. 2003. DOI 10.1787/9789264158245-en.
52. Metzler Chr., Werner D. Die Erwerbssituation von Menschen mit Behinderung. *IW-Trends*. 2017;44(4):21–38.
53. Geiger B. B., Garthwaite K., Warren J. [et al.] Assessing work disability for social security benefits: international models for the direct assessment of work capacity. *Disability and Rehabilitation*. 2018;40(24):2962–2970. DOI 10.1080/09638288.2017.1366556.

54. van Oorschot W. Disability benefit reforms in the Netherlands 1980–2006, Retrenchment and reconstruction In: M. Kautto, J. Bach-Othman. eds. Disability and employment – lessons from reforms. Helsinki: Finnish Centre for Pensions; 2010. P. 35–52.
55. Lillestø B., Sandvin J. T. Limits to vocational inclusion? Disability and the social democratic conception of labour. *Scandinavian Journal of Disability Research*. 2014;16(01):45–58. DOI [10.1080/15017419.2012.735203](https://doi.org/10.1080/15017419.2012.735203).
56. Barr B., Clayton S., Whitehead M. [et al.] To what extent have relaxed eligibility requirements and increased generosity of disability benefits acted as disincentives for employment? A systematic review of evidence from countries with well-developed welfare systems. *Epidemiology & Community Health*. 2010;64(12):1106–1114. DOI [10.1136/jech.2010.111401](https://doi.org/10.1136/jech.2010.111401).

Сведения об авторе

Е. В. Кулагина

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [9548-1559](https://spn.ru/9548-1559)

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 06.11.2024; принята к публикации 23.11.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.4.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.3)

EMPLOYMENT OF PERSONS WITH DISABILITIES: OPPORTUNITIES, PRIORITIES AND OUTCOMES OF ACTIVE POLICIES IN WELFARE STATES. PART ONE

Elena Viktorovna Kulagina

Institute of Socio-Economic Studies
of Population of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,
elkulagina@yandex.ru,
ORCID [0000-0002-5342-7847](https://orcid.org/0000-0002-5342-7847)

For citation: Kulagina E. V. Employment of persons with disabilities: opportunities, priorities and outcomes of active policies in welfare states. Part one. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):46–64. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.3).

Abstract. This two-part article examines the active employment policies of welfare states and their impact on the situation of persons with disabilities of working age. On the basis of research materials and data from population surveys in the EU and OECD countries, the article analyzes the trends of active employment policies for persons with moderate and severe disabilities in welfare states of different models for the period from 2010 to 2020. The first part of the article reveals the approaches of active policy to retention on the labor market, to provision of employment assistance services, to reduction of unemployment risks, to employment of persons with disabilities. The principles of transformation of allowances

for disability, temporary disability, unemployment, income maintenance and application of personal measures – incentives and sanctions, which are based on increasing the responsibility of citizens for their own well-being, are considered. The role of the factor of de-regulation of the employment sphere in the approaches of active policy to the expansion of labor supply and maintenance of demand on the part of employers is shown. The priorities of active measures to promote employment, based on cost reduction and increasing returns on investment, and their impact on the employment of citizens with different degrees of impairment are revealed. The results of active policies (employment gap and unemployment rate) and their sustainability in relation to persons with moderate and severe impairments are revealed.

Keywords: new welfare, welfare-to-work, labour-market policy, active labour market policies, social policy, disability, disability employment gap, social protection employment, disability, equality

Information about the Author

E. V. Kulagina

Candidate of Economy,

Leading Researcher

ResearcherID: [N-1381-2017](#)

Scopus AuthorID: [57195297739](#)

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 06.11.2024; accepted for publication 23.11.2024.

ВАРИАТИВНОСТЬ И ДИНАМИКА ПАТРИОТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ СВО

Игорь Михайлович Кузнецов

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

ingvar31@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-6914-3355

Для цитирования: Кузнецов И. М. Вариативность и динамика патриотических установок россиян в контексте СВО // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 65–81. DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.4. EDN HIDD BV.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей социально-политических диспозиций, характерных для умеренного и убеждённого типов патриотических установок. Дополнительно проведён анализ динамики изменения соотношения долей обоих типов патриотизма в 2024 году в контексте СВО в сравнении с ситуацией относительно «мирного» 2020 года. Эмпирическую базу исследования составили данные массового опроса населения РФ, проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН в феврале – марте 2024 г. по репрезентативной общероссийской выборке. Объём выборочной совокупности – 2000 респондентов. Для сравнения привлекались данные аналогичного опроса 2020 года. Критерием для типологизации разных вариантов патриотизма является количественное различие в мере поддержки суждений гражданского и охранительного характера, образующих пространство патриотических смыслов эмоционального, когнитивного и поведенческого аспектов отношения к России. По итогам анализа данных оценки степени согласия с суждениями гражданского и охранительного смысла были выделены умеренный и убеждённый типы патриотизма, составляющие в совокупности систему патриотических установок россиян. Анализ взаимосвязей каждого типа патриотизма с широким комплексом социально-политических диспозиций показал, что выделенные типы представляют собой целостные симптомокомплексы взглядов на страну, её нынешнее состояние и перспективы развития, существенно различающиеся по своим *устойчивым во времени тенденциям*. Такой тенденцией для убеждённых патриотов является ориентация на традиционализм, а для умеренных патриотов – на модернизм. Сравнение данных о распространённости того или иного типа патриотизма 2020 г. с аналогичными данными 2024 г. позволило сделать вывод о том, что если в 2020 году система патриотических установок россиян находилась в устойчивом состоянии с доминированием модернистских тенденций, то в 2024 году произошла «перекидка» всей системы патриотических убеждений в иное по качеству, но столь же устойчивое состояние, но уже с доминированием традиционалистских тенденций. В целом делается вывод о том, что система патриотических установок россиян весьма подвижна в плане активизации

как гражданских, так и охранительных смыслов, что в разных социально-политических контекстах приводит либо к увеличению, либо к уменьшению доли сторонников того или иного из исследованных типов в системе в целом.

Ключевые слова: система патриотических установок, гражданские смыслы патриотизма, охранительные смыслы патриотизма, умеренный тип патриотизма, убеждённый тип патриотизма, социально-политические диспозиции

Введение

В сегодняшнем российском общественном мнении в условиях внешнего давления на Россию наблюдается рост патриотических настроений. По данным мониторингового опроса ВЦИОМ, проведённого в марте 2024 г., патриотами себя считают 94 % россиян¹. Патриотическое воспитание стало одной из приоритетных областей внутренней политики государства². Однако даже поверхностное наблюдение за дискуссиями в публичном информационном пространстве по поводу того, кто «патриот», а кто – нет, позволяет сделать вывод о том, что в это понятие представители разных социальных групп и слоёв населения вкладывают разный, иногда даже противоположный смысл. В связи с этим продолжает быть актуальной как диагностика содержания разных вариантов патриотических убеждений, так и мониторинг меры распространённости этих вариантов в различных сегментах российского общественного мнения.

Цель авторского исследования многообразия патриотических установок состоит в том, чтобы оценить, в каких вариантах содержания это понятие распространено на уровне повседневного сознания и как разные варианты связаны с теми или иными социально-политическими диспозициями россиян. Задача в том, чтобы расширить и детализировать представление о выявленных ранее симптомокомплексах патриотических убеждений и отследить динамику изменения их содержания в контексте специальной военной операции (СВО), когда, с одной стороны, произошла серьёзная поляризация мнений относительно этой операции, а с другой – начался процесс консолидации российского сообщества.

---

¹ О современном российском патриотизме // ВЦИОМ. Новости: сайт. 29.03.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 29.06.2024).

² Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Методические рекомендации / Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодёжи. М., 2022. URL: https://patriot.nso.ru/sites/patriot.nso.ru/wodby_files/files/document/2022/12/documents/metodicheskie_rekomendacii_osnovy_patr._vospitaniya.pdf (дата обращения: 29.06.2024).

Эмпирическая база, рабочая концепция и методика исследования

Эмпирическую базу исследования составили данные массового опроса населения РФ, проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН в ходе реализации первого этапа Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.).

Опрос был проведён в феврале – марте 2024 г. по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке в 22 субъектах РФ. Объём выборочной совокупности – 2000 респондентов, репрезентирующих взрослое (18 лет и старше) население России по параметрам возраста, пола, социально-профессионального статуса, образования и типа населённого пункта проживания. Для сравнения привлекались данные аналогичного опроса 2020 года.

Рабочая концепция исследования. При формировании социологического подхода к исследованию комплекса патриотических установок была детально рассмотрена наиболее популярная на сегодняшний день методика эмпирического измерения патриотических установок, предложенная Э. Стаубом и его коллегами [1]. Эта методика основана на различии «слепого» (blind) и «конструктивного» патриотизма. Слепой патриотизм характеризуется безусловной положительной оценкой страны, непоколебимой преданностью её политической системе и нетерпимостью к критике происходящего в стране. Конструктивный патриотизм, напротив, отличает стремление подвергать сомнению и критике текущую политику с тем, чтобы добиться улучшения положения дел в стране. Однако эта методика оказалась не лишённой определённой идеологической нагруженности. Детальный анализ суждений, предлагаемых для оценки, показал, что суждения, отражающие слепой вариант патриотизма, сформулированы так, что привлекают прежде всего сторонников консервативных взглядов, а формулировки конструктивного характера – сторонников либеральных ценностей [2, р. 64]. Таким образом, по факту рассматриваемая методика ориентирована лишь на измерение идеологических аспектов отношения к стране.

Другой достаточно распространённый подход основан на разделении установок по отношению к своей стране на «националистические» и собственно «патриотические» [3; 4]. Под «национализмом» в разных вариантах такого подхода понимается комплекс положительных чувств и мнений о своей стране, основой которых является сравнение её с другими странами, а под «патриотизмом» – положительные чувства к своей стране без сравнения с другими странами [4, с. 23]. Однако и этот подход имеет определённую идеологическую нагруженность.

При формировании своего подхода автор исходит из того, что патриотизм – это, прежде всего, комплекс позитивных чувств и представлений о своей стране, её культуре, истории, месте в глобальном обществе, сочетающийся с поведенческими диспозициями по сохранению, укреплению и защите своей страны.

Методика исследования представляет собой анализ данных опроса по блоку из 8 суждений, отражающих аффективный, когнитивный и прескриптивный аспекты отношения к России (представлены в табл. 1). Респонденты оценивали своё согласие с каждым суждением по четырёхбалльной шкале: от категорического несогласия (1 балл) до полного согласия (4 балла)¹. По результатам факторного анализа оценок респондентов были сформированы два ортогональных измерения патриотизма: «гражданское» и «охранительное» (см. табл. 1).

Таблица 1

Факторное распределение суждений
о социально-культурных аспектах патриотизма, 2024 г.

Настоящие патриоты России...	Факторные нагрузки	
	1	2
1. Любят своё Отечество	0,862	
2. Гордятся достижениями в области отечественной литературы и искусства	0,820	
3. Поддерживают культуру и традиции своей страны	0,819	
4. Ценят историю своей страны	0,751	
5. Борются с иностранным влиянием		0,831
6. Борются с незаконной миграцией		0,796
7. Стремятся, чтобы другие государства боялись Россию		0,779
8. Считают обязательным поддерживать суверенитет страны на международной арене		0,726

Примечание. КМО 0,83; Объяснённая совокупная дисперсия 64 %.

Суждения, объединённые в факторе 1 (пункты 1–4 в таблице 1), в совокупности представляют шкалу, которую можно охарактеризовать как «гражданское» измерение патриотизма (α Кронбаха 0,796), поскольку здесь подчёркивается важность для патриота интереса к своей истории и традициям, труда на благо страны. Второе измерение составляют суждения фактора 2 (пункты 5–8 в таблице 1), ориентирующие на защиту России и её социально-культурной среды. Это измерение представлений о патриотизме условно обозначено автором как «охранительное» (α Кронбаха 0,806).

Эти измерения отграничивают пространство смыслов патриотизма, в разных сегментах которого располагаются реальные респонденты в зависимости от того, насколько они согласны или не согласны с суждениями гражданского и охранительного характера. Проведённый двухступенчатый кластерный анализ ответов позволил обнаружить две группы респондентов по характеру

¹ Эта методика измерения патриотических установок применяется в массовых социологических опросах Института социологии ФНИСЦ РАН с 2015 года [5].

их оценок суждений о патриотизме. В первую группу вошли респонденты, умеренно согласные или не согласные с суждениями, отражающими гражданские и охранительные смыслы патриотизма. Вторую группу составили респонденты безусловно согласные со всеми предложенными суждениями. Вариант патриотизма, характерный для первой группы, условно обозначен как «умеренный», а второй группы – как «убеждённый». Отметим также, что убеждённые патриоты отличаются более категоричной поддержкой суждений охранительного толка (в среднем в этой группе безусловно поддерживают такие суждения 78 % респондентов против 9 % в группе умеренных патриотов).

Результаты исследования.

Особенности социально-политических диспозиций сторонников умеренного и убеждённого вариантов патриотизма

Общая характеристика системы патриотических установок россиян в 2024 г. По данным всероссийского опроса 2020 года, умеренного варианта патриотизма придерживались 60 % опрошенных, а убеждённого – 40 % [6, с. 217]. Напомним, что речь идёт об оценках патриотизма в последний период относительно «мирного» этапа развития современной России. Как можно было ожидать в период проведения СВО, ситуация с поддержкой этих двух вариантов патриотизма коренным образом изменилась. По данным опроса 2024 года, убеждённого варианта патриотизма придерживаются 60 % опрошенных россиян, а умеренного – 40 %. Таким образом, можно предположить, что за время проведения СВО часть россиян, придерживавшихся умеренного варианта патриотизма, изменили свои оценки тех или иных суждений о патриотизме с относительно мягких («скорее согласен») на более категоричные («безусловно согласен»). Но при этом в 2024 году сохраняются зафиксированные в опросе 2020 года различия в распространённости разных вариантов патриотических установок между молодёжью и респондентами старше 50 лет. Молодёжь чаще придерживается умеренного варианта патриотизма, а среди представителей самой старшей возрастной группы более распространён убеждённый вариант, что в целом вполне ожидаемого и может быть объяснено возрастными особенностями этапов формирования идентичности, сформулированными в эпигенетической теории Э. Эриксона [7].

В то же время за четыре года произошли изменения и в некоторых социально-демографических характеристиках групп умеренного и убеждённого патриотизма. Если в 2020 году не наблюдалось статистически значимых различий в мере распространённости двух вариантов патриотических установок среди жителей разных типов поселений, то в 2024 году такие (причём очень масштабные) различия появились (см. табл. 2).

В значимо большей мере убеждённый вариант патриотизма в 2024 году оказывается распространённым в российских мегаполисах (в нашей выборке это Москва и Санкт-Петербург). Жители других типов поселений в этом отношении не отличаются между собой и практически отражают средние российские пропорции.

Таблица 2¹

Распространённость вариантов патриотизма в разных типах поселений России, 2024 г., %²

Тип патриотических установок	Тип поселений				
	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры; города, не являющиеся районными центрами	ПГТ	Сёла
Умеренный	26	40	41	46	43
Убеждённый	74	60	59	54	57

Оценка текущей ситуации и перспектив развития России. Носители убеждённого варианта патриотизма отличаются большей уравновешенностью и оптимизмом как в оценке общей ситуации в России (табл. 3), так и динамики социальной напряжённости (табл. 4).

Таблица 3

Оценка общей ситуации в России в целом, 2024 г., %

Оценка ситуации	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
Нормальная, спокойная	29	39
Напряжённая, кризисная	60	55
Катастрофическая	11	6

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 3, умеренные патриоты чаще склонны оценивать текущую ситуацию как напряжённую и даже катастрофическую, что может свидетельствовать о более распространённом среди них повышенном уровне тревожности. Этот вывод отчасти подтверждают и данные, представленные в таблице 4.

Таблица 4

Оценка динамики социальной напряжённости в России в целом за последнее время, 2024 г., %

Динамика уровня социальной напряжённости	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
Напряжение снизилось	21	31
Ситуация такая же, какая была раньше	30	33
Напряжение возросло	49	36

Представители умеренного варианта патриотизма значимо чаще указывают на то, что в последнее время социальная напряжённость возросла, а убеждённые патриоты, наоборот, – что снизилась. Дополнительно можно отметить, что

¹ Здесь и далее во всех таблицах указана доля от ответивших.

² В этой и всех следующих таблицах значимость χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$.

в относительно мирном 2020 году таких значимых различий в оценке текущей ситуации не наблюдалось.

Большим оптимизмом отличаются убеждённые патриоты и в оценке ближайших и дальних перспектив развития России (табл. 5 и 6).

Таблица 5

Оценка перспектив развития России в ближайший год, 2024 г., %

Варианты перспектив развития России в ближайший год	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
Страна будет развиваться успешно	26	39
Ничего принципиальным образом не изменится	29	27
Страну ждут трудные времена	45	34

Оптимистических взглядов на перспективы развития России в ближайший год значимо чаще придерживаются убеждённые патриоты, а пессимизм в оценке этих перспектив скорее характерен для умеренных патриотов.

Таблица 6

Оценка будущего России в долгосрочной перспективе, 2024 г., %

Варианты долгосрочных перспектив развития России	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
Путь, по которому идёт сейчас Россия, даст в перспективе положительные результаты	66	87
Путь, по которому идёт сейчас Россия, ведёт страну в тупик	34	13

Как можно судить из данных, представленных в таблице 6, при общей оптимистической оценке будущего России в долгосрочной перспективе убеждённые патриоты такую оценку высказывают гораздо чаще, чем представители группы умеренных патриотов.

Такой же оптимизм прослеживается и в оценке перспектив России на ближайшее десятилетие по отдельным направлениям, таким как экономическое положение России и её место в глобальном мире (табл. 7 и 8).

Таблица 7

Оценка экономического положения России в ближайшие 10 лет, 2024 г., %

Варианты оценки экономического положения	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
Экономика России будет расти быстрыми темпами и по своим показателям займёт более высокое место – наряду с мегадержавами	30	44
Экономический рост России будет уверенным, но не очень быстрым, страна останется примерно на том же месте (5-е место в мире), что и сегодня	50	51
Экономика России будет постепенно отставать от мировых лидеров	20	5

Таблица 8

Оценка места России в глобальном мире в ближайшие 10 лет, 2024 г., %

Место России в глобальном мире	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
Россия укрепит своё положение великой державы, её влияние в мире усилится	46	65
Россия останется крупным влиятельным государством, но не на «первых ролях»	37	33
Россия постепенно потеряет своё влияние в мире	17	2

Здесь особенно заметны различия в негативной оценке перспектив как экономического развития России, так и её места в глобальном мире: доля таких оценок у убеждённых патриотов практически сопоставима с погрешностью выборки, а в группе умеренных патриотов негативно оценивает перспективы развития России примерно каждый пятый респондент.

В целом об особенностях эмоциональной составляющей социально-политических диспозиций умеренных и убеждённых патриотов можно судить по данным, представленным в таблице 9.

Таблица 9

Основные чувства, выражающие личное отношение к России, 2024 г., %¹

Чувства в отношении России	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
Любовь	38	50
Гордость	38	60
Уважение	53	66
Равнодушие	12	3
Обида, стыд	15	10
Возмущение	14	7

Так, если у убеждённых патриотов преобладает и чаще встречается набор позитивных чувств в отношении России, то у умеренных чаще, чем среди убеждённых, можно встретить либо равнодушие, либо такие негативные чувства, как обида, стыд, возмущение. В 2020 году таких отчётливых различий в чувствах по отношению к России зафиксировано не было. Тогда небольшие различия наблюдались лишь в том, что убеждённые патриоты несколько чаще отмечали в качестве базового чувства в отношении России гордость за страну, а умеренные чаще склонны были говорить о равнодушии.

¹ Вопрос поливариантный, т. е. допускается несколько ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

Особенности ценностно-нормативной системы представителей убеждённого и умеренного вариантов патриотизма. Как и в других исследованиях прошлых лет (см., напр.: [8]), оценка тенденций изменения смыслов базовых ценностных ориентиров по шкале «традиционализм» – «модернизм» проводится автором путём измерения отношения респондентов к двум альтернативным суждениям, характеризующим место России в глобальном мире вообще и на европейском пространстве в частности. Респондентам предлагалось сделать выбор между суждениями «Россия нуждается в укреплении собственных исторических традиций, моральных и религиозных ценностей» и «В России необходимо активнее внедрять нормы и ценности образа жизни, принятого в экономически развитых государствах». Первое суждение интерпретируется как отражающее традиционалистское, имеющее достаточно глубокие исторические корни, представление об «особенном пути» России, особой ментальности россиян. Второе суждение отражает альтернативное первому представлению о России как о составной части европейского ментального и культурного пространства. Это представление также имеет глубокие исторические корни, но стало особенно актуальным в постсоветский период российской истории. О различиях в оценке этих суждений носителями умеренного и убеждённого патриотизма в 2024 году можно судить на основе данных, представленных в таблице 10.

Таблица 10

Мнение респондентов об особенностях исторического пути России, 2024 г., %

Варианты исторического пути России	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
Россия нуждается в укреплении собственных исторических традиций, моральных и религиозных ценностей	62	83
В России необходимо активнее внедрять нормы и ценности образа жизни, принятого в экономически развитых государствах	38	17

Убеждённые патриоты в своих оценках чаще, чем умеренные, склонны поддерживать традиционные представления об особом пути России, в то время как для умеренных патриотов в большей степени характерна ориентация на европейскую цивилизационную модель.

Поддержка традиционалистских ценностных смыслов носителями убеждённого варианта патриотизма прослеживается и на уровне интерпретации ценностей гражданского самосознания, оценки места и роли морально-нравственных норм в жизни общества (табл. 11 и 12).

Представители умеренного варианта патриотизма чаще склонны поддерживать модернистский полюс ценностных смыслов гражданского самосознания, а убеждённые патриоты, напротив, – традиционалистский полюс. При этом необходимо подчеркнуть, что в 2020 году отмеченные различия в поддержке того или иного полюса ценностных смыслов умеренными и убеждёнными патриотами также присутствовали [6, с. 219].

Таблица 11

Оценка респондентами полярных ценностных смыслов
гражданского самосознания, 2024 г., %

Варианты ценностных смыслов гражданского самосознания	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
<i>«Традиции» vs. «инновации»</i>		
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	43	55
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	57	45
<i>«Интересы общества» vs. «интересы личности»</i>		
Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов общества и страны	41	58
Обеспечение личных интересов – это главное	59	42

Как можно судить по данным, представленным в таблице 12, убеждённые патриоты чаще, чем умеренные, демонстрируют уверенность в том, что моральные нормы не подвержены влиянию времени и что морально-нравственный климат в обществе нуждается в государственном регулировании.

Таблица 12

Оценка респондентами места и роли морально-нравственных норм
в жизни общества, 2024 г., %

Варианты оценки	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
<i>«Моральные нормы устарели» vs. «моральные нормы вечны»</i>		
Сегодня мы живём в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы сегодня уже устарели	50	35
Основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны и современны	50	65
<i>«Нравственность – сфера частной жизни» vs. «нравственность – сфера государственного контроля»</i>		
Мораль и нравственность – это сфера частной жизни человека, и государство не должно в неё вмешиваться	36	26
Поддержание благоприятного морально нравственного климата в обществе невозможно без участия государства	64	74

Ориентация сторонников убеждённого патриотизма на российский государственный традиционализм отражается в оценке важности тех или иных объединяющих всех россиян идей (табл. 13).

Таблица 13

*Оценка важности идей, способствующих объединению россиян
 в сплочённую российскую нацию, 2024 г., %¹*

Идеи, способные объединить россиян	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
Вера в Россию	32	48
Соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода	37	31
Героический дух и военная мощь	23	32
Обновление государственно-политического устройства	19	10
Сильный и авторитетный лидер государства	19	28

Убеждённые патриоты чаще выбирают из списка идей, необходимых россиянам для того, чтобы почувствовать себя сплочённой общностью, такие традиционалистские идеологемы, как «вера в Россию», «военная мощь» (аналог «великая держава»), «сильный авторитетный лидер» (аналог «твёрдая рука»), а умеренные патриоты чаще рассматривают в качестве основы национального единения некоторые модернистские политические концепции.

Особенности этнополитических установок умеренных и убеждённых патриотов. В исследованиях вариативности патриотических установок россиян регулярно фиксировались значимые различия сторонников умеренного и убеждённого вариантов патриотизма в направленности межнациональных установок и предпочитаемых моделях устройства многонационального российского государства [5, с. 231]. Так, например, в 2020 году носители убеждённого варианта патриотизма чаще умеренных патриотов испытывали чувство неприязни, раздражения по отношению к представителям иных национальностей. Такое чувство испытывали часто или время от времени 27 % сторонников убеждённого патриотизма и 22 % умеренного варианта (значимость χ^2 Пирсона $\leq 0,01$) [9, с. 29]. В 2024 году такие различия в отношении к людям иных национальностей не фиксируются. Но в то же время сохраняются различия в подходах к устройству многонациональной России (табл. 14).

Убеждённые патриоты в большей мере являются сторонниками правовых предпочтений для русских, а умеренные чаще склонны выступать за равноправие всех народов России. Другой такой же устойчивой во времени особенностью убеждённых патриотов является их стремление чаще оправдывать насилие при решении межнациональных и межрелигиозных споров в том случае, когда эти споры касаются их народа (табл. 15).

¹ Вопрос поливариантный, т. е. допускается несколько ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

Таблица 14

Оценка различных моделей государственного устройства многонациональной России, 2024 г., %

Модели государственного устройства многонациональной России	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
Россия должна быть государством русских людей	14	14
Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны	28	36
Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами и никто не должен иметь никаких преимуществ	58	50

Таблица 15

Оценка допустимости насилия в межнациональных и межрелигиозных спорах, 2024 г., доля согласных с данным суждением в каждой группе, %¹

Варианты суждений о допустимости насилия	Тип патриотических установок	
	умеренный	убеждённый
Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры	47	64
Все средства хороши для защиты интересов моего народа	56	80

Обсуждение результатов и выводы

В нашем подходе к исследованию системы патриотических установок россиян критерием для типологизации разных вариантов таких установок является количественное различие в мере поддержки суждений гражданского и охранительного характера, образующих пространство патриотических смыслов эмоционального, когнитивного и поведенческого аспектов отношения к России. В итоге было сформулировано представление о двух типах патриотических представлений – умеренном и убеждённом. Анализ взаимосвязей каждого типа патриотизма с широким комплексом социально-политических диспозиций показал, что выделенные типы представляют собой целостные симптомокомплексы взглядов на страну, её нынешнее состояние и перспективы развития, существенно различающиеся по своим *устойчивым во времени тенденциям*. Такой тенденцией для убеждённых патриотов является ориентация на традиционализм, а для умеренных патриотов – на модернизм. В этом плане выделенные нами типы сходны с типами «безоговорочного патриотизма» и «преобразовательной любви к Родине», сформулированными в своё время И. А. Халий [10, с. 69].

¹ Вопрос поливариантный, т. е. допускается несколько ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

Можно предположить, что тенденции, присущие тому или другому из выделенных типов, реализуются или, по крайней мере, обретают определённую популярность в общественном мнении в том случае, когда тот или иной тип количественно становится доминирующим в общей системе патриотических установок россиян. Так, обращаясь к данным 2020 года (60 % умеренных патриотов и 40 % – убеждённых), можно сказать, что в то время система патриотических установок россиян находилась в устойчивом состоянии с доминированием модернистских тенденций, что отражалось на относительной популярности соответствующих социально-политических диспозиций. Опираясь на данные 2024 года, можно сделать вывод, что за предшествующие четыре года произошла «перекидка» всей системы патриотических убеждений в иное по качеству, но столь же устойчивое состояние, но уже с доминированием традиционалистских тенденций¹.

В связи с этим показательны данные о существенном доминировании носителей именно убеждённого патриотизма в обеих российских столицах (см. табл. 2). Учитывая то, что столицы являются главными генераторами «модных трендов», то данные, приведённые в таблице 2, свидетельствуют, в числе прочего, о формировании «модного» патриотического тренда, что, вероятно, можно считать своеобразным проявлением, используя формулировку В. В. Путина, «формальных, административных последствий»² публичной демонстрации первыми лицами государства своей приверженности патриотическим взглядам убеждённого типа (по нашей классификации).

В опросе 2024 года впервые появилась возможность зафиксировать и оценить тенденции в *настроениях* сторонников умеренного и убеждённого патриотизма. Умеренные патриоты, в отличие от убеждённых, более склонны к пессимистической оценке как текущей ситуации, так и ближайших и долгосрочных перспектив экономического и политического развития России, чаще испытывают негативные чувства к стране, в большей мере демонстрируют тревожность в оценке нынешней ситуации и будущего страны. Всё это в целом очень сходно с характеристиками, обнаруженными при исследовании самочувствия сторонников западного пути развития России [11, с. 32].

¹ Логически можно предположить (но, к сожалению, нельзя проверить эмпирически из-за отсутствия соответствующих данных), что в указанный период была возможна ситуация, когда система патриотических установок находилась в неустойчивом равновесном состоянии (при примерно равных пропорциях умеренных и убеждённых патриотов), что в сфере общественного мнения (по крайней мере, в публичной информационной среде) могло спровоцировать жёсткую, агрессивную поляризацию взглядов сторонников умеренного и убеждённого патриотизма на текущее и будущее состояние России.

² Имеется в виду ответ В. В. Путина на вопрос о его любимой песне: «Вы знаете, я бы предпочёл на этот вопрос не отвечать, потому что это будет иметь какие-то формальные, административные последствия». См.: Встреча с выпускниками советских и российских вузов // Президент России : сайт. 20.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74354> (дата обращения: 29.06.2024).

Реализация традиционалистских тенденций, присущих убеждённым патриотам, особенно отчётливо проявилась в общей динамике изменения ценностных смыслов гражданского самосознания. В 2020 году был сделан вывод о том, что при подавляющем доминировании традиционалистских смыслов в сфере базовых ценностей в отношении ценностей гражданского самосознания наблюдается массовый переход на модернистские смыслы, соответствующие демократическим реалиям современной России [8, с. 100], что, на наш взгляд, вполне соответствовало доминированию в системе патриотических установок сторонников умеренного типа патриотизма с их модернистскими тенденциями. В 2024 году мы наблюдаем снижение доли поддержки модернистского смысла ценностей гражданского самосознания до уровня, уже не позволяющего говорить об их доминировании в общественном мнении. Так, если в 2020 году модернистский ценностный смысл установки «Обеспечение личных интересов – это главное» поддерживали 61 % респондентов (против 38 % согласных с традиционалистским суждением «Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов общества и страны»), то в 2024 году модернистский полюс поддержали лишь 48 % опрошенных (против 51 % согласных с традиционалистским смыслом). Можно предположить, что на такую динамику отчасти повлияло и нынешнее доминирование сторонников убеждённого типа патриотизма (с их традиционалистскими тенденциями) в системе патриотических убеждений россиян.

В то же время, опираясь на данные опроса 2024 года в сравнении с аналогичными данными прошлых лет, мы можем говорить о том, что некоторые тенденции, присущие тому или иному типу патриотических установок, могут меняться в условиях снижения или, наоборот, увеличения востребованности того или иного типа патриотизма в соответствии с общественным запросом, диктуемым теми или иными внешними или внутренними контекстами существования государства. Здесь показателен процесс изменения относительно устойчивой (по данным прошлых опросов) тенденции убеждённых патриотов (в силу большей значимости для них охранительных смыслов патриотизма) негативно относиться к представителям иных национальных групп, т. е. их большей склонности к негативным межнациональным установкам. При анализе соответствующих данных опроса 2024 года такая тенденция не проявилась, что мы связываем с увеличением доли сторонников убеждённого типа патриотизма за счёт тех, кто ранее придерживался умеренных патриотических взглядов, в тенденции предполагающих позитивные межнациональные установки.

В целом можно сделать вывод о том, что система патриотических установок россиян в целом весьма подвижна в плане активизации как гражданских, так и охранительных смыслов, что в разных глобальных и внутренних контекстах приводит либо к увеличению, либо к уменьшению доли сторонников того или иного из исследованных типов в системе в целом. В нынешнем контексте глобального противостояния очевидно востребованным явился консолидационный и защитный потенциал патриотических воззрений убеждённого типа.

Такое состояние системы патриотических установок вполне может быть охарактеризовано как мобилизационное. Тем не менее, учитывая подвижность этой системы, можно предположить, что в иных, более благоприятных для развития страны условиях система патриотических установок может вернуться к устойчивому состоянию с доминированием тенденций умеренного типа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schatz R. T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // *Political Psychology*. 1999. № 20. P. 151–175. DOI [10.1111/0162-895X.00140](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140).
2. Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement // *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51, № 1. P. 63–77. DOI [10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x).
3. Kosterman R., Feshbach S. Toward measure of patriotic and nationalistic attitudes // *Political Psychology*. 1989. Vol. 10, № 2. P. 257–274. DOI [10.2307/3791647](https://doi.org/10.2307/3791647).
4. Григорян Л. К. Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // *Культурно-историческая психология*. 2013. Т. 9, № 3. С. 22–30. DOI [10.17759/chp](https://doi.org/10.17759/chp). EDN [RZTSNH](https://www.edn.ru/EDN/RZTSNH).
5. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М. К. Горшков [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М. : Издательство Весь Мир, 2015. 432 с. ISBN 978-5-7777-0604-1. EDN [VNKUTL](https://www.edn.ru/EDN/VNKUTL).
6. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсеева [и др.] ; отв. ред. И. М. Кузнецов, С. В. Рыжова. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. ISBN 978-5-89697-404-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022). EDN [WGDKYE](https://www.edn.ru/EDN/WGDKYE).
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых ; пер. с англ. М. : Прогресс, 1996. 340 с.
8. Кузнецов И. М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // *Социологические исследования*. 2021. № 8. С. 93–102. DOI [10.31857/S013216250014161-0](https://doi.org/10.31857/S013216250014161-0). EDN [NZOFWE](https://www.edn.ru/EDN/NZOFWE).
9. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Межнациональные отношения, гражданская идентичность и интеграционные процессы в полиэтническом пространстве России. 2023. № 1. 135 с. DOI [10.19181/INAB.2023.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2023.1). EDN [XZMCKE](https://www.edn.ru/EDN/XZMCKE).
10. Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // *Социологические исследования*. 2017. № 2 (394). С. 67–74 EDN [YGAMSJ](https://www.edn.ru/EDN/YGAMSJ).
11. Тихонова Н. Е. Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения // *Мир России*. 2023. Т. 32, № 4. С. 6–35. DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35). EDN [NQSIBT](https://www.edn.ru/EDN/NQSIBT).

Сведения об авторе

И. М. Кузнецов

кандидат социологических наук
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [7071-5076](https://www.edn.ru/EDN/7071-5076)

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 16.10.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.4.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.4)

VARIABILITY AND DYNAMICS OF PATRIOTIC ATTITUDES OF RUSSIANS IN THE CONTEXT OF SPECIAL MILITARY OPERATION

Igor Mikhaylovich Kuznetsov

Institute of Sociology of FCTAS,

Moscow, Russia,

ingvar31@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-6914-3305](https://orcid.org/0000-0002-6914-3305)

For citation: Kuznetsov I. M. Variability and dynamics of patriotic attitudes of Russians in the context of Special military operation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):65–81. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.4).

Abstract: The article presents the results of a study of the features of socio-political dispositions characteristic of moderate and convinced types of patriotic attitudes. Additionally, an analysis of the dynamics of changes in the ratio of the shares of both types of patriotism in 2024 in the context of SMO in comparison with the situation in 2020 was carried out. The empirical basis of the study was data from a mass survey of the population of the Russian Federation conducted by the Institute of Sociology of FCTAS in February–March 2024 on a representative all-Russian sample. The sample size is 2000 respondents. For comparison, data from a similar survey in 2020 were used. The criterion for typologizing different variants of patriotism is the quantitative difference in the degree of support for judgments of a civil and protective nature, forming a space of patriotic meanings of emotional, cognitive and behavioral aspects of attitude towards Russia. Based on the results of the analysis of data on the assessment of the degree of agreement with judgments of civil and protective meaning, moderate and convinced types of patriotism were identified, which together make up the system of patriotic attitudes of Russians. An analysis of the interrelationships of each type of patriotism with a wide range of socio-political dispositions has shown that the selected types represent integral symptom complexes of views on the country, its current state and development prospects, significantly differing in their stable trends over time. Such a trend for convinced patriots is a focus on traditionalism, and for moderate patriots – on modernism. A comparison of data on the prevalence of a particular type of patriotism in 2020 with similar data in 2024 allowed us to conclude that if in 2020 the system of patriotic attitudes of Russians was in a stable state with the dominance of modernist trends, then in 2024 there was a “shift” of the entire system of patriotic beliefs to a different quality, but equally stable a state, but already dominated by traditionalist tendencies. In general, it is concluded that the system of patriotic attitudes of Russians is very mobile in terms of activating both civil and protective meanings, which in different socio-political contexts leads either to an increase or decrease in the proportion of supporters of one or another of the studied types in the system as a whole.

Keywords: system of patriotic attitudes, civic meanings of patriotism, protective meanings of patriotism, moderate type of patriotism, convinced type of patriotism, socio-political dispositions

REFERENCES

1. Schatz R. T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*. 1999;(20):151–175. DOI [10.1111/0162-895X.00140](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140).
2. Huddy L., Khatib N. American patriotism, national Identity, and political involvement. *American Journal of Political Science*. 2007;51(1):63–77. DOI [10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x).
3. Kosterman R., Feshbach S. Toward measure of patriotic and nationalistic attitudes. *Political Psychology*. 1989;10(2):257–274. DOI [10.2307/3791647](https://doi.org/10.2307/3791647).
4. Grigoryan L. K. Patriotism and nationalism in Russia: Influence on economic independence. *Cultural-Historical Psychology=Kul'turno-istoricheskaya psixologiya*. 2013;9(3):22–30. (In Russ.) DOI [10.17759/chp](https://doi.org/10.17759/chp).
5. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. [et. al.] Russian society and challenges of the time. Book Two. Moscow: Ves Mir; 2015. 432 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7777-0604-1.
6. Drobizheva L. M., Arutyunova E. M., Evseeva M. A. [et al.] Russian identity and interethnic relations. Public discourse and social practice. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 434 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-404-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022).
7. Erikson E. H. Identity: youth and crisis. Ed by. A. V. Tolstyh, Transl. from Eng. Moscow: Progress; 1996. 340 p. (In Russ.).
8. Kuznetsov I. Foundations of Russians' value consolidation: Traditionalism and renewal. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*. 2021;(9):208–216. (In Russ.) DOI [10.31857/S013216250016786-7](https://doi.org/10.31857/S013216250016786-7).
9. Interethnic relations, civic identity and integration processes in the multiethnic space of Russia. Information and analytical bulletin (INAB). 2023;(1). 135 p. (In Russ.). DOI [10.19181/INAB.2023.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2023.1).
10. Khaliy I. A Patriotism in the Russian: typology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*. 2017;(2):67–74. (In Russ.).
11. Tikhonova N. E. The worldview of supporters of the western path of development for Russia among the general population. *World of Russia=Mir Rossii*. 2023;32(4):6–35. (In Russ.) DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35).

Information about the Author**I. M. Kuznetsov**

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [I-5636-2013](https://orcid.org/0009-0001-5636-2013)Scopus AuthorID: [57193693307](https://orcid.org/0009-0001-5636-2013)

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 26.08.2024; accepted for publication 16.10.2024.

УДК 316.442
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.5
EDN: FGWYQI

Научная статья

ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ РОССИЯНАМИ СИТУАЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНИ: ОТ ОЦЕНОК К ЗАПРОСУ НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ

Павел Евгеньевич Сушко
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
sushkope@mail.ru,
ORCID 0000-0003-0245-7015

Для цитирования: Сушко П. Е. Динамика восприятия россиянами ситуации в различных сферах жизни: от оценок к запросу на социальную политику // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 82–105. DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.5. EDN FGWYQI.

Аннотация. В статье анализируются динамика и специфика оценок россиян относительно происходящих изменений в различных сферах жизни. На данных исследований, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН в разные годы, показано, что наиболее существенные улучшения, по мнению россиян, происходили за последние почти два десятилетия в динамике уровня и качества жизни населения, а также в сфере образования и здравоохранения. В частности, растёт доля позитивного восприятия ситуации с безработицей и расширением возможностей для заработка, с доступностью жилья и дошкольных учреждений. «Осторожный» позитив отмечается в отношении ситуации с социальной справедливостью, уровнем жизни населения, а также среднего и высшего образования. Однако ни в одной из сфер не фиксируется доминирования позитивных оценок, что свидетельствует о сохраняющихся в них отдельных проблемах, актуальных для разных групп населения. Особого внимания заслуживают сферы, связанные с коллективной безопасностью, в отношении которых фиксируется резкий рост негативных оценок. Рассмотрены группы с относительно однородными взглядами на динамику ситуации в разных сферах жизни общества, среди которых примерно равными по численности стали россияне с пессимистичным и умеренно оптимистичным видением происходящих изменений. Установлено, что ключевые различия между этими группами и, соответственно, их запросы на изменение ситуации в тех или иных сферах формируются под действием факторов преимущественно субъективного характера, связанных с восприятием собственного благополучия, количеством переживаемых в последний год проблем, а также некоторыми «мы-идентичностями». В частности, выявлено, что запрос на качественные изменения для пессимистов формируется во многом стихийно и под эффектом совокупного негативного воздействия на их жизнь множества факторов. Запросы на дальнейшие улучшения в ключевых сферах жизни у умеренных оптимистов и «нацеленной на стабильность» части общества более дифференцированы и рационализированы.

© Сушко П. Е., 2024

Ключевые слова: российское общество, социальная политика, социальное благополучие, социальные установки, групповые идентичности, общественное сознание, общественный договор

Благодарности: исследование выполнено за счёт средств Фонда Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) по проекту «FMUS-2024–0015 – Преодоление избыточных неравенств как условие построения в России справедливого социального государства».

Введение

Социально-экономические реалии последних лет, сопряжённые со стратегической необходимостью отстаивания суверенитета России и в целом укрепления её позиций на международной арене, в значительной степени сказались на характере запросов россиян в отношении проводимой в стране социальной политики. Необходимость перестраивания российской экономики под нужды специальной военной операции, проводимой на Украине, её адаптации к вводимым антироссийским санкциям потребовали перераспределения имеющихся ресурсов и комплексного пересмотра программ социальной поддержки населения¹. С новой силой актуализировались вопросы обеспечения демографической устойчивости нашей страны, наращивания человеческого и кадрового потенциала, сохранения приемлемого уровня и качества жизни для различных категорий граждан (в особенности для семей с детьми, военнослужащих и ветеранов СВО, высококвалифицированных и узкопрофильных специалистов и др.), что нашло своё отражение в реализуемых в настоящее время в Российской Федерации национальных проектах².

Вместе с тем происходящие трансформации механизмов социальной политики на микроуровне могут неоднозначно трактоваться гражданами. Это в значительной степени затрудняет продвижение отдельных решений, ослабляет позитивные реакции населения на предлагаемые государством стимулы и в целом снижает действенность тех или иных мер поддержки. К примеру, весьма болезненно была воспринята проведённая в 2018 году пенсионная реформа, за отмену которой по-прежнему выступает существенная часть россиян³. Подчеркнём, что население России стало скептически воспринимать любые преобразования в экономической и социальной сферах в силу болезненного опыта реформ 1990-х гг. [1], но вместе с этим продолжают устойчиво транслировать запрос государству на повышение уровня и качества жизни, сокращение нелегитимных неравенств,

¹ О новых подходах к реализации мер социальной поддержки населения // Совет Федерации : сайт. 08.06.2022. URL: <http://council.gov.ru/activity/legislation/decisions/137390/> (дата обращения: 15.09.2024).

² Власти обсудили список новых национальных проектов // РБК : сайт. 24.04.2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/04/2024/662795e89a794793fe357d59> (дата обращения: 15.09.2024).

³ ВЦИОМ: россияне хотели бы отменить пенсионную реформу и вернуть смертную казнь // Коммерсант : электрон. версия. 17.03.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4730993?ysclid=m1zfzth069858940981> (дата обращения: 15.09.2024).

обеспечение социальной справедливости, о чём свидетельствуют всероссийские опросы последних лет [2].

В этом отношении запрос на формирование социального государства среди населения не ослабевает, однако меняются в массовом сознании представления о механизмах построения подобных социально ориентированных систем, способах организации социальной поддержки, её направленности на конкретные социальные группы. Как следствие, в обществе могут обостряться не только дискуссии по поводу целесообразности отдельных принимаемых мер и их эффективности, но и подниматься вопросы, касающиеся самой сущности социальной политики. Попытки государства в последнее время её дифференцировать и максимально конкретизировать, с одной стороны, позволили довольно чётко выстроить основные приоритеты в развитии нашей страны, но, с другой стороны, – потребовали разработки прозрачной системы оценивания реализации подобных проектов, причём не только по объективным критериям, зачастую не позволяющим комплексно измерить реальные изменения в жизни граждан. Значимым в этом отношении становится учёт субъективных оценок населением ситуации в разных сферах жизни, которые охватывают больше факторов, способных даже при объективно позитивных результатах снижать целевой эффект реализуемых программ для разных социальных групп. По этим причинам Правительством РФ и экспертным сообществом активно прорабатывается вопрос о формировании «народных» показателей эффективности национальных проектов¹, основанных на восприятии россиянами фактических изменений в тех или иных сферах их жизни.

Теоретико-методологические основания и эмпирическая база исследования

Исходя из обозначенных эмпирических предпосылок и ориентируясь на позиционирование Российской Федерации (согласно основам её конституционного строя) себя как социального государства, в теоретическом отношении автор будет опираться на некоторые значимые положения, объясняющие специфику восприятия россиянами социальной политики. Так, в социальных государствах практически всегда присутствует запрос на перераспределение расходов в пользу социальных нужд, характер которого может существенно меняться на фоне растущей социальной неопределённости и множасьихся социальных рисков [3]. Наличие подобного запроса фиксируется в исследованиях самых разных лет, в том числе в ряде европейских стран [4; 5; 6]. При этом специфичность ожиданий граждан от социальной политики весьма ярко проявляется на уровне межстрановых и внутривострановых различий. К примеру, межстрановые исследования показывают разницу в запросе на социальную политику и её реализуемую модель между европейскими, постсоциалистическими, среднеазиатскими

¹ Нацпроектам добавят народную оценку // Коммерсант : электрон. версия. 29.08.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6920698?ysclid=m1o8cgy98q466270134> (дата обращения: 15.09.2024).

странами бывшего СССР и Россией [7; 8]. В то же время внутривосточная специфика этого запроса чаще всего рассматривается в контексте влияния на него различных ценностно-культурных детерминант [9] и социально-демографических характеристик индивидов [3; 10; 11].

Указанные теоретические предпосылки подтверждались и эмпирическими данными применительно к российской реальности. Так, делались выводы о сложности и гетерогенности российского запроса на социальную политику, не сводимого только к монетарным инструментам [12; 13]. В этом контексте вопрос о восприятии россиянами динамики ситуации в различных сферах жизни, тесно сопряжённых с задачами развития государства, приобретает особую актуальность, поскольку позволяет хотя бы частично пролить свет на то, в какой мере меняется уровень удовлетворённости населения отдельными направлениями социальной политики, какие её сегменты в этом отношении наиболее успешны, а какие меры и решения несут высокие риски и для каких социальных групп.

В этой связи представляется важным оценить не только ретроспективу изменений в оценках россиянами наиболее важных сфер жизни, но и определить локализацию оптимистичных и пессимистичных настроений в различных группах россиян. Подобный анализ стал возможным благодаря эмпирическим данным, полученным в ходе репрезентативных общероссийских исследований, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН в разные годы и охвативших в совокупности более чем двадцатилетний период развития страны. Все исследования реализовывались по однотипной выборке¹, а их инструментарий содержал повторяющиеся вопросы, что дало возможность сопоставить данные за разные годы.

Вопрос, который выступает ключевым для анализа эмпирических данных в статье, имеет в инструментарии такую формулировку: «Как, по Вашему мнению, изменилось положение дел в следующих сферах жизни российского общества за последние 10 лет?». Для оценки респондентам предлагался перечень различных сфер жизни, некоторые из них в разные годы проведения мониторинга изучались выборочно, однако ключевые фиксировались регулярно. Допускались оценки «ситуация улучшилась», «ситуация осталась прежней» или «ситуация ухудшилась». Затруднившиеся с ответом из анализа исключались.

Результаты

Ключевые тренды в восприятии россиянами ситуации в наиболее значимых сферах жизни. Начнём анализ с рассмотрения общей ситуации в наиболее значимых для россиян сферах жизни. Оценки населением текущего состояния

¹ Для сравнения и динамики отдельных показателей использовались данные различных волн мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, а также более ранних исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН и ИС РАН [2, с. 339–343]. Сопоставимость используемых данных обеспечивается сохраняющейся моделью выборки, её репрезентативностью по одним и тем же параметрам, постоянным подрядчиком, методом сбора данных (опрос face-to-face) и сохранением формулировок и закрытий анализируемых вопросов.

социальной сферы и некоторых других регулируемых государством направлений не могут не вызывать беспокойства, поскольку только в 5 из 14 анализируемых сфер фиксируются определённые положительные изменения, которые связаны прежде всего со снижением безработицы, расширением возможностей для заработка, повышением доступности мест в дошкольных детских учреждениях, а также получения среднего и высшего образования, в отношении которых пока сохраняется доминирование удовлетворительных оценок. При этом по остальным сферам, даже несмотря на определённую позитивную динамику за последние годы, фиксируются значительные доли населения с негативным восприятием произошедших за последние 10 лет изменений (на это указали не менее 20 % респондентов по каждому показателю). Особенно тревожным в глазах россиян выглядит положение дел в сферах межнациональных отношений и коллективной безопасности¹, ухудшения в которых отмечают более чем 50 % опрошенных.

С одной стороны, это вполне ожидаемо на фоне довольно сложного для российской экономики периода её развития, на который пришлась череда различных по своей силе и природе шоков (пандемия COVID-19, международные санкции). С другой же стороны, это свидетельствует о непростой ситуации с социальными настроениями, которые очень чувствительны к любым изменениям, в том числе в социальной политике, особенно когда они затрагивают сокращение расходов государства по тем или иным направлениям. Неудовлетворительные оценки жителей страны могут отражать и недостаточную эффективность реализуемых программ, а также возможный недоучёт особенностей и запросов отдельных групп населения.

При этом длительное сохранение негативных тенденций по отдельным сферам жизни может стать серьёзным триггером для формирования общественного недовольства. Для российского же социума при интерпретации реальных настроений и субъективных оценок важно учитывать специфику формирующегося консенсуса между властью и населением, который, в отличие от предыдущего патерналистского [14, с. 119], предполагает кооперацию усилий государства и общества перед внешними угрозами (участие в СВО, осязаемая материальная поддержка её участников, массовая вовлечённость россиян в практики взаимопомощи на этом фоне) при поддержании приемлемого уровня социально-экономической стабильности, безопасности и благополучия массовых слоёв населения [2].

Учитывая отмеченные условия восприятия россиянами социальной действительности, детальнее рассмотрим произошедшие за последние годы изменения по ключевым сферам жизни. С этой целью для более удобной их группировки и систематизации автором был осуществлён факторный анализ², позволив-

¹ Под коллективной безопасностью в данном исследовании мы понимаем оценки населения в таких сферах как «межнациональная напряжённость», «ситуация с приезжими» и «ситуация с терроризмом».

² Факторный анализ реализовывался в программе IBM SPSS Statistics (версия 29). Использовался метод Варимакс с двойным вращением, процент объяснённой дисперсии – 57 %. Компоненты включались в указанные факторы с коэффициентами не менее 0,5.

ший сгруппировать анализируемые сферы по близости оценок респондентами в три основных блока, первый из которых объединил оценку сфер, связанных с уровнем и качеством жизни населения, второй – со здравоохранением и образованием и третий – с коллективной безопасностью.

Динамика оценок в первой группе, объединившей сферы, связанные с уровнем и качеством жизни населения, отличается сравнительно позитивным их восприятием, которое, однако, пока не стало доминирующим. Наиболее позитивно воспринимается сложившаяся в стране ситуация с безработицей, уровень которой снизился до рекордно низкого показателя в 2,4%¹: так, данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что к весне 2024 г. более трети россиян (34,8%) указали на улучшения в этой сфере за последнее десятилетие, что вдвое выше доли тех, кто оценивал динамику в негативном ключе (17,7%). Хотя ситуация с безработицей и характеризовалась негативными всплесками на фоне рецессии 2014–2016 гг. и Крымской весны, сейчас её оценки приблизились к значениям в целом благоприятного с точки зрения социально-экономической ситуации для россиян 2006 года. Тем не менее положение дел в этой сфере далеко не так однозначно и не в полной мере определяется характером проводимой социальной политики. Снижение уровня безработицы оказалось обусловлено не столько структурными преобразованиями рынка труда и обеспечением граждан приемлемыми для них рабочими местами, сколько внешними шоками и проводимой на Украине СВО, приведшими к существенным изменениям жизненных и трудовых траекторий россиян. В этой связи возникает вопрос о долгосрочности и устойчивости зафиксированной тенденции на фоне постоянно меняющейся общественной ситуации.

Таблица 1

Динамика оценок россиянами произошедших изменений в сферах, связанных с уровнем и качеством жизни населения, 2006–2024 гг., %²

Оценки динамики изменений в конкретных сферах	Годы		
	2006	2015	2024
<i>Безработица</i>			
Ситуация: улучшилась	38,6	7,6	34,8
осталась прежней	45,7	40,9	47,5
ухудшилась	15,7	51,5	17,7
<i>Возможность зарабатывать</i>			
Ситуация: улучшилась	43,6	10,8	37,0
осталась прежней	43,7	37,8	43,2
ухудшилась	12,7	51,4	19,8

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России // ФСГС РФ : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 15.09.2024).

² Здесь и в таблицах 2 и 3 фоном отмечены показатели, которые значимо (более чем на величину статистической погрешности в 3–5%) выросли относительно показателя предыдущего года, а жирным шрифтом – которые соответствующим образом снизились.

Окончание Таблицы 1

<i>Социальная справедливость</i>				
Ситуация:	улучшилась	11,3	6,8	13,5
	осталась прежней	59,0	58,1	57,1
	ухудшилась	29,7	35,1	29,4
<i>Жилищная ситуация</i>				
Ситуация:	улучшилась	10,3	9,6	19,3
	осталась прежней	47,5	57,2	58,5
	ухудшилась	42,2	33,2	22,2
<i>Пенсионное обеспечение</i>				
Ситуация:	улучшилась	29,3	11,1	19,6
	осталась прежней	46,6	59,1	57,0
	ухудшилась	24,1	29,8	23,4
<i>Уровень жизни населения</i>				
Ситуация:	улучшилась	19,8	5,8	19,5
	осталась прежней	48,2	31,5	44,4
	ухудшилась	32,0	62,7	36,1
<i>Ситуация в экономике</i>				
Ситуация:	улучшилась	–	6,2	26,0
	осталась прежней	–	30,6	42,8
	ухудшилась	–	63,2	31,2

Схожая ситуация сложилась и с возможностями для заработка. Свыше трети россиян (37,0%) признают, что за последнее десятилетие перспективы «заработать» для них заметно расширились, и не только в рамках основной занятости (с 2015 года зафиксирован более чем трёхкратный рост удовлетворённости этим аспектом). Жители РФ стали активнее комбинировать самые разные форматы трудовой активности, практикуя как дополнительные подработки и совместительство, так и вовлекаться в так называемую платформенную занятость, высоко поляризованную по своей специфике и характеру деятельности [15]. Появление новых форматов трудоустройства в целом позитивно сказалось на восприятии россиянами собственных возможностей для заработка, хотя фактически для пятой части (19,8%) жителей страны положение вещей в этой сфере по-прежнему остаётся неудовлетворительным.

Примечательны тенденции в оценке динамики жилищной ситуации и сферы пенсионного обеспечения – по общему соотношению позитивных и негативных оценок они воспринимаются россиянами примерно одинаково. Однако если в отношении доступности жилья тренд устойчиво положительный, о чём свидетельствуют как планомерное повышение субъективной удовлетворённости граждан, так и сложившаяся к недавнему времени объективная ситуация

в жилищной сфере [16], то сравнительно высокая доля негативных оценок респондентов сигнализирует о недоучёте запросов отдельных групп граждан в области жилья, касающихся в первую очередь его качественных характеристик.

Отношение граждан к пенсионному обеспечению выглядит амбивалентным с точки зрения соотношения негативных и позитивных оценок динамики изменений в этой сфере. Пенсионная реформа оставила заметный «отпечаток» на оценках россиян и стимулировала резкое снижение доли видящих в пенсионной системе улучшения по итогам замера в 2015 году. При этом, по результатам опроса 2024 года, не произошло аналогичного негативного всплеска, что свидетельствует о восприятии ситуации здесь скорее как стагнирующей. Это, с одной стороны, говорит о незначительном потенциале данной сферы с точки зрения аккумуляции негативных и протестных настроений, а с другой – демонстрирует пока ещё невысокую вовлечённость существенной части граждан в её специфику. Однако в условиях стремительного старения населения в долгосрочной перспективе вопросы пенсионного обеспечения и политики занятости лиц старшего возраста могут актуализироваться с новой силой.

Существенные доли оценивающих динамику ситуации негативно отмечают применительно к сферам, связанным с социальной справедливостью, уровнем жизни и в целом с экономикой страны. Не менее трети населения полагает, что ситуация в них за последнее десятилетие ухудшилась. При этом если в отношении экономики выросла численность тех, кто видит определённые позитивные сдвиги, то в вопросах социальной справедливости и уровня жизни аналогичный тренд не фиксируется. Это обусловлено, во-первых, различающимися представлениями россиян о ключевых принципах социальной справедливости, когда для одних граждан она выражается в первую очередь в равенстве доходов и общего уровня жизни населения, а для других – связывается с обеспечением равенства возможностей [17]. Во-вторых, это обусловлено и существованием довольно широкой прослойки среди российского населения (медианной группы), для которой риски бедности в среднесрочной и долгосрочной перспективе всё ещё остаются высокими [18, с. 114–115]. В этом смысле неудивительно, что именно материально неблагополучные слои хуже оценивают динамику ситуации с социальной справедливостью (38,0 % – в группе со среднедушевыми доходами до 0,75 медиан с учётом типа поселения, в котором проживает респондент, 31,2 % – в медианной группе и 16,7 % – в группе с доходами выше двух поселенческих медиан) и с уровнем жизни населения (43,7, 36,3 и 28,0 % соответственно).

Следующий блок объединяет сферы, связанные с образованием и здравоохранением. Доминирующими, как и в большинстве случаев, в этом блоке являются оценки ситуации как стабильной, однако специфика в соотношении негативных и позитивных оценок и их динамики также прослеживается. Наиболее высокими темпами, по мнению россиян, улучшается ситуация с дошкольными детскими учреждениями и в сфере здравоохранения (табл. 2), хотя по здравоохранению уровень негативных оценок всё же значительно превышает долю

позитивных. Вероятно, и по этой причине доступность необходимой медицинской помощи (в том числе платной), несмотря на некоторые постпандемийные улучшения, продолжает упоминаться значительной частью россиян в числе наиболее болезненных для общества неравенств (44,6 %).

Таблица 2

Динамика оценок россиянами произошедших изменений в сферах, связанных с медициной и образованием, 2006–2024 гг., %

Оценки динамики изменений в конкретных сферах	Годы		
	2006	2015	2024
<i>Дошкольные детские учреждения</i>			
Ситуация: улучшилась	13,3	26,7	34,4
осталась прежней	54,8	58,9	56,2
ухудшилась	31,9	14,4	9,4
<i>Среднее образование</i>			
Ситуация: улучшилась	14,1	15,0	19,5
осталась прежней	69,3	66,7	62,9
ухудшилась	16,6	18,3	17,6
<i>Высшее образование</i>			
Ситуация: улучшилась	13,5	14,2	18,0
осталась прежней	52,2	62,5	64,5
ухудшилась	34,3	23,3	17,5
<i>Здравоохранение</i>			
Ситуация: улучшилась	12,9	12,3	21,1
осталась прежней	43,5	49,6	46,1
ухудшилась	43,6	38,1	32,8

Отмечается также слабая тенденция к росту численности россиян, видящих улучшения в сферах высшего и среднего образования, но в случае с первым гораздо примечательнее тенденция существенного снижения негативных оценок в промежутке с 2006 по 2015 год. Впрочем, и этот тренд в последнее десятилетие замедлился и большинство россиян склоняются к мнению об отсутствии значимых положительных или отрицательных изменений в сфере среднего и высшего образования.

Примечательны оценки динамики ситуации в сферах, прямо или косвенно связанных с коллективной безопасностью (табл. 3). В отношении каждой из них фиксируется резкий рост после 2014–2015 гг. негативных оценок, которые при этом доминируют не только над позитивными, но и над видением ситуации как стабильной. Похожий всплеск оценок фиксировался в 2011 году, вероятно – на фоне терактов. В этом смысле произошедший в марте 2024 года (практически перед опросом) теракт в «Крокус Сити Холле» (Красногорск) также мог

наложить свой отпечаток на оценки россиян. Об этом косвенно свидетельствует и то, что, к примеру, уровень личной безопасности, по итогам этого же исследования, оценивался четвертью россиян как хороший и 61,4 % отметили, что он удовлетворительный.

Таблица 3

Динамика оценок россиянами произошедших изменений в сферах, связанных с безопасностью, 2011–2024 гг., %

Оценки динамики изменений в конкретных сферах	Годы		
	2011	2015	2024
<i>Ситуация с терроризмом</i>			
Ситуация: улучшилась	10,3	19,0	7,8
осталась прежней	26,9	56,0	27,4
ухудшилась	62,8	25,0	64,8
<i>Ситуация с приезжими</i>			
Ситуация: улучшилась	–	14,3	5,9
осталась прежней	–	55,8	42,3
ухудшилась	–	29,9	51,8
<i>Уровень межнациональной напряжённости¹</i>			
Ситуация: улучшилась	6,4	–	6,5
осталась прежней	23,7	–	40,4
ухудшилась	69,9	–	53,1

К тому же, как показывают исследования, ситуация на индивидуальном уровне чаще оценивается как более позитивная в силу снижения уровня индивидуального контроля ситуации на уровне коллектива, и в особенности общества в целом [19]. Тем не менее ситуация с оценкой базовой потребности человека очень важна и для социальной политики, поскольку негативный фон может накладывать отпечаток и на видение ситуации в других сферах.

Специфика оценок россиянами ситуации в различных сферах жизни. Наряду с тенденциями в восприятии динамики ситуации в различных сферах жизни немаловажен вопрос и о специфике этих оценок. Результаты кластерного анализа² позволили не только выявить группы россиян, отличающиеся наиболее и наименее оптимистичным видением изменений в ключевых сферах жизни, но и подробнее рассмотреть особенности состава этих групп как с точки зрения их социально-демографических характеристик, так и некоторых

¹ В 2015 году ситуация в данной сфере к оценке не предлагалась, но в 2014 году распределение ответов на аналогичный вопрос выглядело следующим образом: ситуация улучшилась – 18,5 %, ситуация осталась прежней – 38,8 %, ситуация ухудшилась – 42,7 %.

² Использовался двухэтапный кластерный анализ. Мера связности средняя.

мировоззренческих установок, позволяющих судить о свойственном для той или иной группы запросе на конкретный вектор социальной политики.

Несмотря на довольно сбалансированное соотношение в российском обществе пессимистов и умеренных оптимистов в вопросе изменений в ключевых сферах жизни, доля последних всё же немногим больше (табл. 4). Однако важно учитывать, что оптимизм этот весьма осторожный и скорее приближен к среднероссийской картине, типичной для которой является оценка ситуации в ключевых сферах жизни как стабильной. Так, например, только в отношении четырёх сфер (безработица, возможность зарабатывать, ситуация в экономике и с дошкольными детскими учреждениями) в группе оптимистов доминируют оценки ситуации как улучшившейся, хотя и по всем остальным направлениям социальной политики доля позитивных оценок сравнительно выше среднероссийских. При этом даже в группе оптимистов весьма сдержанно оценивается ряд составляющих коллективной безопасности (ситуация с приезжими и уровнем межнациональной напряжённости), а в отношении терроризма даже в этой группе более половины отмечают ухудшение ситуации.

Таблица 4

Группы россиян с различным видением динамики изменений в ключевых сферах жизни, сопряжённых с задачами социальной политики, 2024 г., %¹

Оценки динамики изменений в конкретных сферах	Группы россиян с различным видением динамики изменений			
	Пессимисты	Ориентированные на стабильность	Умеренные оптимисты	Россияне в целом
<i>Сферы, связанные с уровнем и качеством жизни населения</i>				
<i>Безработица</i>				
Ситуация: улучшилась	15,7	15,7	66,1	34,8
осталась прежней	44,9	76,2	29,3	47,5
ухудшилась	39,4	8,1	4,6	17,7
<i>Возможность зарабатывать</i>				
Ситуация: улучшилась	17,1	18,6	69,5	37,0
осталась прежней	38,0	73,3	25,0	43,2
ухудшилась	44,9	8,1	5,5	19,8
<i>Социальная справедливость</i>				
Ситуация: улучшилась	3,3	3,3	30,6	13,5
осталась прежней	30,4	82,7	63,3	57,1
ухудшилась	66,3	14,0	6,1	29,4

¹ Фоном выделены максимальные показатели в каждом столбце, жирным шрифтом – показатели, охватывающие более половины состава соответствующей группы.

Продолжение Таблицы 4

<i>Жилищная ситуация</i>				
Ситуация: улучшилась	5,2	4,6	43,6	19,3
осталась прежней	46,4	85,3	49,8	58,5
ухудшилась	48,4	10,1	6,6	22,2
<i>Уровень жизни населения</i>				
Ситуация: улучшилась	1,4	5,0	47,6	19,5
осталась прежней	23,6	72,7	41,9	44,4
ухудшилась	75,0	22,3	10,5	36,1
<i>Пенсионное обеспечение</i>				
Ситуация: улучшилась	10,4	1,6	41,8	19,6
осталась прежней	41,2	85,3	50,5	57,0
ухудшилась	48,4	13,1	7,7	23,4
<i>Ситуация в экономике</i>				
Ситуация: улучшилась	8,0	7,9	56,8	26,0
осталась прежней	25,1	77,2	33,4	42,8
ухудшилась	66,9	14,9	9,8	31,2
Сферы, связанные со здравоохранением и образованием				
<i>Дошкольные детские учреждения</i>				
Ситуация: улучшилась	18,8	12,9	64,1	34,4
осталась прежней	59,3	84,3	33,2	56,2
ухудшилась	21,9	2,8	2,7	9,4
<i>Среднее образование</i>				
Ситуация: улучшилась	7,6	3,7	42,8	19,5
осталась прежней	54,0	93,6	47,5	62,9
ухудшилась	38,4	2,7	9,7	17,6
<i>Высшее образование</i>				
Ситуация: улучшилась	4,4	4,4	40,7	18,0
осталась прежней	55,4	92,4	51,9	64,5
ухудшилась	40,2	3,2	7,4	17,5
<i>Здравоохранение</i>				
Ситуация: улучшилась	5,7	8,1	45,5	21,1
осталась прежней	31,1	73,3	39,9	46,1
ухудшилась	63,2	18,6	14,6	32,8

Окончание Таблицы 4

Сферы, связанные с коллективной безопасностью				
<i>Ситуация с приезжими</i>				
Ситуация: улучшилась	1,2	0,9	14,2	5,9
осталась прежней	17,4	69,8	45,2	42,3
ухудшилась	81,4	29,3	40,6	51,8
<i>Уровень межнациональной напряжённости</i>				
Ситуация: улучшилась	1,5	0,9	14,5	6,5
осталась прежней	13,3	68,7	45,9	40,4
ухудшилась	85,2	30,4	39,6	53,1
<i>Терроризм</i>				
Ситуация: улучшилась	1,1	4,4	16,7	7,8
осталась прежней	7,7	46,8	31,8	27,4
ухудшилась	91,2	48,8	51,5	64,8
Всего по массиву	34,2	28,0	37,8	100,0

Наряду с отмеченным фактом, пессимисты склонны оценивать динамику ситуации как нисходящую уже по 7 сферам из 14 (социальная справедливость, уровень жизни населения, ситуация в экономике, здравоохранении и все сферы, связанные с коллективной безопасностью). Ни по одной из сфер в этой группе не отмечается доминирования позитивных оценок, а негативные оценки встречаются во всех случаях существенно чаще, чем в среднем по стране.

Группа с условным названием «ориентированные на стабильность» наиболее устойчива в плане профиля оценок по ситуации в различных сферах жизни – большинство её членов не видят значимых изменений за последние 10 лет ни в одной из сфер, за исключением ситуации с терроризмом, по поводу которой в данной группе зафиксированы амбивалентные мнения.

Кроме оценочного профиля выделенных групп особый интерес представляют социально-демографические портреты входящих в них респондентов, которые, как показало исследование, практически не определяются объективными характеристиками индивида, а скорее субъективными ощущениями и социальной реальностью в части проблем, с которыми чаще всего приходилось сталкиваться за последний год, а также спецификой некоторых «мы-идентичностей». Впрочем, даже эти характеристики позволяют сказать достаточно много о специфике представителей групп с различным видением динамики ситуации в ключевых сферах жизни, сопряжённых с социальной политикой.

В частности, наибольшую взаимосвязь между принадлежностью к группе с тем или иным видением изменений в различных сферах жизни продемонстрировали степень субъективного благополучия, количество и характер

переживаемых в последний год перед опросом проблем¹, а также некоторые «мы-идентичности»².

Как видно из таблицы 5, состав субъективно неблагополучных групп в большинстве своём определяется и пессимистическим видением динамики ситуации на уровне ключевых сфер жизни, хотя и среди субъективно удовлетворённых большинством аспектов собственной жизни респондентов такое видение весьма распространено. Это свидетельствует о том, что за удовлетворительными оценками могут скрываться не только нейтральные или нейтрально-позитивные оценки и мотивации. Подобное стремление к условной середине, как видим, вполне может сигнализировать и о запросе на изменения как на личностном уровне, так и на уровне важных сфер жизни общества в целом.

Таблица 5

Степень субъективного благополучия и количество проблем, с которыми приходилось сталкиваться в последний год перед опросом респондентам с различным видением динамики изменений в ключевых сферах жизни, 2024 г., % указан по строке³

Группы по критерию субъективного благополучия и по критерию жизненных проблем	Россияне с различным видением динамики изменений		
	Пессимисты	Ориентированные на стабильность	Умеренные оптимисты
<i>Группы по субъективному благополучию⁴</i>			
Неблагополучные	61,8	20,4	17,8
Удовлетворённые	37,0	29,1	33,9
Благополучные	15,2	30,3	54,5
<i>Группы по проблемам</i>			
Не сталкивались с проблемами	21,9	36,1	42,0
Столкнулись: с одной проблемой	25,5	31,4	43,1
с двумя проблемами	33,5	30,7	35,7
с тремя и более проблемами	48,2	18,7	33,1

¹ Соответствующие коэффициенты корреляции Спирмена с принадлежностью к группе с тем или иным видением динамики ситуации в различных сферах жизни составили 0,330 и 0,174, значимы на уровне 0,01.

² Из списка 19 «мы-идентичностей» наиболее тесную и значимую взаимосвязь с принадлежностью к группам с разными оценками динамики ситуации в ключевых сферах жизни продемонстрировали только 5. Соответствующие коэффициенты Спирмена составили с идентификацией себя: с людьми той же профессии – 0,131; со сторонниками проводимой на Украине СВО – 0,208; с теми, кто находится у власти, – 0,188; с противниками проводимой на Украине СВО – 0,133; с теми, кто добился успеха, – 0,122.

³ Фоном выделены показатели, превышающие среднероссийские более чем на величину статистической погрешности в 3–5%.

⁴ Указанные группы по субъективному благополучию выделены на основе специального индекса, рассчитанного на данных об ответах на вопрос со следующей формулировкой «Как Вы оцениваете следующие стороны своей жизни?» и фиксирующего отношение россиян к 22 аспектам собственной жизни по шкале «хорошо – удовлетворительно – плохо».

Наряду с отмеченным высока доля пессимистов среди тех, кто сталкивался со множеством проблем на протяжении последнего года. Причём наличие единичных проблем в гораздо меньшей степени сказывается на общем векторе восприятия ситуации в той или иной сфере, а их накопление, как показывают данные, уже приводит к упадку общего настроения. В этой связи интересен вопрос о характере проблем, с которыми сталкиваются группы россиян с разным восприятием ситуации в ключевых сферах жизни. Рассмотрим его подробнее (см. табл. 6).

Таблица 6

Проблемы, с которыми приходилось сталкиваться за последний год перед опросом россиянам с различным видением динамики изменений в ключевых сферах жизни, 2024 г., %¹

Проблемы	Россияне с различным видением динамики изменений			
	Пессимисты	Ориентированные на стабильность	Умеренные оптимисты	Всего
Проблемы со здоровьем	41,0	24,7	31,6	33,5
Отсутствие времени на досуг	26,5	17,1	25,1	23,2
Отсутствие времени на повседневные дела	22,5	15,7	22,1	20,7
Плохое материальное положение	30,0	18,4	12,4	20,5
Семейные проблемы	28,7	13,3	15,7	19,5
Проблемы, связанные с работой	23,1	10,7	18,0	17,5
Проблемы с возможностью получить необходимую медицинскую помощь	21,0	11,0	14,8	16,3
Отсутствие социальных гарантий на случай старости	17,5	9,9	8,7	12,7
Проблемы с детьми	13,9	7,7	9,7	10,6
Проблемы с жильём	9,5	7,4	9,2	8,8
Вредные привычки	8,8	4,6	5,9	6,4
Плохое питание	8,3	5,7	4,4	6,3
Одиночество и/или отсутствие возможности общения	8,2	5,0	5,1	6,1
Последствия терактов, обстрелов и т. п. со стороны ВСУ	8,2	4,8	3,6	5,5

¹ Фоном выделены максимальные показатели по строке, жирным шрифтом – те из них, которые охватывают свыше 50% состава соответствующей группы.

Окончание Таблицы 6

Проблемы с покупкой одежды или обуви	5,4	2,4	3,4	4,2
Незащищённость от насилия	4,5	4,1	1,4	3,4
Проблемы с возможностью получить образование	2,0	1,3	1,4	1,7
Нет значимых проблем	18,3	36,8	31,7	28,2
Другое	0,6	0,4	0,3	0,5

Как следует из таблицы 6, наряду с тем, что пессимисты в целом чаще сталкиваются с разными по характеру проблемами, чем среднестатистический россиянин, иерархия этих проблем у них несколько отличается от представителей других двух групп. Так, наиболее часто пессимисты сталкивались за последний год с проблемами, касающимися здоровья, плохого материального положения, и с проблемами в семье. Это довольно разноплановый набор, свидетельствующий о серьёзном жизненном дисбалансе, распространённом среди представителей этой группы. Дисбаланс может быть вызван разными причинами, но его обратной стороной, как показывают данные, является негативное восприятие ситуации не только на личном уровне, но и в ключевых сферах общественной жизни.

Схожая картина наблюдается и в группе тех, кто чаще всего не видит значимых изменений в тех или иных сферах, однако наряду с проблемами со здоровьем и с материальным положением представители этой группы отмечают нехватку времени на условный досуг. Характерным отличием оптимистов на этом фоне является низкая распространённость среди них проблем с материальной стороной жизни и приоритет проблем, связанных со здоровьем (эта проблема в принципе может считаться базовой для всех групп и слоёв российского общества), нехваткой времени не только на досуг, но и на повседневные дела. Кроме того, ориентированные на стабильность и умеренные оптимисты сравнительно чаще пессимистов говорят об отсутствии в их жизни значимых проблем.

Вместе с тем любопытная картина обнаружилась и при рассмотрении взаимосвязи восприятия динамики ситуации в различных сферах жизни и приверженности респондентов различным «мы-идентичностям». Из 19 идентичностей, представленных в инструментарии исследования, взаимосвязь с принадлежностью к группам с разным восприятием динамики ситуации в ключевых сферах жизни общества продемонстрировали только пять (табл. 7).

Тем не менее вопрос этот важен как в силу характера этих идентичностей, так и того факта, что чётко выраженные идентичности формируются в течение длительного времени и в целом достаточно устойчивы [20], что позволяет не только существенно дополнить портреты рассматриваемых групп, но и адекватнее оценить возможные тенденции восприятия ситуации в разных сферах в будущем, по крайней мере в ближайшем или среднесрочном.

Таблица 7

Распространённость наиболее характерных «мы-идентичностей» в группах россиян с различным видением динамики изменений в ключевых сферах жизни, 2024 г., % указан по строке¹

Степень идентификации	Россияне с различным видением динамики изменений		
	Пессимисты	Не видящие значимых изменений	Умеренные оптимисты
<i>С людьми той же профессии, рода занятий</i>			
В значительной степени	29,0	23,3	47,7
В некоторой степени	35,8	30,4	33,8
Не ощущают близости	41,1	31,0	27,9
<i>Со сторонниками проведения СВО на Украине</i>			
В значительной степени	25,3	24,2	50,5
В некоторой степени	33,9	28,9	37,2
Не ощущают близости	47,1	31,8	21,1
<i>С теми, кто находится у власти</i>			
В значительной степени	27,0	27,0	46,0
В некоторой степени	21,6	30,7	47,7
Не ощущают близости	40,9	26,9	32,2
<i>С противниками проведения СВО на Украине</i>			
В значительной степени	62,8	14,6	22,6
В некоторой степени	37,9	27,1	35,0
Не ощущают близости	29,9	29,8	40,3
<i>С теми, кто добился успеха</i>			
В значительной степени	28,4	25,2	46,4
В некоторой степени	29,6	30,1	40,3
Не ощущают близости	41,9	25,9	32,2

Итак, пессимистичное восприятие ситуации в ключевых сферах жизни общества, как видим, базируется преимущественно на контриденности сторонников проведения СВО на Украине. На этом фоне условные пессимисты с точки зрения динамики ситуации в разных сферах жизни сравнительно чаще не соотносят себя с трудовым коллективом, с правящим классом, со сторонниками проведения СВО на Украине и с теми, кто добился успеха.

Причём природа этой идентичности может быть гораздо глубже и многослойнее, чем можно предполагать. Так, к примеру, она не соотносится с видением места России в мире и её цивилизационной спецификой, поскольку проверка

¹ Фоном в таблице выделены максимальные показатели по каждой строке.

взаимосвязи принадлежности к группе по восприятию динамики ситуации в ключевых сферах с индексом западноориентированности [21] продемонстрировала отсутствие таковой. В этой связи можно предполагать, что эта группа объединяет не столько политически протестную часть общества или группу с видением западноевропейского цивилизационного вектора развития России, сколько недовольных внутренней политикой государства и, в частности, социальной политикой, в том числе на фоне характерной для них множественности проблем и субъективного ощущения собственного неблагополучия. Полярной и в смысле оценок динамики ситуации в различных сферах жизни, и с точки зрения доминирующего в ней набора «мы-идентичностей» выступает группа умеренных оптимистов.

Ключевые выводы

Динамика и специфика восприятия россиянами ситуации в различных сферах жизни, как показало исследование, позволяют понять многое как в отношении произошедших за последние почти два десятилетия изменений, так и о сформированных среди россиян запросах на дальнейшие преобразования социальной сферы.

Говоря о ретроспективе оценок, среди наиболее важных результатов исследования отметим значительные улучшения в восприятии населением уровня и качества жизни, а также в сфере образования и здравоохранения. Так, россияне отмечают улучшение ситуации с безработицей и расширение возможностей для заработка, что уже косвенно свидетельствует о позитивных сдвигах в сфере занятости в целом.

Поступательно увеличивается позитивное видение россиянами изменений ситуации с дошкольными учреждениями. Заметны для многих и улучшения в области жилищных условий, а также в экономике в целом. «Осторожный» позитив фиксируется в отношении ситуации с социальной справедливостью, с уровнем жизни населения, а также в сфере среднего и высшего образования. Тем не менее ни по одной из сфер не отмечается доминирования позитивных оценок, что свидетельствует о сохраняющихся отдельных проблемах в разных сферах жизни и, соответственно, запросах населения в связи с этим. На таком фоне актуален и вопрос о долгосрочности и устойчивости зафиксированных позитивных изменений на фоне постоянно меняющейся общественной ситуации.

Кроме того, сохраняется довольно высокая доля респондентов с негативными оценками ситуации с социальной справедливостью, уровнем жизни, экономикой страны, пенсионным обеспечением, жилищной ситуацией, здравоохранением, что может свидетельствовать о недоучёте запросов отдельных групп граждан. Особо отметим сферы, косвенно или напрямую связанные с коллективной безопасностью, в отношении которых фиксируется резкий рост негативных оценок.

В целом же динамика восприятия россиянами изменений в различных сферах жизни, сопряжённых с уровнем и качеством жизни населения, а также здравоохранением и образованием, демонстрирует солидный потенциал,

позволяющий развивать новые инициативы на почве сравнительно позитивного восприятия ситуации в ключевых сферах жизни. Вместе с тем важен мониторинг тревожного тренда в области оценок коллективной безопасности и нивелирование его эффектов на восприятие ситуации в других сферах. Это возможно лишь при снижении общей социальной напряжённости, которая, сохраняясь в среднесрочной и долгосрочной перспективе, может привести и к более масштабным негативным эффектам.

Проведённое исследование позволило выделить группы с относительно гомогенными взглядами на динамику ситуации в разных сферах жизни общества, среди которых примерно равными по численности стали россияне с пессимистичным (34,2 %) и умеренно оптимистичным (37,8 %) видением происходящих изменений. Ещё почти треть россиян практически в каждой из сфер чаще всего не отмечали значимой динамики. С точки зрения характеристик респондентов важно учитывать, что среди оптимистов только при оценке четырёх сфер доминировало позитивное восприятие ситуации в них, в то время как в группе пессимистов оценки динамики ситуации как нисходящей доминировали уже по 7 сферам из 14. Это свидетельствует о том, что оптимистичное видение ситуации менее последовательно и во многом условно, а пессимистичное имеет более глубокие и устойчивые основания.

Отличительными характеристиками выявленных групп, как показало исследование, являются степень субъективного благополучия их представителей, количество и характер переживаемых в последний год перед опросом проблем, а также некоторые «мы-идентичности». К примеру, чем менее благополучен человек с точки зрения его субъективных ощущений, тем с большей вероятностью он будет отличаться и пессимизмом в отношении оценки динамики ситуации в ключевых сферах жизни общества, и наоборот. Примечательно и то, что среди субъективно благополучных групп населения пессимистичное восприятие динамики ситуации в разных сферах жизни также распространено. Это, в свою очередь, позволяет развить уже скорее методический тезис о двойственной природе «удовлетворительных» оценок, за которыми могут скрываться не только нейтральные или нейтрально-позитивные мотивации.

Повышает вероятность оказаться в числе пессимистов и множественность проблем, в особенности со здоровьем и материальным положением, хотя их наличие в принципе не сильно сказывается на общем векторе восприятия ситуации в той или иной сфере. К упадку настроений приводит именно накопление разных по характеру проблем.

Отличительной чертой оптимистов на этом фоне является низкая распространённость среди них проблем с материальным положением и приоритет проблем с нехваткой времени на досуг и повседневные дела. Кроме того, ориентированные на стабильность и умеренные оптимисты сравнительно чаще пессимистов говорят об отсутствии в их жизни значимых проблем.

Пессимистичное восприятие ситуации в ключевых сферах жизни общества базируется и на довольно специфической «мы-идентичности», связанной

с ощущением близости с противниками проведения СВО на Украине. Оптимисты и ориентированные на стабильность при этом чаще отмечают сходство с людьми одной профессии, сторонниками проведения СВО, правящим классом (вероятно, речь идёт о поддержке проводимого страной курса) и теми, кто добился успеха.

Таким образом, динамика оценок ситуации в различных сферах жизни и специфика этих оценок демонстрируют, что, во-первых, несмотря на отмеченные позитивные тенденции, в обществе довольно широк запрос на дальнейшие качественные изменения во всех сферах жизни. В особенности это применимо к сферам, связанным с уровнем жизни и здоровьем населения. Отдельно стоит учитывать запрос на обеспечение базовой коллективной безопасности. Характеристики россиян с разным видением динамики изменений в различных сферах жизни указывают на то, что запрос на качественные изменения для пессимистов формируется во многом стихийно и под эффектом совокупного негативного воздействия на их жизнь сразу нескольких проблем. Запросы на дальнейшие улучшения в ключевых сферах жизни у умеренных оптимистов и «нацеленной на стабильность» части общества более дифференцированы и рационализированы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петухов В. В. Социальные реформы: от монетизации льгот к национальным проектам // Социологические исследования. 2006. № 12 (272). С. 22–28. EDN [OPCLCF](#).
2. Российское общество и вызовы времени. Кн. седьмая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2024. 352 с. ISBN 978-5-7777-0927-1. EDN [OYVDFP](#).
3. Грязнова О. С. Запрос населения на государственную поддержку и оценки последствий деятельности социального государства в России и Европе // Социологические исследования. 2014. № 11 (367). С. 44–52. EDN [TCWEQL](#).
4. Svallfors S. Worlds of Welfare and Attitudes to Redistribution: a Comparison of Eight Western Countries // European Sociological Review. 1997. Vol. 13, № 3. P. 283–304. DOI [10.1093/oxfordjournals.esr.a018219](#).
5. Williams T., Hill M., Davies R. Attitudes to the Welfare State and the Response to Reform: A Report of Qualitative and Quantitative Research on Attitudes to the Welfare State and to Proposals for Reform. Leeds: Corporate Document Services, 1999. 195 p.
6. The Preferred Role and Perceived Performance of the Welfare State: European Welfare Attitudes from a Multidimensional Perspective / F. Roosma [et al.] // Social Science Research. 2014. № 44. P. 200–210. DOI [10.1016/j.ssresearch.2013.12.005](#).
7. Myant M., Drahekoupil J. Welfare and Redistribution in Post-communist Countries // Inequalities During and After Transition in Central and Eastern Europe / Eds. C. Perugini, F. Pompei. London : Palgrave Macmillan, 2015. P. 284–305. DOI [10.1057/9781137460981_13](#).
8. Reeskens T., van Oorschot W. Equity, Equality, or Need? A Study of Popular Preferences for Welfare Redistribution Principles across 24 European Countries // Journal of European Public Policy. 2013. Vol. 20, № 8. P. 1174–1195. DOI [10.1080/13501763.2012.752064](#).
9. Blekesaune M. Economic Strain and Public Support for Redistribution: A Comparative Analysis of 28 European Countries // Journal of Social Policy. 2013. Vol. 42, № 1. P. 57–72. DOI [10.1017/S0047279412000748](#).

10. Лежнина Ю. П. Представления россиян о необходимой социальной политике: между серединой 2000-х и коронакризисом 2020 года // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 50–60. DOI [10.31857/S013216250014715-9](https://doi.org/10.31857/S013216250014715-9). EDN [UWIZGD](https://www.edn.ru/EDN_UWIZGD).
11. van Oorschot W., Gugushvili D. Retrenched, but Still Desired? Perceptions Regarding the Social Legitimacy of the Welfare State in Russia Compared with EU Countries // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71, № 3. P. 345–364. DOI [10.1080/09668136.2019.1583316](https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1583316).
12. Кто и почему ищет государственной поддержки в новой России? / В. А. Аникин, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 1. С. 31–52. DOI [10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52). EDN [HGKHOC](https://www.edn.ru/EDN_HGKHOC).
13. Тихонова Н. Е. Социальная политика в современной России: новые системные вызовы // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 5–18. DOI [10.31857/S086904990004334-9](https://doi.org/10.31857/S086904990004334-9). EDN [ZAGWVN](https://www.edn.ru/EDN_ZAGWVN).
14. Петухов В. В., Петухов Р. В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133. DOI [10.17976/jpps/2019.05.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09). EDN [ADPEWM](https://www.edn.ru/EDN_ADPEWM).
15. Капелюшников Р. И., Зинченко Д. И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда: дистанционная и платформенная: препринт WP3/2024/04. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 57 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2024/08/19/1900141421/WP3_2024_04.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
16. Коленникова Н. Д. Специфика восприятия россиянами жилищных условий и жилищного неравенства: динамика и факторы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 4. С. 247–263. DOI [10.15838/esc.2024.4.94.14](https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.14). EDN [NTZSEN](https://www.edn.ru/EDN_NTZSEN).
17. Коленникова Н. Д. Образы «России будущего» в представлениях граждан // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 91–103. DOI [10.31857/S013216250028307-0](https://doi.org/10.31857/S013216250028307-0). EDN [PJZGUX](https://www.edn.ru/EDN_PJZGUX).
18. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева [и др.] ; под ред. Н. Е. Тихоновой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с. ISBN 978-5-4469-1419-7. DOI [10.31754/nestor4469-1419-7](https://doi.org/10.31754/nestor4469-1419-7). EDN [YSPCNF](https://www.edn.ru/EDN_YSPCNF).
19. Schweizer K., Rauch W. An Investigation of the Structure of the Social Optimism Scale with Respect to the Dimensionality Problem // Journal of Individual Differences. 2008. Vol. 29, № 4. P. 223–230. DOI [10.1027/1614-0001.29.4.223](https://doi.org/10.1027/1614-0001.29.4.223).
20. Дудин И. В., Тихонова Н. Е. Субъективное благополучие россиян через призму их идентичностей: состояние и факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 6–25. DOI [10.19181/snsp.2024.12.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.1). EDN [VLHCHJ](https://www.edn.ru/EDN_VLHCHJ).
21. Сушко П. Е. Представления россиян о возможных путях развития России: распространённость и специфика // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 25–37. DOI [10.31857/S013216250021403-6](https://doi.org/10.31857/S013216250021403-6). EDN [TYQXBF](https://www.edn.ru/EDN_TYQXBF).

Сведения об авторе

П. Е. Сушко

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [5574-6340](https://www.edn.ru/SPIN_5574-6340)

Статья поступила в редакцию 20.10.2024; одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 20.11.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.4.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.5)

DYNAMICS OF RUSSIANS' PERCEPTION OF THE SITUATION IN VARIOUS SPHERES OF LIFE: FROM ASSESSMENTS TO REQUESTS FOR SOCIAL POLICY

Pavel Evgen'evich' Sushko

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

sushkope@mail.ru,ORCID [0000-0003-0245-7015](https://orcid.org/0000-0003-0245-7015)

For citation: Sushko P. E. Dynamics of Russians' perception of the situation in various spheres of life: from assessments to requests for social policy. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):82–105. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.5).

Abstract. The article analyzes the dynamics and specifics of Russians' assessments of the ongoing changes in various spheres of life. Based on the data of studies conducted by the Institute of Sociology of FCTAS RAS in different years, it is shown that the most significant improvements have occurred over the past almost two decades in terms of the level and quality of life of the population, as well as education and health care. In particular, the share of positive perception of the situation with unemployment and expansion of opportunities for earning, with the availability of housing and pre-school institutions is growing. "Cautious" positivity is noted with regard to the situation with social justice, living standards, as well as secondary and higher education. However, the dominance of positive assessments is not recorded in any of the spheres. This signals the persistence of separate problems in them, relevant for different groups of the population. Assessments of the situation in the spheres related to collective security deserve special attention, in respect of which a sharp increase in negative assessments is recorded. The groups with relatively homogeneous views on the dynamics of the situation in different spheres of life in society were considered. Among them, Russians with pessimistic and moderately optimistic views of the ongoing changes are approximately equal in number. It has been noted that the key differences between these groups, and, accordingly, their requests for changes in certain spheres, are formed under the influence of factors mainly of a subjective nature. They are related to the perception of their own well-being, the number and nature of problems experienced in the last year, as well as some "we-identities". In particular, it is shown that the request for qualitative changes for pessimists is formed largely spontaneously and under the effect of the cumulative negative impact of many factors on their lives. Requests for further improvements in key areas of life are more differentiated among moderate optimists and "stability-oriented" part of society.

Keywords: Russian society, social policy, social well-being, welfare attitudes, group identities, public consciousness, social contract

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of the Fund of the Expert Institute for Social Research (EISR) "FMUS-2024–0015 Overcoming excessive inequalities as a condition for building a just social state in Russia".

REFERENCES

1. Petukhov V. V. Social reforms: from monetization of benefits to national projects [Social'ny'e reformy': ot monetizacii l'got k nacional'ny'm proektam]. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2006;(12):22–28. (In Russ.).
2. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. eds. Russian society and challenges of the time. The seventh book Moscow: Ves' Mir; 2024. 424 p. (In Russ.).
3. Griaznova O. S. Popular request for state support and evaluation of results of social state actions in Europe and Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2014;(11):44–52. (In Russ.).
4. Svallfors S. Worlds of welfare and attitudes to redistribution: a comparison of eight western countries. *European Sociological Review*. 1997;13(3):283–304. DOI [10.1093/oxfordjournals.esr.a018219](https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.esr.a018219).
5. Williams T., Hill M., Davies R. Attitudes to the welfare state and the response to reform: a report of qualitative and quantitative research on attitudes to the welfare state and to proposals for reform. Leeds: Corporate Document Services; 1999. 195 p.
6. Roosma F. [et al]. The preferred role and perceived performance of the welfare state: European welfare attitudes from a multidimensional perspective. *Social Science Research*. 2014;(44):200–210. DOI [10.1016/j.ssresearch.2013.12.005](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.12.005).
7. Myant M., Drahekoupil J. Welfare and redistribution in post-communist countries. In: Perugini C., Pompei F. Inequalities during and after transition in Central and Eastern Europe. London: Palgrave Macmillan; 2015. P. 284–305. DOI [10.1057/9781137460981_13](https://doi.org/10.1057/9781137460981_13).
8. Reeskens T., van Oorschot W. Equity, equality, or need? A study of popular preferences for welfare redistribution principles across 24 European countries. *Journal of European Public Policy*. 2013;20(8):1174–1195. DOI [10.1080/13501763.2012.752064](https://doi.org/10.1080/13501763.2012.752064).
9. Blekesaune M. Economic strain and public support for redistribution: a comparative analysis of 28 European Countries. *Journal of Social Policy*. 2013;42(1):57–72. DOI [10.1017/S0047279412000748](https://doi.org/10.1017/S0047279412000748).
10. Lezhnina Y. P. Russians' views on the necessary social policy: between mid 2000s and the Corona Crisis of 2020. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2021;(4):50–60. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250014715-9](https://doi.org/10.31857/S013216250014715-9).
11. van Oorschot W., Gugushvili D. Retrenched, but still desired? Perceptions regarding the social legitimacy of the welfare state in Russia compared with EU countries. *Europe-Asia Studies*. 2019;71(3):345–364. DOI [10.1080/09668136.2019.1583316](https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1583316).
12. Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. The Factors behind the demand of Russians for the state support? *Mir Rossii=Universe of Russia*. 2020;29(1):31–52. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52).
13. Tikhonov N. E. Social policy in modern Russia: new systemic challenges. *Obshchestvennye nauki i sovremennost=Social Sciences and Modernity*. 2019;(2):5–18. (In Russ.). DOI [10.31857/S086904990004334-9](https://doi.org/10.31857/S086904990004334-9).
14. Petukhov V. V., Petukhov R. V. Request for change: factors and causes of its actualization, key components, and potential carriers. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya..* 2019;(5):119–133. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2019.05.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09).
15. Kapeliushnikov R. I., Zinchenko D. I. Digital forms of employment in the Russian labor market: distant and platform. Working paper WP3/2024/04. Moscow: Vy'sshej shkoly' e'konomiki; 2024. 57 p. (In Russ.). Available at: https://wp.hse.ru/data/2024/08/19/1900141421/WP3_2024_04.pdf (accessed: 15.09.2024).
16. Kolennikova N. D. Specifics of Russians' perception of housing conditions and housing inequality: Dynamics and factors. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii,*

- prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(4):247–263. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2024.4.94.14](https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.14).
17. Kolennikova N. D. Images of “Russia of the future” in the representations of Its citizens. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2023;(10):91–103. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250028307-0](https://doi.org/10.31857/S013216250028307-0).
  18. Tikhonova N. E. ed. Income stratification model of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons. Moscow; SPb.: Nestor-Istoriya; 2018. 368 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4469-1419-7. DOI [10.31754/nestor4469-1419-7](https://doi.org/10.31754/nestor4469-1419-7).
  19. Schweizer K., Rauch W. An investigation of the structure of the social optimism scale with respect to the dimensionality problem. *Journal of Individual Differences*. 2008;29(4):223–230. DOI [10.1027/1614-0001.29.4.223](https://doi.org/10.1027/1614-0001.29.4.223).
  20. Dudin I. V., Tikhonova N. E. Subjective well-being of Russians through the prism of their identities: state and factors. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):6–25. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.1).
  21. Sushko P. E. Russians' ideas about possible ways of Russia's development: prevalence and specificity. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2022;(11):25–37. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250021403-6](https://doi.org/10.31857/S013216250021403-6).

Information about the Author

P. E. Sushko

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [L-2288-2015](https://orcid.org/0009-0001-2288-2015)

Scopus AuthorID: [57195625722](https://orcid.org/0009-0001-2288-2015)

The article was submitted 20.10.2024; approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 20.11.2024.

ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ В ГОРИЗОНТЕ БУДУЩЕГО: К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ В АНАЛИЗЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

«Именно будущее является “пространством мотивации”»
Ж. Нюттен

Екатерина Сергеевна Попова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
espopova@isras.ru,
ORCID 0000-0002-9808-3152

Для цитирования: Попова Е. С. Планы и реальность в горизонте будущего: к вопросу о концептуализации понятий в анализе социального поведения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 106–123. DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.6. EDN ZQFLBS.

Аннотация. В практике социологических исследований рост интереса к различным аспектам социального поведения тем выше, чем острее кризисный период и неопределённость реальности. Сегодня приверженность жизненным ориентирам, устойчивость перед вызовами, гибкость в стратегиях социального поведения приобретает статус ключевого конкурентного преимущества в обеспечении стабильности, безопасности и развития российского общества. Актуальность темы обусловлена запросом на разработку новых подходов к анализу социального поведения, которые позволят учитывать не только объективные условия жизни людей, но и их субъективные представления о желаемом будущем. В статье в границах методологии изучения социального поведения обосновывается концептуализация понятий планов и реальности в горизонте ближнего и дальнего планирования жизненных целей. Авторская модель анализа выбора стратегии социального поведения позволяет учесть не только рациональные, но и аксиологические аспекты социального поведения, а также его связь с жизненными стратегиями, мотивацией, убеждениями. Эмпирической базой являются данные, полученные в ходе общероссийских исследований, проведённых Институтом социологии ФНИСЦ РАН (до 2017 года – Институт социологии РАН) в период 2015–2024 гг. Концептуальная модель апробирована через сопоставление представлений о сферах желаемого и реально достигнутого успеха в реализации жизненных целей через характеристику длины горизонта планирования и восприятия своего будущего. Анализ динамики показал, что семья, работа, личное благополучие составляют ядро представлений об успехе и, как следствие, мотивации достижения и формирования образа будущего. Выявлены негативные тенденции: структурный сдвиг в оценке значимости образования, высокий разрыв между планами и реальными перспективами профессиональной реализации. Высота социальных барьеров в сферах рынка труда и достижения материального бла-

гополучия остаётся значимой для существенной части респондентов. По характеристике горизонта планирования личного будущего обнаружены устойчивые тенденции: в оценке текущего положения среди имеющих планы на будущее вдвое больше тех, кто оценивает его как хорошее; доля достигших или много добившихся также выше среди имеющих планы, чем среди тех, кто не строит планов вовсе. Дополнительный ракурс анализа через критерий длины горизонта планирования служит значимым измерением проактивности социального поведения, проявленности ценностей и представлений в конкретных действиях. Результаты исследования могут быть полезны для социологов, занимающихся изучением социального поведения, а также для специалистов, работающих в области социальной психологии, социального управления и прогнозирования; могут способствовать разработке новых методов анализа социального поведения, учитывающих его субъективную составляющую.

Ключевые слова: социальное поведение, жизненные стратегии, мотивация, планы, реальность, горизонт планирования будущего, длина горизонта планирования, концептуализация, социология образа будущего

Благодарности: исследование выполнено по теме «Личное будущее и будущее страны в массовых представлениях россиян в 2014–2024 гг.: динамика, факторы изменений, влияние на социальное поведение» (рег. номер 124091200014–0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Введение

Интерес к изучению социального поведения, факторов и детерминант, «определяющих специфику личности и специфику внешних воздействий на неё» [1, с. 11] не теряет актуальности и даже обостряется. Тому есть ряд существенных причин: углубляются трансформационные процессы в различных сферах социальной жизни, социально-экономические и геополитические процессы корректируют пространство планирования будущего, отмечается рост тревожности перед неопределённостью будущего и многие другие социальные процессы, которые влияют на жизненные стратегии. В условиях постоянно меняющегося мира [2] приверженность своим жизненным целям и ориентирам, устойчивость перед различными вызовами современности, гибкость в стратегиях социального поведения различных социально-демографических групп приобретает черты ключевого конкурентного преимущества в обеспечении стабильности, безопасности и развития российского общества.

Результаты многолетних исследований Института социологии ФНИСЦ РАН показывают, что выбор стратегии поведения социальными группами осуществляется на основании уже в большей или меньшей степени сложившихся представлений, ценностей и мотивации. Это находит своё отражение сначала в восприятии самой жизненной ситуации, далее – в планах, а затем – в конкретных действиях по их воплощению. С учётом индивидуальных интересов и предпочтений происходит постановка жизненных целей, на основе которых осуществляется реальный выбор желаемого будущего [3, с. 70]. В концепции

саморегуляции и прогнозирования социального поведения личности В. А. Ядова ключевым понятием в этом ракурсе являются диспозиции, понимаемые как «фиксированные в её социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определённым образом» [4, с. 10]. Именно диспозиции «запускают» механизм практической деятельности человека, его социальное поведение.

В статье в границах методологии изучения социального поведения обосновывается концептуализация понятий планов и реальности в горизонте ближнего и дальнего планирования жизненных целей. Концептуальная модель апробирована через сопоставление представлений о сферах желаемого и реально достигнутого успеха через характеристику длины горизонта планирования и восприятия своего будущего.

Концептуализация основных понятий

Методология изучения и интерпретация результатов анализа социального поведения в практике социологических исследований представлена целым рядом подходов. В классической теории «понимающей социологии» М. Вебера действие становится социальным только в том случае, если оно наделено субъективным смыслом и соотносится с действиями других людей, более того – на них ориентируется. Подобные «смысловые связи» поведения ложатся в основу формирования социальных отношений, социальных институтов и т. д. [5]. Интерпретативные теории социального действия также ориентируются на социальный смысл действия, помимо этого учитывается социальный контекст, подразумевающий определённый «культурный код», ценности и социальные нормы. В этом подходе приоритет отдаётся субъективной интенции действия. В теории рационального выбора и теории социального обмена, напротив, определяющая роль социального действия принадлежит рациональности, трактуемой как выбор такого социального поведения, которое позволяет соотнести доступные актору варианты действия и его личные интересы [6].

В концептуальной модели авторского исследования социального поведения личности диспозиции выполняют функцию «линзы», через которую преломляется прошлый социальный опыт, учитывается социальный контекст направленного действия, интериоризируются ценности и нормы, которые проявляются в дальнейших планах. Отталкиваясь от общего в рассмотренных ранее теоретико-методологических подходах, автор предполагает, что диспозиции могут быть проанализированы через совокупность мотивов, ценностей, убеждений. Горизонт планирования и восприятие образа будущего также наделяются «субъективными смыслами», которые конституируют поле социального поведения, определяют выбор его стратегии. В подобной модели отражены личные убеждения и ценности, соотнесённые с окружающей социальной реальностью, ориентированные на других, помещённые в определённый временной и культурный контекст. Концептуальная модель исследования иллюстрируется при

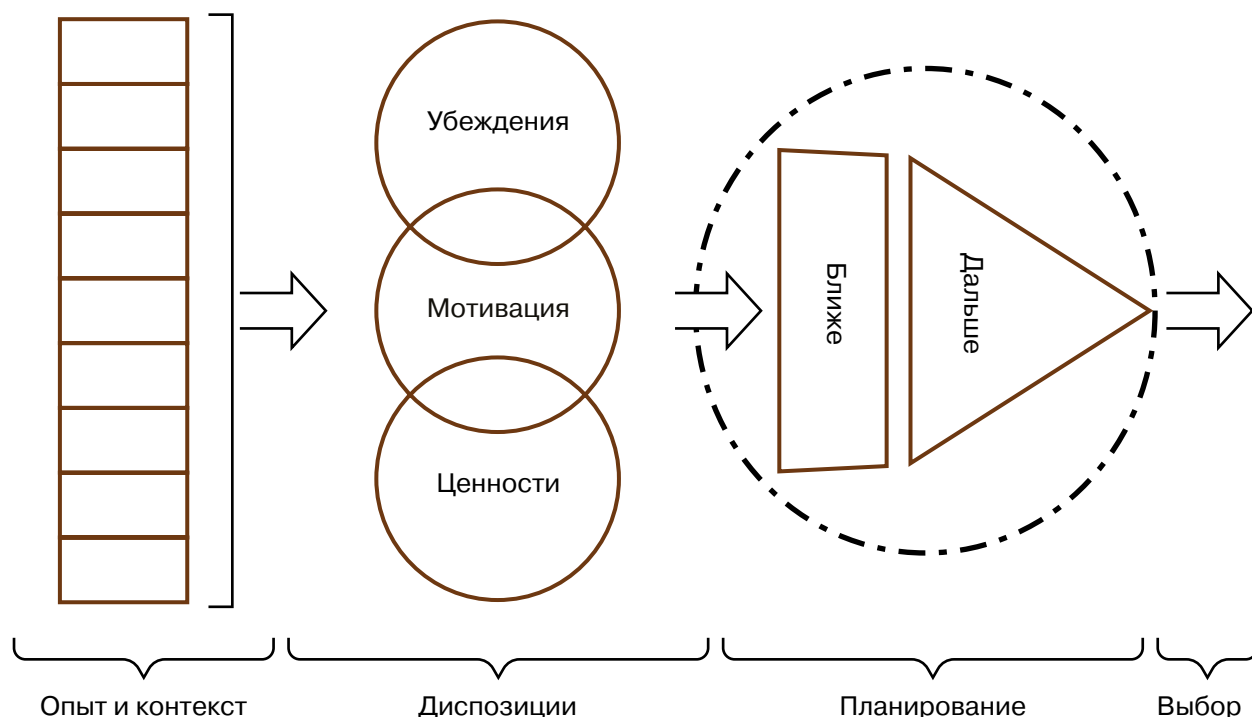

Рис. 1. Концептуальная модель исследования стратегий социального поведения

помощи схемы, представленной на рисунке 1. Однако в подобном «уравнении немало неизвестных».

В авторской концептуальной модели базовым аналитическим инструментом является сопоставление планов и реальности, желаемого и достигнутого. В практике социологических исследований этот подход хорошо известен. С некоторыми допущениями предлагаемая концептуальная модель может быть апробирована через сопоставление представлений об успехе с реальными сферами его достижения.

На концептуальном уровне представления об успехе являются динамической категорией. Достигнутое индивидом или социальной группой из сферы желаемого «переходит» в социальную норму. Далее формируются новые ориентации будущего, как и мотивация его достижения. Представления об успехе в этом ракурсе выступают сильной положительно окрашенной мотивационной установкой. В классической социологической традиции восприятие успешности, оценка благополучия связаны с местом в стратификационной иерархии общества, и подобная субъективная стратификация населения не менее важна как для анализа социального поведения, так и с позиции социального управления и прогнозирования [9; 10].

В ряде исследований показано, что в целом представления об успехе в России достаточно устойчивы во времени и качественно улучшились с 2000-х гг. [9]. Выявлена роль успеха в реализации жизненных планов и индивидуальных устремлений [11]; обоснованы различные основания восприятия собственной успешности: через статусно-ролевые позиции или через

социально-психологические характеристики личности [12]. Успех рассмотрен как одно из измерений субъективной мобильности [13]. Тем не менее очерченный круг исследований скорее носит исключительный характер в практике социологических исследований, так как достижение успеха как специфическая стратегия социального поведения остаётся преимущественно за рамками эмпирических исследований [12].

Анализ разработанности направления в социальных науках, существующие в практике социологических исследований подходы к операционализации понятия подтверждают продуктивность дальнейшей прикладной концептуализации понятия успеха. В восприятии успешности и в оценке возможностей для её достижения индивид или социальная группа не выходят за категориальный каркас, сформированный прошлым опытом. В то же время в ином свете предстают их текущие оценки жизненной ситуации и планирование личного будущего. Под личными планами населения в социологической традиции понимаются «намерения индивидов в отношении возможностей, которые имеются в обществе» [14, с. 37]. Изучение планов, в свою очередь, связывается с горизонтом планирования: краткосрочное и долгосрочное планирование будущего.

Хотя, строго говоря, само «будущее» не является общепризнанной категорией социологического анализа. Всплеск интереса к проблеме восприятия образа будущего, его планирования различными социально-демографическими группами возникает в острые кризисные периоды турбулентности [15].

В зарубежной социологической традиции образы будущего и аспекты его планирования имеют решающее значение, если рассматривать общество не столько как проблему порядка, сколько как проблему социального управления. В. Белл и Дж. Мау подчёркивают, что в подобной трактовке проявляется динамизм социальных изменений. В работе «Социология будущего» (“Sociology of the Future”) исследователи отмечают ряд ограничений этого подхода [16, с. 22]. Когда в качестве единицы анализа выступают отдельные индивиды, эмпирическая проблема состоит в том, чтобы выявить связь между целями, убеждениями, ценностями личности и тем, как они влияют на социальное поведение и представления о будущем. Если в качестве основной единицы анализа выступают некие социальные группы, возникают дополнительные сложности распределения убеждений, ценностей, неоднородного восприятия образа будущего внутри самих групп.

Тем не менее в этой концептуальной модели конкретный образ будущего и его планирование, в первую очередь, формируется из восприятия прошлого (личного и/или страны), так как убеждения о прошлом очерчивают диапазон альтернативных образов будущего и делают более вероятным то, что конкретный образ, а не какие-то другие, будет доминировать в восприятии. При этом индивиды и группы постоянно соотносятся с тем, что «значимые другие» думают о них, данное обстоятельство детерминирует возможные образы будущего и варианты его проектирования. Более того, формулировки о «социальных фактах» настоящего определяют условные «карты» социальной реальности, которые люди используют для того, чтобы осуществлять выбор стратегии социального поведения.

Подобное понимание связи восприятия образов прошлого, настоящего и будущего характерно и для отечественной социологической традиции. Ю. А. Левада так подошёл к решению данного теоретико-методологического вопроса: прошлое представляет собой поле упорядоченных событий, настоящее отражает поле конкретных действий, траекторий и жизненных стратегий социального поведения, в то время как будущее не что иное, как поле решения проблем прошлого [17, с. 170–173]. Изучение какого-то одного временного и исторического диапазона невозможно без учёта двух других и их социального контекста.

На сегодняшний день в исследовательской практике изучения образа будущего устоялись аксиологический, социокультурный, межпоколенческий подходы, анализ темпоральных настроений россиян, анализ оценки жизненных планов и перспектив [18; 19; 20; 21]; проведена социологическая концептуализация понятия «будущее» в рамках теории Ж. Нюттена [22], который постулирует критическую важность анализа восприятия будущего в изучении человеческой мотивации и социального поведения. Обобщая, подчеркнём, что восприятие своего будущего, характеристики его образа и варианты его планирования служат дополнительным социологическим измерением накопленного социального опыта и совокупности социальных действий в настоящем, и его анализ позволяет углубить понимание природы социального действия.

Эмпирическая база, цели и методика анализа данных

Эмпирической базой работы являются данные, полученные в ходе общероссийских исследований, проведённых Институтом социологии ФНИСЦ РАН (до 2017 г. – Институт социологии РАН) Все исследования осуществлялись по однотипной выборке: репрезентировали население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, образованию и типу поселения. Инструментарий исследований включал повторяющиеся вопросы, что дало возможность корректного сопоставления данных за разные годы и использования потенциала анализа динамических рядов по многим параметрам. В данной статье работа велась по массивам 2015, 2016, 2018, 2020, 2021, 2023, 2024 гг. Численность респондентов варьируется в каждом опросе от 2000 до 4000 человек. Этапы формирования выборки, методические и методологические аспекты исследований подробно изложены в ряде публикаций [см., например: 23, с. 343].

Поставленная цель проверки предлагаемой концептуальной модели анализа планов и реальности выполнена через сравнение представлений о главных жизненных сферах достижения успеха с оценкой тех сфер, в которых респонденты добились желаемого. На текущем этапе работы проводится анализ ситуации в динамике лет, чтобы выявить существующие тренды в рассматриваемой области, проанализировать устойчивость или подвижность представлений об успехе через построение динамических рядов показателей по изучаемым аспектам социального поведения. В следующем разделе описываются результаты

эксплораторного анализа и рефлексия относительно возможностей и ограничений методологического подхода и методики исследования.

Результаты

Сопоставление планов и реальности через представления об успехе и его достижении. Для обеспечения сопоставимости результатов исследований, данные которых являются базой анализа, произведена процедура выявления идентичных смысловых блоков в формулировках двух вопросов, направленных на измерение жизненного успеха в координатах планирования и достижения. В таблице 1 приведены формулировки вопросов и представлены сопоставимые ответы, позволяющие осуществить сравнительный анализ.

Таблица 1

Результаты методической процедуры поиска смысловой основы сопоставления восприятия успеха и сфер его достижения

Формулировки вопросов	
«Что, на Ваш взгляд, прежде всего, определяет жизненный успех человека?»	«В каких сферах Вы добились желаемого? (сфера достижения успехов)»
Восприятие успеха	Сфера достигнутого успеха
<i>Семья, любовь, дети</i>	
Создание семьи, рождение детей	Создать счастливую семью
Помощь детям, внукам устроить свою жизнь, добиться успеха	Воспитать хороших детей
<i>Образование</i>	
Хорошее образование	Получить хорошее образование
<i>Профессиональная реализация</i>	
Хорошая работа	Иметь интересную работу
Самореализация, проявление себя	Стать профессионалом в своём деле
Карьера, должностной статус	Получить престижную работу
<i>Материальное благополучие</i>	
Финансовое благополучие	Хорошо зарабатывать
Наличие отдельной квартиры, дома	Иметь свою отдельную квартиру/дом
<i>Социальный капитал</i>	
Дружба, общение	Иметь надёжных друзей
Наличие важных знакомств, связей	Иметь доступ к власти
<i>Принципиальность, ценности</i>	
Жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе	Жить не хуже других

Окончание Таблицы 1

Следование собственным идеалам, принципам, ценностям	Честно прожить свою жизнь
Участие в политической деятельности, работе политических, общественных организаций	Влиять на то, что происходит в обществе или том месте, где живёте
<i>Досуг</i>	
Путешествия, новые впечатления	Побывать в разных странах мира
Развлечения и удовольствия	Иметь много свободного времени и проводить его в своё удовольствие

Те позиции, которые не совпадают по своей содержательной коннотации или которые имеются только в закрытиях одного вопроса/одного года из дальнейшего анализа исключены. Для вопроса о сферах достигнутого успеха в оценках респондентов рассчитано среднее, так как был возможен выбор одиночного ответа по шкале добились/не добились.

Структура ответов о восприятии успеха, представленная в таблице 2, и субъективной оценке его достижения, отображённая в таблице 3, достаточно стабильна за рассматриваемый период времени. В таблицах приведены результаты анализа в динамике лет. Семья, работа, благополучие личного социального мира составляют ядро представлений об успехе и, как следствие, – мотивации достижения и формирования образа будущего. Это позиции, которые не только сохраняют свою актуальность, но и приобретают всё более важное значение для респондентов.

Таблица 2

Динамика восприятия успеха по сферам, ранг

Сферы	Годы			
	2016	2020	2023	2024
Семья, любовь, дети	*–	III	III	III
Образование	III	V	V	V
Профессиональная реализация	I	I	I	I
Материальное благополучие	*–	II	II	II
Социальный капитал	IV	VI	VI	VI
Принципиальность, ценности	II	IV	IV	IV
Досуг	V	VII	VII	VII

Приведено ранговое распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, прежде всего, определяет жизненный успех человека? (Выберите не более пяти ответов)».

2016 г. N = 4000, 2020 г. N = 2000, 2023 г. N = 2000, 2024 г. N = 2000.

* Методология вопроса 2016 г. отличалась от методологии последующих лет. Данные за 2016 г. по этим сферам исключены из репрезентации результатов. Однако сохранение тренда в динамике лет свидетельствует о его устойчивости.

Таблица 3

Динамика субъективной оценки достижения успеха по сферам, %

Сферы	Годы				Тренд
	2015	2018	2021	2024	
<i>Уже добились, чего хотелось</i>					
Семья, любовь, дети	55,2	59,8	62,3	59,2	∧
Образование	45,7	48,7	45,0	50,4	∧
Профессиональная реализация	21,3	22,3	21,5	22,0	=
Материальное благополучие	*–	39,5	40,6	40,0	=
Социальный капитал	38,6	40,7	39,7	39,1	=
Принципиальность, ценности	53,6	56,1	56,7	59,8	∧
Досуг	15,4	16,7	17,9	19,6	∧
<i>Пока не добились, но считают, что ещё добьются</i>					
Семья, любовь, дети	35,1	30,5	26,8	31,4	~
Образование	17,3	16,6	15,4	16,3	∨
Профессиональная самореализация	24,3	24,9	23,7	25,3	=
Материальное благополучие	*–	33,4	32,9	33,6	=
Социальный капитал	12,1	12,4	12,0	12,6	=
Принципиальность, ценности	32,9	30,2	30,3	29,1	∨
Досуг	28,2	27,2	25,6	35,1	∧

Приведено распределение ответов на вопрос «В каких сферах Вы добились желаемого? (сфера достижения успехов)».

2015 г. N = 4000, 2018 г. N = 4000, 2021 г. N = 2000, 2024 г. N = 2000.

*Методология вопроса 2015 г. отличалась от методологии последующих лет. Данные за 2015 г. по этой сфере исключены из репрезентации результатов. Однако сохранение тренда в динамике лет свидетельствует о его устойчивости.

В архитектуре исследования 2024 года имеется возможность проследить в один год желаемые сферы достижения успеха и оценить, какой части респондентов удалось достичь желаемого.

В общей цельной и вполне благоприятной картине представлений об успехе и его реализации достаточно явно очерчивается несколько негативных тенденций. Первая – структурный сдвиг в оценке значимости образования в восприятии успеха, который был отмечен ранее и подтверждается через призму представлений об успехе. Однако доля добившихся получения хорошего образования медленно растёт. В целом данная тенденция представляется тревожной и противоречивой, особенно в связи с приоритетом профессиональной

реализации в структуре представлений об успехе. Подобное положение дел может быть следствием разрыва образования и рынка труда и накопления критической массы его последствий. Судя по динамике прошлых и текущего проекта, данная тенденция может усугубляться. Причины, бесспорно, требуют дополнительного анализа, который лежит за рамками данной статьи. В любом случае это тревожный, если не сказать опасный симптом для формирования, накопления, эффективного использования человеческого потенциала страны.

Другая тенденция – высокий разрыв между планами и реальными перспективами профессиональной реализации, достижении материального благополучия. С одной стороны, данный разрыв является следствием ситуации, связанной с образованием. Помимо этого, рынок труда характеризуется своими особенностями: работа не по специальности, завышенные ожидания выпускников образовательных организаций, теневая занятость, прекарные условия труда, недоиспользование рабочей силы и т. д. Однако в данной тенденции обнаруживается и определённый масштаб недоиспользования человеческого капитала.

Ориентация на семейную жизнь остаётся стабильно высокой, однако не все могут реализовать эти устремления по различным демографическим причинам. Вместе с тем, реальное положение дел по этим параметрам большинство респондентов оценивают как удовлетворительное. За рассматриваемый период времени виден незначительный рост положительных оценок своего положения по всем параметрам, и в целом к 2023 году доля оценивающих своё положение как плохое – чуть более десятой части респондентов, что может расцениваться как позитивная тенденция не только в восприятии своего успеха, но и в конкретных шагах по его достижению.

Горизонт планирования как характеристика проактивности социального поведения

В традиции социальной психологии и гуманистической психологии выдвигается идея функциональной автономности мотивов, в соответствии с которой «мотивация всегда локализована в настоящем и направлена не в прошлое, а в будущее, потому что от прошлого она уже функционально независима» [24, с. 11]. Согласно этой теории, принципиальной особенностью личности является не только функциональная автономность мотивов, но и её активность, проактивность, как принято её называть в противовес постулату реактивности. Если рассматривать представления об успехе как дополнительное измерение социального смысла стратегий поведения, то наличие или отсутствие горизонта планирования может служить отображением проявленности этих представлений и характеристикой проактивности/реактивности социального поведения. В рамках представленной автором концептуальной модели наличие планов относительно личного будущего скорее свидетельствует о проактивной стратегии социального поведения, отсутствие горизонта планирования – о реактивном типе социального поведения.

Одним из существенных преимуществ анализируемой эмпирической базы является наличие в инструментарии вопроса на замер дальности горизонта планирования, позволяющий с высокой степенью уверенности судить о типе социального поведения по реализации своих планов и воплощению желаемого образа будущего [7; 25]. Вопреки многим распространённым суждениям не только в общественном дискурсе, но и в научных публикациях по данным анализируемых исследований горизонт планирования респондентов достаточно стабилен в динамике лет (таблица 4) несмотря на череду кризисных ситуаций и вызовов времени. В 2024 году доля планирующих своё будущее респондентов даже увеличилась на 17 % по сравнению с прошлым годом. Данное обстоятельство позволяет рассматривать его как свойство или качество того или иного типа социального поведения. В различные годы распределение планирующих и не планирующих своё будущее распадается примерно поровну от совокупности опрошенных. Для трети респондентов характерен краткосрочный горизонт планирования; долгосрочный горизонт планирования скорее редкость и типичен лишь для десятой части респондентов.

Таблица 4

Динамика длины горизонта планирования личного будущего, %

Длина горизонта планирования	Годы					
	2015	2018	2020	2021	2023	2024
В жизни невозможно что-то планировать даже на год вперёд	54,8	46,6	55,7	48,8	57,3	40,3
Планируют, но только на ближайшие 1–2 года	33,4	37,6	32	36,8	34,2	37,9
Планируют на ближайшие 3–5 лет и затем просто корректируют свои действия «по ситуации»	9,3	12,6	10,3	11,5	6,8	18,1
Планируют свою жизнь не меньше, чем на 5–10 лет вперёд и потом корректируют свои планы	2,5	3,2	2	2,9	1,7	3,7

* Приведено распределение ответов на вопрос «Планируете ли Вы свою жизнь, и если да, то на какой период?» по валидному проценту без пропущенных значений и не ответивших. Сумма = 100 %.

2015 г. N = 4 000, 2018 г. N = 4 000, 2020 г. N = 2 000, 2021 г. N = 2 000, 2023 г. N = 2 000, 2024 г. N = 2 000,

Для углубления анализа в массиве 2023 года была вычислена бинарная переменная, отражающая наличие горизонта планирования или его отсутствие. Результаты оценки текущей жизненной ситуации в зависимости от индивидуального типа планирования представлены в таблице 5. Оценка своего положения как удовлетворительного почти не различается по этому параметру; разница около 10 п. п. за исключением оценки своего положения, статуса в обществе. В остальных позициях отчётливо прослеживается устойчивая тенденция: оценки своего положения как хорошего вдвое выше у имеющих хоть какой-то горизонт планирования, и, напротив, многократно хуже у тех, кто вовсе не планирует своё будущее.

Таблица 5

Оценка субъективного благополучия по параметрам профессиональной реализации в зависимости от стратегии социального поведения, %

Оценки	Стратегия социального поведения	
	Проактивная	Реактивная
<i>Материальная обеспеченность</i>		
хорошо	30,6	12,3
удовлетворительно	62,5	66,8
плохо	6,9	20,9
<i>Ситуация на работе</i>		
хорошо	41,2	21
удовлетворительно	51,7	62,2
плохо	7,1	16,8
<i>Возможность реализовать себя в профессии</i>		
хорошо	47,2	24,4
удовлетворительно	46,4	57
плохо	6,4	18,6
<i>Возможность получения необходимого образования и знаний</i>		
хорошо	40,6	20,8
удовлетворительно	53	61,6
плохо	6,4	17,6
<i>Положение, статус в обществе</i>		
хорошо	49,2	24,6
удовлетворительно	47,7	67
плохо	3,1	8,4

Дополнительно была проведена проверка устойчивости тенденции оценки своего текущего положения в зависимости от наличия или отсутствия горизонта планирования по параметру реализации планов в целом. На рисунке 2 показано, что большинство респондентов оценивают степень реализации жизненных планов как среднюю. При этом среди тех, кто планирует своё будущее, доля достигших или много добившихся выше, чем среди тех, кто не строит планов вовсе. Также среди планирующих больше тех, кто считает, что способен на большее.

Рис. 2. Оценка реализации жизненных планов в целом в зависимости от наличия/отсутствия горизонта планирования, 2023, %

Заключение

В социологических исследованиях изучение образа будущего часто носит статический характер, ограничиваясь анализом разовых ситуативных замеров. Разработки, направленные на изучение представлений респондентов о будущем в динамике лет, встречаются реже. Образ будущего во многом определяет социальное поведение, акцентируя внимание не на том, что будет иметь значение в проектируемом будущем, а на том, что является приоритетным именно здесь и сейчас, в конкретный исторический и социально-экономический момент. Этот аспект особенно важен для понимания механизмов социального взаимодействия и прогнозирования будущих тенденций развития общества. Изучение образа будущего позволяет выявить глубинные ценности, установки и ожидания людей, которые формируют их повседневное поведение и определяют выбор стратегий действий в различных ситуациях.

Результаты проведённого анализа показали, что в целом структура жизненных приоритетов остаётся стабильной с течением времени. Наиболее важными аспектами жизни остаются семья, дети, работа и профессиональная самореализация. Разнообразные кризисы, которые произошли за последнее десятилетие, пока не оказали существенного влияния на жизненные приоритеты людей или же эти изменения ещё не были зафиксированы социологическими исследованиями.

В контексте деятельностного подхода и интерпретативных теорий социального поведения, где мотивация достижения играет ключевую роль в формировании социального поведения, реализация запланированных целей усиливает проактивность жизненных стратегий. Дополнительная перспектива анализа временного горизонта планирования предоставляет важное измерение для изучения направленности социального поведения, проявления мотивации, ценностей и убеждений в конкретных действиях. Это позволяет глубже понять механизмы формирования и реализации жизненных стратегий личности в современном обществе.

Апробация разработанной концептуальной модели продемонстрировала как ряд преимуществ, так и ограничений. С одной стороны, в ней представлено единство личных взглядов и принципов, которые связаны с окружающей социальной действительностью, направлены на других людей, а также очерчены определёнными временными и культурными рамками. Горизонт планирования и образ желаемого будущего тоже служат отображением «социальных смыслов», которые определяют выбор стратегии социального поведения. С другой стороны, пока осталась непреодолимой проблема подтверждения связи и её направленности между целями, взглядами и личными принципами человека с его социальным поведением и видением будущего. Более того, если принять за основу анализа социальные группы, то возникнут дополнительные трудности: внутри этих групп убеждения, ценности и понимание будущего могут и, по всей вероятности, будут сильно различаться, как и горизонт их планирования.

На данном этапе анализа была задача выявить динамику ситуации, оценить её и, что важнее, оценить методологический потенциал разработанной

концептуальной модели исследования. Анализ «культурного кода» успеха, интерпретация результатов в разрезе горизонта планирования личного будущего в целом позволяют рассматривать концептуальную модель как не лишённую объяснительного потенциала, открывающую новую плоскость понимания стратегий социального поведения, дополняющую очерченные теоретико-методологические подходы к изучению процессов социальных изменений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Образование и жизненные траектории молодёжи: 1998–2008 годы // Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко, Ф. А. Хохлушкина. М. : Институт социологии РАН, 2011. 277 с. ISBN 978-5-98201-037-7. EDN QYJCZX.
2. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман ; пер с англ. С. А. Комаров. СПб. : Питер, 2008. 240 с. ISBN 978-5-469-00034-1. EDN QOABEJ.
3. Попова Е. С. Исследование социальных аспектов формирования мотивации к образованию у молодёжи: от теоретических подходов к операционализации // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 69–82. DOI 10.17323/1814-9545-2012-4-69-82. EDN PVJFQX.
4. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / В. А. Ядов, А. А. Семенов, В. В. Водзинская [и др.] ; Второе расширенное издание. М. : ЦСПиМ, 2013. 376 с. ISBN 978-5-906001-04-7. EDN SWYNQU.
5. Мотивы социального действия // Макс Вебер: Основные социологические понятия. Избранные произведения / Пер. с нем. и общ. ред. : Ю. Н. Давыдов. М., «Прогресс», 1990. С. 602–633 // Гуманитарный портал : сайт. 29.11.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3646/3648> (дата обращения: 10.05.2024).
6. Social choice theory / С. К. Rowley ed. England ; Brookfield, Vt., USA : E. Elgar Pub. Ltd, 1993.
7. Попова Е. С. Социальные аспекты мотивации к образованию: выпускник школы перед выбором: дис. ...канд. социол. наук: 22.00.04 / Попова Екатерина Сергеевна ; науч. рук. Д. Л. Константиновский ; Институт социологии РАН. Москва, 2015. 115 с. EDN WGACAT.
8. Константиновский Д. Л. Окно, распахнутое Шубкиным: молодёжь в образовании и на рынке труда // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 14–24. DOI 10.31857/S013216250027363-2. EDN UCTJNW.
9. Тихонова Н. Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. 2018. Т 9, № 4. С. 11–43. DOI 10.19181/vis.2018.27.4.536. EDN YWAGZV.
10. Сушко П. Е. Социальное благополучие и социальная успешность российской молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 136–149. DOI 10.19181/nko.2023.29.3.8. EDN ZNOMBC.
11. Темницкий А. Л. Ценности жизненного успеха и их воплощение у работающего населения России // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9, № 3. С. 121–142. DOI 10.19181/vis.2018.26.3.529. EDN YWAGXZ.
12. Возьмитель А. А. Объективные и субъективные характеристики успеха постсоветской молодёжи // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 4. С. 67–86. DOI 10.19181/vis.2021.12.4.751. EDN ISPLUP.
13. Епихина Ю. Б. Благополучие как показатель субъективной мобильности // Мир России. 2023. Т. 32, № 3. С. 97–118. DOI 10.17323/1811-038X-2023-32-3-97-118. EDN UVAFNL.

14. Когда наступает время выбора: устремления молодёжи и первые шаги после окончания учебных заведений / Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередниченко, Ф. А. Хохлушкина, Е. Д. Вознесенская ; пред. В. Н. Шубкин. СПб : РХГИ, 2001. 568 с. ISBN 5-88812-123-1. EDN **VPFMGF**.
15. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 56–74. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5). EDN **QATYVU**.
16. Sociology of the Future: Theory, Cases and Annotated Bibliography / W. Bell, K. T. Erikson, S. Greer [et al.] ; ed. W. Bell, J. A. Mau. New York : Russell Sage Foundation, 1971. 480 p. ISBN 978-0-87154-106-2.
17. Левада Ю. А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005 / Ю. А. Левада. М. : Издатель Карпов Е. В., 2011. 507 с. ISBN 978-5-9598-0153-3. EDN **QOMVKV**.
18. Горшков М. К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 3–11. EDN **PHCZPZ**.
19. О чём мечтают россияне: идеал и реальность / М. К. Горшков, Р. Крумм, Н. Е. Тихонова [и др.]. М. : Весь Мир, 2013. 400 с. ISBN 978-5-7777-0538-9. EDN **RVDLRF**.
20. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Представления молодёжи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1). EDN **HMLFLO**.
21. Молодёжь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.): монография / А. П. Багирова, Л. Н. Банникова, Н. Д. Бледнова [и др.] ; отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 372 с. ISBN 978-5-7996-3372-1. EDN **BUFZOL**.
22. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен ; пер. с англ. под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2004. 608 с. ISBN 5-89357-151-7.
23. Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М. : Издательство «Весь Мир», 2024. 352 с. ISBN 978-5-7777-0927-1. EDN **OYVDFP**.
24. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / Г. Олпорт ; отв. ред. Д. А. Леонтьев ; пер. с англ. Л. В. Трубицыной, Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2002. 462 с. ISBN 5-89357-098-7.
25. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Горизонт планирования траекторий – конкурентное преимущество и ресурс устойчивости молодёжи // СоциоДиггер. 2023. Т. 4, № 11–12 (30). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/gorizont-planirovaniya-traektorii-konkurentnoe-preimushchestvo-i-resurs-ustoichivosti-molodezhi> (дата обращения: 02.03.2024).

Сведения об авторе

Е. С. Попова

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: **8104-9095**

Статья поступила в редакцию 11.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 25.11.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.4.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.6)

PLANS AND REALITY IN THE HORIZON OF THE FUTURE: TOWARDS THE ISSUE OF CONCEPTUALIZATION IN THE ANALYSIS OF SOCIAL BEHAVIOR

Ekaterina Sergeevna Popova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

espopova@isras.ru,ORCID [0000-0002-9808-3152](https://orcid.org/0000-0002-9808-3152)

For citation: Popova E. S. Plans and reality in the horizon of the future: towards the issue of conceptualization in the analysis of social behavior. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):106–123. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.6).

Abstract. In the practice of sociological research, the growth of interest in various aspects of social behavior is the higher the more acute the crisis period and uncertainty of reality. Today, adherence to life guidelines, resistance to various challenges, flexibility in the strategies of social behavior acquire the status of a key competitive advantage in ensuring stability, security and development of Russian society. The relevance of the topic is due to the demand for the development of new approaches to the analysis of social behavior, which will allow to take into account not only the objective conditions of people's lives, but also their subjective ideas about the desired future. The article substantiates the conceptualization of the concepts of plans and reality in the horizon of near and far planning of life goals within the boundaries of the methodology of studying social behavior. The author's model of analysis of social behavior strategy choice allows taking into account not only rational but also axiological aspects of social behavior, as well as its relationship with life strategies, motivation, and beliefs. The empirical base is the data obtained in the course of nationwide studies conducted by the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in the period 2015–2024. The conceptual model is tested through the comparison of perceptions of the spheres of desired and actually achieved success in the realization of life goals through the characteristics of the length of the planning horizon and the perception of their future. The analysis of dynamics showed that family, work, personal well-being constitute the core of perceptions of success and, as a consequence, the motivation of achievement and the formation of the image of the future. Negative trends were revealed: a structural shift in the assessment of the importance of education, a high gap between plans and real prospects for professional realization. The height of social barriers in the spheres of labor market and material well-being remains significant for a significant part of respondents. In terms of personal future planning horizon, stable trends were found: in assessing their current situation among those who have plans for the future there are twice as many who assess it as good; the share of those who have achieved or achieved a lot is also higher among those who have plans than among those who do not make plans at all. An additional angle of analysis through the criterion of planning horizon length serves as a meaningful measure of proactivity of social behavior, manifestation of values and perceptions in specific actions. The results of the study can be useful for sociologists studying social behavior, as well as for specialists working in the field of social psychology, social

management and forecasting; they can contribute to the development of new methods for analyzing social behavior, taking into account its subjective component.

Keywords: social behavior, life strategies, motivation, plans, reality, future planning horizon, planning horizon length, conceptualization, sociology of future

Acknowledgements: the study was carried out on the topic “Personal future and the future of the country in the mass representations of Russians in 2014–2024: dynamics, factors of change, impact on social behavior” (reg. number 124091200014–0) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

REFERENCES

1. Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A., Khokhlushkina F. A. Education and life trajectories of young people: 1998–2008, Moscow: Institut sociologii RAN; 2011. 277 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98201-037-7.
2. Bauman Z. Current Modernity. SPb.: Piter; 2008. 240 p. (In Russ.). ISBN 978-5-469-00034-1.
3. Popova E. S. Research of social aspects of formation of motivation to education among young people: from theoretical approaches to operationalization. *Education Issues=Voprosy' obrazovaniya*. 2012;(4):69–82. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2012-4-69-82](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-4-69-82).
4. Self-regulation and prediction of social behavior of personality: Dispositional concept. 2nd expanded edition. Moscow: TsSPiM; 2013. 376 p. (In Russ.). ISBN 978-5-906001-04-7.
5. Max Weber. Motives of social behavior. In: Basic sociological concepts. Selected works. Translated from German and edited by Y. N. Davydov. Moscow: Progress; 1990. P. 602–633. Humanitarian portal: website. 29.11.2006. (In Russ.). Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/3646/3648>(accessed: 10.05.2024).
6. Rowley C. K. ed. Social choice theory. USA: E. Elgar Pub. Ltd; 1993. 1716 p.
7. Popova E. S. Social aspects of motivation to education: a school graduate before the choice. Diss. for Candidate of Sociology. Moscow: 2015; 115 p. (In Russ.).
8. Konstantinovskiy D. L. The window opened by Shubkin: youth in education and the labor market. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2023;(8):14–24. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250027363-2](https://doi.org/10.31857/S013216250027363-2).
9. Tikhonova N. E. Life success and social status factors in the minds of Russians. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2018;9(4):11–43. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2018.27.4.536](https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.536).
10. Sushko P. E. Social well-being and social success of Russian youth. *Science. Culture. Society=Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2023;29(3):136–149. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.8).
11. Temnitskiy A. L. Life success values and their fulfillment for Russia's working population. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2018;9(3):121–142. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2018.26.3.529](https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.529).
12. Vozmitel A. A. Objective and subjective characteristics of the success of post-Soviet youth. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2021;12(4):67–86. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2021.12.4.751](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.751).
13. Epikhina Y. B. Well-being as an Indicator of Subjective Mobility. *Universe of Russia=Mir Rossii*. 2023;32(3):97–118. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-3-97-118](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-97-118).
14. Konstantinovskiy D. L., Shubkin V. N. [et al]. When it's time to choose: the aspirations of young people and the first steps after graduation [Kogda nastupaet vremya vy'bora:

- ustremleniya molodyozhi i pervy'e shagi posle okonchaniya uchebny'x zavedenij]: Saint-Petersburg: RKHGI; 2001. 568 p. (In Russ.). ISBN 5-88812-123-1.
15. Zubok Y. A., Seliverstova N. A. Semantic components of the image of the future of the country in the ideas of young people. *Science. Culture. Society=Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2022;28(4):56–74. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5).
  16. Bell W., Erikson K. T., Greer S. [et al]. *Sociology of the future: theory, cases and annotated bibliography*. New York: Russell Sage Foundation; 1971. 480 p. ISBN 978-0-87154-106-2.
  17. Levada Yu. A. *Selected sociological essays, 2000–2005*. Moscow: Izdatel' Karpov E. V.; 2011. 507 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9598-0153-3.
  18. Gorshkov M. K. "Russian Dream": the experience of sociological measurement. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012;(12):3–11. (In Russ.).
  19. Gorshkov M. K., Krumm R., Tikhonova N. E. [et al] *What Russians dream of: ideal and reality*. Moscow: Ves' Mir; 2013. 400 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0538-9.
  20. Zubok Y. A., Seliverstova N. A. Youth views about the future of the country in the projection of culture. *Science. Culture. Society=Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2023;29(3):39–52. (In Russ.) DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1).
  21. Vishnevsky Y. R. ed. *Youth about the future of Russia and about themselves: the challenges of the present and the construction of horizons of the future (based on the materials of the VIII stage of monitoring the dynamics of socio-cultural development of the Ural student population in 1995–2020)*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta; 2021. 372 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7996-3372-1.
  22. Nyttén J. *Motivation, action and the prospect of the future*. Moscow: Smy'sl; 2004. 608 p. (In Russ.). ISBN 5-89357-151-7.
  23. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. ed. *Russian society and challenges of time. Book seven*. Moscow: Ves' Mir; 2024. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0927-1.
  24. Allport G. *Becoming a personality: selected works*. Moscow: Smy'sl; 2002. (In Russ.). 462 p. ISBN 5-89357-098-7.
  25. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. Trajectory planning horizon – competitive advantage and resource of youth sustainability. *Sociodigger*. 2023;4(11–12). 06.12.2023. (In Russ.). Available at: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/gorizont-planirovaniya-traektorii-konkurentnoe-preimushchestvo-i-resurs-ustoichivosti-molodezhi> (accessed: 02.03.2024).

Information about the Author

E. S. Popova

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [I-6734-2016](https://orcid.org/0009-0001-9110-4000)

Scopus AuthorID: [57130031900](https://orcid.org/0009-0001-9110-4000)

The article was submitted 11.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 25.11.2024.

ГОРОДСКАЯ СЕМЬЯ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДЕТЬМИ: РЕСУРСЫ, НРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ РАБОТЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Галина Петровна Бессокирная¹
Ольга Александровна Большакова²
Татьяна Муртазаевна Караханова³

^{1,2,3} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ gala@isras.ru,

ORCID 0000-0001-7099-7772

² baolga7@rambler.ru,

ORCID 0000-0003-2501-6001

³ patruhev@isras.ru,

ORCID 0000-0002-6497-9188

Для цитирования: Бессокирная Г. П., Большакова О. А., Караханова Т. М. Городская семья с несовершеннолетними детьми: ресурсы, нравственные ориентиры и социальная адаптация работающих родителей. Часть вторая // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 124–140. DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.7. EDN TDLVSF.

Аннотация. В статье представлены результаты изучения повседневной деятельности работающих родителей в сфере ухода за несовершеннолетними детьми и их воспитания. Используются данные мониторинговых исследований (1986–2020 гг.) повседневной деятельности и бюджета времени городских жителей. Рассмотрен состав семей с детьми и проанализированы ресурсные характеристики, которые оказались весьма схожими у родителей. Изучены связи затрат времени родителей на уход за детьми и их воспитание с принадлежностью родителей к отцам и матерям, их возрастом, уровнем образования, религиозной самоидентификацией и уровнем доходов в семьях родителей, а также с некоторыми ценностными ориентирами отцов и матерей. Анализ показал, что объективная картина использования работающими родителями времяресурса на занятия с детьми не согласуется с их субъективным мнением о том, что «занятия со своими детьми, их воспитание является самым главным в жизни обоих супругов». При этом большинство работающих отцов и матерей удовлетворены времязатратами и на уход за детьми, и на их воспитание как времяресурсами. Характеристики обеспеченности отцов и матерей другими ресурсами не влияют на их удовлетворённость

© Бессокирная Г. П., 2024

© Большакова О. А., 2024

© Караханова Т. М., 2024

времязатратами. Зафиксирована прямая связь между удовлетворённостью времязатратами на воспитание детей и удовлетворённостью родителей жизнью в целом. Анализ нравственных ориентиров родителей, являющихся нравственной базой для процесса социализации несовершеннолетних детей в семье, показал, что более половины нравственных качеств, относящихся к добродетелям, являются нормой для подавляющего большинства отцов и в несколько меньшей степени – для матерей. Вместе с тем формируется тенденция размывания представлений родителей о качествах добродетелей и антидобродетелей как о норме и отступлении от неё. Кроме того, формируется тенденция, при которой немалая часть родителей, судя по оценкам, не видит положительной жизненной перспективы для своих детей с точки зрения их социальной адаптации, если дети в жизни будут руководствоваться теми же добродетелями, что и сами родители. В первой части статьи анализировались состав, ресурсный потенциал и использование времяресурса родителей по уходу за детьми и их воспитанию. Во второй – нравственные ориентиры и результаты социальной адаптации работающих родителей. Нумерация разделов, таблиц и рисунков сплошная в обеих частях.

Ключевые слова: семья с несовершеннолетними детьми, ресурсный потенциал, нравственные ориентиры, затраты времени на уход за детьми, затраты времени на воспитание детей, удовлетворённость жизнью в целом

Вместо введения

В первой части статьи анализировался состав семей городских жителей по данным Всероссийской переписи населения 2020 года и состав семей работающих горожан с несовершеннолетними детьми по данным собственных исследований за 2003–2020 гг. В качестве ресурсного потенциала родителей рассматривались: уровень образования, религиозная самоидентификация родителей, уровень доходов семьи, а также ценностная ориентированность отцов и матерей на занятия с детьми, их воспитание. В структуре бюджета времени работающих родителей с разными ресурсными характеристиками были выделены реальные времязатраты на уход за детьми и их воспитание и дана оценка их взаимосвязям.

Во второй части статьи будут проанализированы взаимосвязи между объективными показателями времязатрат и субъективными оценками удовлетворённости ими родителей, а также индикаторами социального самочувствия отцов и матерей. Особое внимание сосредоточено на выявлении тех нравственных ориентаций, которые родители стремятся привить своим несовершеннолетним детям. Заключение содержит полные выводы по обеим частям статьи.

Ресурсы, реальное и вербальное поведение родителей в контексте их социальной адаптации к условиям социальных вызовов

Как уже показано в первой части, по мнению абсолютного большинства работающих отцов и матерей, занятия с детьми, их воспитание являются самым главным в жизни обоих супругов (см. табл. 2 и 3). Также подчёркнуто, что выявлено рассогласование между времядеятельностными показателями и вербально

оцениваемой значимостью занятий с детьми для родителей с разными характеристиками ресурсов. Однако реальные затраты времени на уход за детьми и их воспитание существенно дифференцированы в зависимости от характеристик ресурсов родителей. Рассмотрим, каковы оценки удовлетворённости работающих отцов и матерей времяресурсом, расходуемым на занятия с детьми, а также связаны ли эти оценки удовлетворённости с важнейшими показателями адаптации. В таблице 5 приведены оценки удовлетворённости величиной времени на уход за детьми и на их воспитание у работающих родителей в период 2014–2020 гг.

Таблица 5

Удовлетворённость величиной времени на занятия с несовершеннолетними детьми у работающих родителей, 2014–2020 гг., 4+5 баллов, %; индекс

Массивы данных	Удовлетворённость величиной времени на уход за детьми				Удовлетворённость величиной времени на воспитание детей			
	отцы		матери		отцы		матери	
	4+5, %	I	4+5, %	I	4+5, %	I	4+5, %	I
Псков 2019–2020 гг., все работающие	86	4,3	74	4,0	84	4,2	79	4,1
Псков 2014 г., рабочие	74	3,9	62	3,8	72	3,8	62	3,8
Псков 2019–2020 гг., рабочие	82	4,3	77	4,0	81	4,2	82	4,2
Омск 2014 г., рабочие	74	3,9	72	4,1	64	3,9	76	4,1
Омск 2019–2020 гг., рабочие	66	4,1	68	3,8	68	4,1	69	3,8

Примечание. Для измерения удовлетворённости величиной времени, расходуемой родителями на занятия с несовершеннолетними детьми, использована 5-балльная шкала: 1 балл – совершенно не удовлетворён(а); 2 балла – скорее удовлетворён(а), чем удовлетворён(а); 3 балла – частично удовлетворён(а), частично нет; 4 балла – скорее удовлетворён(а), чем нет; 5 баллов – полностью удовлетворён(а). Индекс – средний балл.

В Пскове оценки удовлетворённости времязатратами на уход за детьми и на их воспитание были довольно высокими и у работающих отцов (4,3 и 4,2 балла), и у работающих матерей (4,0 и 4,1 балла). Связи возраста отцов и матерей с оценками времязатрат на уход за детьми весьма слабые. Коэффициенты Крамера¹ соответственно 0,195 (при уровне значимости 8 %) и 0,202 (при уровне значимости 7 %). Однако зафиксирована относительно тесная связь между возрастом родителей и оценками их затрат времени на воспитание детей (коэффициент Крамера 0,221 *). Полностью удовлетворены затратами времени на воспитание детей 50 % родителей в возрасте до 35 лет и 34 % родителей старше 35 лет.

¹ Здесь и далее в тексте статьи указаны уровни значимости коэффициентов Крамера от 5 до 10 %. Уровни значимости коэффициентов Крамера до 5 % включительно обозначаются звёздочками: * – 5 %, ** – 1 %, *** – 0,1 %.

Выявлено, что статистически значимых связей между уровнем образования, материальной обеспеченностью, религиозной самоидентификацией родителей и их оценками удовлетворённости времязатратами на занятия с детьми не наблюдается.

Далее, опираясь на данные таблицы 6, попытаемся ответить на вопрос: как связаны реальные времязатраты родителей на занятия с несовершеннолетними детьми (выбирались только те родители, которые в день опроса имели затраты времени) и оценки удовлетворённости ими матерей и отцов?

Таблица 6

*Затраты времени на занятия с детьми и удовлетворённость ими,
 Псков, 2019–2020 гг., индекс; 1+2 балла, %; 5 баллов, %*

Занятия с детьми	Затраты времени меньше медианы	Затраты времени больше медианы	Затраты времени больше двух медиан	Медиана (минуты в день на участника)
<i>Уход за детьми</i>				
Отцы	4,0 (11 и 51)	4,4 (0 и 52)	4,0 (0 и 0)	40
Матери	3,7 (0 и 15)	4,0 (0 и 28)	4,2 (0 и 33)	45
<i>Воспитание детей</i>				
Отцы	4,4 (0 и 52)	4,2 (7 и 40)	4,1 (12 и 42)	60
Матери	4,1 (0 и 25)	3,9 (13 и 42)	3,3 (43 и 48)	60

Каждый десятый отец не удовлетворён затратами времени менее 40 минут на уход за детьми. А среди тех отцов, кто тратил на уход за детьми более 40 минут, нет ни одного неудовлетворённого (1+2 балла). Однако по мере увеличения расхода времени отцов на уход за детьми от двух медиан их удовлетворённость времязатратами снижается. Это говорит, скорее всего, о желании отцов тратить на уход за детьми не больше 40 минут в день. Примерно такая же закономерность определилась и с удовлетворённостью отцов времязатратами на воспитание детей. По мере увеличения затрат времени растёт доля отцов, неудовлетворённых времязатратами, снижается индекс. То есть по аналогии с уходом за детьми, отцы предпочли бы тратить на воспитание детей не больше одного часа в день.

У матерей затраты времени и на уход за детьми, и на их воспитание существенно выше, чем у отцов (см. табл. 4 в первой части статьи). Их времязатраты на уход за детьми могут быть и меньше медианы, и больше медианы, но матери в любом случае удовлетворены ими в той или иной степени (нет оценок 1+2 балла). Вместе с тем для матерей, видимо, чем больше времени затрачено на уход за детьми, тем лучше: их доля с 5 баллами удовлетворённости почти в два раза выше в случае попадания в группу с времязатратами выше медианы и продолжает расти. А вот с увеличением затрат времени на воспитание детей наблюдается рост и более удовлетворённых, и менее удовлетворённых матерей. Растущую долю менее удовлетворённых матерей, вероятнее всего, можно

толковать как показатель недостаточности времяресурса для осуществления ими деятельности по воспитанию детей.

Во всех временных интервалах затрат времени на занятия с детьми показатели удовлетворённости затратами времени и на уход за детьми, и на их воспитание у отцов выше, чем у матерей. Единственное исключение: индекс удовлетворённости затратами времени на уход за детьми при затратах времени более двух медиан ниже у отцов, чем у матерей.

Вернёмся к данным таблицы 5 о динамике оценок удовлетворённости затратами времени на занятия с детьми у рабочих в Пскове и Омске в 2014–2020 гг. Сравнив эти оценки с данными на рисунке 2 о динамике реальных затрат времени на занятия с детьми, видим, что в Пскове при снижении затрат времени на занятия с детьми и у отцов, и у матерей удовлетворённость ими увеличилась. В Омске же при росте затрат времени на занятия с детьми и у отцов, и у матерей удовлетворённость ими у отцов несколько выросла, а у матерей уменьшилась.

Выяснилось, что субъективные ощущения недостаточности времени в повседневной жизни связаны с удовлетворённостью времяресурсом на занятия с детьми. Об этом свидетельствуют данные, выявившие тесную связь между ответами респондентов на вопрос: «Ощущаете ли Вы в повседневной жизни нехватку времени или, наоборот, у Вас бывает время, которое Вы не знаете, чем занять?»¹ и оценками удовлетворённости затратами времени на уход за детьми (коэффициент Крамера 0,260**) и особенно на их воспитание (коэффициент Крамера 0,282***). Среди отцов и матерей, выбравших вариант ответа «ощущаю нехватку времени очень часто», только 25 и 21 % полностью удовлетворены времязатратами на воспитание детей. При выборе варианта ответа «не ощущаю ни нехватки, ни излишка времени» две трети и отцов, и матерей (67 %) были полностью удовлетворены времязатратами на воспитание детей.

Данные о вербальном поведении отцов и матерей при уменьшении рабочего времени и росте свободного времени позволяют выявить, на какие занятия по преимуществу родители увеличили бы времяресурс. Так, если бы рабочее время значительно сократилось, то большинство отцов (63 %) и матерей (67 %) увеличили бы расход времени на занятия с детьми (в среднем сейчас у родителей 5 % от фонда времени). При возрастании свободного времени (сейчас 12 % от фонда времени) также большинство отцов (73 %) и матерей (84 %) потратили бы его прирост на занятия с детьми.

Анализ динамики благополучия отцов и матерей, имеющих несовершеннолетних детей, осуществлённый по репрезентативным выборкам RLMS HSE за 2004, 2008 и 2019 гг. показал, что субъективное благополучие родителей за эти годы значительно повысилось. Увеличилась доля и отцов, и матерей, которые полностью или скорее удовлетворены своей жизнью и работой в целом [1, с. 63–64].

¹ Шкала: ощущаю нехватку времени очень часто (1); ощущаю нехватку времени изредка (2); не ощущаю ни нехватки, ни излишка времени (3); ощущаю излишек времени изредка (4); ощущаю излишек времени очень часто (5). Никто из респондентов не выбрал последний вариант ответа 5, и только два человека выбрали вариант ответа 4.

Каковы результаты социальной адаптации работающих горожан, имеющих несовершеннолетних детей, к социальным вызовам? Для ответа на данный вопрос привлечём данные об удовлетворённости родителей работой и жизнью в целом. В Пскове в 2019–2020 гг. матери были удовлетворены работой в меньшей степени, чем отцы. Индексы удовлетворённости работой по 5-балльной шкале у женщин 3,4 балла, а у мужчин – 3,8 балла (коэффициент Крамера 0,195, связь статистически значима на уровне 8 %). Две трети отцов (67 %) и более половины матерей (52 %) удовлетворены жизнью в целом. Индексы удовлетворённости жизнью в целом у отцов – 3,7 балла, а у матерей – 3,5 балла. Статической связи между принадлежностью к отцам и принадлежностью к матерям и удовлетворённостью жизнью в целом зафиксировано не было.

Данные таблицы 7 позволяют судить о двух важнейших показателях социального самочувствия рабочих, имеющих несовершеннолетних детей, а также об их динамике за 2014–2020 гг. в Пскове и Омске.

Таблица 7

Динамика важнейших показателей социального самочувствия рабочих, имеющих несовершеннолетних детей, 2014–2020 гг., индекс; 4+5 баллов, %

Место жительства	Удовлетворённость	2014				2019–2020			
		Отцы		Матери		Отцы		Матери	
Псков	...работой	3,5	48	3,5	50	3,8	70	3,3	38
	...жизнью в целом	3,8	61	3,8	64	3,6	61	3,4	47
Омск	...работой	3,3	34	3,4	35	3,4	36	3,5	58
	...жизнью в целом	3,1	38	3,0	38	3,5	51	3,6	54

В 2014 году в обоих городах в рабочей среде связи между принадлежностью родителей к отцам и матерям и двумя важнейшими показателями социального самочувствия не обнаружено. В 2019–2020 гг. связь между удовлетворённостью работой и принадлежностью родителей к отцам и матерям в Пскове наблюдалась, а в Омске нет. Связь между удовлетворённостью жизнью в целом и принадлежностью родителей к отцам и матерям и в Пскове, и в Омске по-прежнему не наблюдалась.

Анализ взаимосвязей между оценками затрат времени на занятия с детьми и показателями социального самочувствия работающих родителей в Пскове выявил, что степень удовлетворённости затратами времени на уход за детьми и на их воспитание не связана с удовлетворённостью работой родителей. В то же время обнаружена слабая связь между удовлетворённостью жизнью в целом и удовлетворённостью затратами времени на уход за детьми (коэффициент Крамера 0,188 при уровне значимости 6 %) и более тесная связь между удовлетворённостью жизнью в целом и удовлетворённостью затратами времени на воспитание детей (коэффициент Крамера 0,218*). Родители, которые удовлетворены затратами времени на занятия с детьми, удовлетворены жизнью в целом в большей степени, чем те, которые не удовлетворены затратами

времени на занятия с детьми. Индексы удовлетворённости жизнью в целом у первых 4 балла, а у вторых – 3,2 балла.

Различия между нравственными ориентирами родителей и установками, прививаемыми ими несовершеннолетним детям

Выше рассмотрены количественные индикаторы времяресурса, выделяемого занятиям с детьми работающими родителями, в зависимости от других располагаемых ими ресурсов. Также мы попытались взглянуть на эти индикаторы как на результат социальной адаптации через анализ удовлетворённости родителей времяресурсом и их социального самочувствия. Вместе с тем при всей значимости величины этого времяресурса важным также является и то, что данное временное пространство наполняется целенаправленной деятельностью родителей по формированию в детях, своего рода, «нравственного фундамента», для чего целесообразно начать с исследования «нравственного фундамента» самих родителей.

Анализ нравственных предпочтений работающих родителей несовершеннолетних детей осуществлялся на основе списка нравственных качеств, использованного нами в исследованиях с 2007 по 2020 гг. Он составлен в русле православной духовно-нравственной традиции и состоит из качеств, относящихся к добродетелям, и качеств, таковыми не являющихся [2, с. 16–17]. В таблице 8 приведены результаты распределения ответов родителей на вопрос «Скажите, пожалуйста, каковы Ваши собственные представления о нравственных нормах и отступлениях от них?» (в таблице содержатся данные только о том, как респонденты видят нравственную норму), а также ответов на вопрос «Какие нравственные качества Вы лично стремились и стремитесь воспитать в Ваших детях?».

Из качеств, относящихся к добродетелям (1–17 позиции), больше половины (с 1 по 9 в порядке убывания) являются нормой для подавляющего большинства (92–82 %) отцов в семьях, состоящих из супружеской пары с детьми (см. табл. 8). У матерей в таких же семьях, во-первых, оценки этих девяти качеств ниже, во-вторых, подавляющим большинством (90–81 %) поддержаны 7 из 9 норм: «верность, честность», «верность семье, детям», «жизнерадостность, оптимизм», «чувство долга...», «отзывчивость, стремление заступиться...», «терпение», «совестливость». Особенно заметно отличаются оценки нравственных норм матерей от оценок отцов по добродетелям – «жить своим трудом» (69 против 89 %), «любовь к Отечеству...» (70 против 82 %). Женатые отцы и замужние матери норму в качествах-добродетелях, расположенных на 10–17 позициях, видят в меньшей степени, чем в первых 9 качествах. Кроме того, отцы больше, чем матери поддерживают нормы: «отдавать лучше...» (49 против 37 %), «потребность делиться...» (69 против 55 %), «довольствоваться тем, что имеешь» (54 против 43 %). А нормы «умение прощать...», «бескорыстие», «мягкосердечие», «скромность» и «религиозная вера» родителями поддерживаются практически одинаково.

Таблица 8

Распределение работающих отцов и матерей в зависимости от отнесения ими нравственных качеств к норме и от их выбора нравственных ориентиров для своих детей, % от числа ответивших

Нравственные качества	Супружеская пара с детьми				Матери с детьми, отцы с детьми			
	Нравственная норма...							
	... для отцов	... которую они хотят привить детям	... для матерей	... которую они хотят привить детям	... для отцов	... которую они хотят привить детям	... для матерей	... которую они хотят привить детям
<i>Качества, относящиеся к добродетелям</i>								
1. Верность, честность	92	33	90	67	83	17	80	53
2. Отзывчивость, стремление заступиться за обиженного	92	27	83	45	80	0	85	42
3. Верность семье, детям	90	40	90	62	83	50	90	58
4. Чувство долга (чувство обязанности выполнять возложенное, данное обещание, «помнить добро»)	89	48	86	55	83	33	85	47
5. Жить своим трудом	89	47	69	45	83	67	80	58
6. Жизнерадостность, оптимизм	87	43	88	40	100	67	90	42
7. Терпение	86	38	81	48	100	17	80	42
8. Совестьливость	86	37	81	40	83	50	85	53
9. Любовь к Отечеству, верность ему	82	33	70	36	67	17	70	32
10. Умение прощать причинённое зло, обиду	79	33	74	40	50	33	70	53
11. Потребность делиться с нуждающимися	69	18	55	33	33	17	85	37
12. Скромность	62	22	64	38	40	0	55	32
13. Мягкосердечие	60	20	67	24	67	17	80	26
14. Религиозная вера	57	15	59	33	50	17	53	10
15. Бескорыстие	56	30	52	26	50	17	60	32
16. Довольствоваться тем, что имеешь	54	22	43	24	33	0	50	47
17. Отдавать лучше, чем брать	49	20	37	21	17	0	40	21
<i>Качества, не относящиеся к добродетелям</i>								
18. Честолюбие	79	32	71	38	67	33	74	37
19. Гордость	51	15	45	26	83	33	30	21
20. Превыше всего – личные интересы	40	8	26	9	33	33	35	16
21. Влечение к деньгам, вещам, зависимость от них	35	7	38	7	17	17	30	10
22. Праздность	22	5	24	7	17	0	15	10
23. Тщеславие	19	3	5	2	18	17	20	0
24. Уныние	19	0	14	0	17	17	15	5
25. Сквернословие	14	3	9	2	0	0	15	10
26. Чревоугодие	13	2	17	7	0	0	30	0
27. Иметь внебрачные связи	13	–	5	–	17	–	25	–

Первые 9 добродетелей из списка нравственных качеств поддерживаются также и большинством отцов из группы «отцы с детьми», хотя их оценки несколько ниже, чем у женатых отцов. В то же время «жизнерадостность, оптимизм» и «терпение» считают нравственной нормой 100 % отцов с детьми, а качество «любовь к Отечеству...» – только 67 % по сравнению с 82 %, поддерживавших эту норму среди женатых отцов. Оценки нормы в списке добродетелей с 10 по 17 в группе отцов с детьми уже существенно ниже, чем у женатых отцов. В этом смысле особенно выделяются качества «отдавать лучше...» (17 против 49 %), «умение прощать...» (50 против 79 %), «потребность делиться...» (33 против 69 %), «скромность» (40 против 62 %), «довольствоваться тем, что имеешь» (33 против 54 %). Явно в целом ниже оценки этих норм у отцов с детьми и по сравнению с матерями с аналогичным семейным статусом. Если степень поддержки матерей первых 9 добродетелей, за исключением 2–3, довольно схожа с поддержкой отцов с детьми, то оценки ими остальных 8 в большинстве своём значительно выше, чем у отцов. Например, оценка нормы «потребность делиться...» у матерей с детьми в 2,5 раза выше, чем у отцов с детьми (и даже в 1,5 и 1,2 раза выше, чем у замужних матерей и у женатых отцов), «отдавать лучше...» и «довольствоваться тем, что имеешь» – в 2,5 и 1,5 раза.

Степень поддержки нравственных качеств, не относящихся к добродетелям (18–27 позиции), родителями из семей, состоящих из супружеской пары с детьми, в разы слабее, чем показал анализ поддержки ими добродетелей. Кроме того, замужние матери воспринимают эти антидобродетели как норму значительно реже, чем женатые отцы. Приведём наиболее полярные оценки родителей по отдельным антидобродетелям. Видят норму в «тщеславии» 19 % отцов и 5 % матерей, «иметь внебрачные связи» поддерживают 13 и 5 %, считают, что в норме «превыше всего – личные интересы» 40 и 26 %. Самую высокую оценку (с большим отрывом от 9 других антидобродетелей) у родителей-супругов получило нравственное качество «честолюбие» (79 и 71 %), хотя оно – своего рода обратная сторона «гордости», в которой видит норму заметно меньшая доля родителей-супругов (см. табл. 8). В целом ещё слабее поддержка антидобродетелей у отцов с детьми и матерей с детьми. Однако у вторых (в отличие от женатых отцов и замужних матерей) оценки 7 из 10 этих качеств выше, чем у первых. Так, особенно впечатляет то, что «чревоугодие» и «сквернословие» как норму не выбрал ни один отец с детьми, но 30 и 15 % матерей с детьми эти качества сочли нормой, также и «иметь внебрачные связи» одобрены 25 % матерей против 17 % поддержки отцов. Ну и «влечение к деньгам, вещам...» матерям с детьми, видимо, больше по душе, чем отцам с детьми (30 и 17 %). А подавляющее большинство (83 %) отцов с детьми в «гордости» видят фактически добродетель, это – самая высокая поддержка данного качества среди всех работающих родителей с детьми.

Результаты факторизации нравственных качеств родителей с детьми по 17 нравственным качествам, которые использовались нами ранее для факторизации нравственных качеств всего работающего населения Пскова [2, с. 20–21] позволяют, с нашей точки зрения, сделать вывод о бóльшей гомогенности

представлений о нравственных нормах и отступлениях у работающих родителей с несовершеннолетними детьми по сравнению со всеми работающими горожанами. Уже при первой попытке факторизации нравственных качеств выделились три компонента (см. табл. 9). Доля полной объяснённой дисперсии составляла 46,0 % (18,4; 15,8; 11,8 по компонентам соответственно).

Таблица 9

Группы нравственных качеств, соответствующие выделенным компонентам

Нравственные качества	Компоненты		
	1	2	3
Влечение к деньгам, вещам...	0,730		
Праздность	0,673		
Превыше всего – личные интересы	0,655		
Иметь внебрачные связи	0,601		
Уныние	0,571		
Чревоугодие	0,570		
Тщеславие	0,542		
Сквернословие	0,523		
Верность, честность		0,752	
Совестливость		0,688	
Чувство долга...		0,683	
Жить своим трудом		0,617	
Терпение		0,564	
Верность семье, детям		0,465	
Довольствоваться тем, что имеешь			0,716
Бескорыстие			0,687
Отдавать лучше, чем брать			0,638

* Для факторизации использован метод главных компонент с вращением варимакс. Внутри компонент нравственные качества расположены по величине факторных нагрузок.

В первой компоненте находятся нравственные качества, которые большинство родителей считают отступлениями от нормы. Нравственные качества, которые вошли во вторую компоненту, наоборот, большинством родителей оцениваются как норма. Все они являются качествами-добродетелями. В третьей компоненте – также качества-добродетели, но не вошедшие во вторую компоненту. Их нормой чаще считают родители, назвавшие себя «верующими». Например, нормой качество «отдавать лучше, чем брать» считают 59 % верующих и 32 % неверующих (коэффициент Крамера 0,265*), а качество «довольствоваться тем, что имеешь» – 64 %

верующих и 40% неверующих (коэффициент Крамера 0,226 на уровне значимости 9%). А также чаще считают их нормой те родители, для которых ценности (из списка ценностей повседневной жизни, предлагавшегося респондентам) «религиозная вера» и «нравственные нормы, мораль» более важны.

При выделении четырёх компонент в структуре нравственных качеств родителей с несовершеннолетними детьми (полная объяснённая дисперсия составила 51,7%) обнаружилось абсолютное совпадение с выделенной ранее 4-компонентной структурой нравственных качеств у всего работающего населения Пскова.

Анализ представлений о норме по 6 качествам, относящимся к добродетелям (2 компонента, см. табл. 9), у верующих и неверующих родителей-супругов с детьми показал, что сильных различий в отнесении к норме среди одних и других – нет. «Чувство долга...», «верность семье, детям» и «верность, честность» верующие оценивают несколько выше (94 против 83%; 92 против 89% и 95 против 91%). Вместе с тем, качество «превыше всего – личные интересы» (1 компонента, см. табл. 9) как норму оценили 19% верующих (40% – отступление от нормы, 40% – затруднились ответить), среди неверующих таких оказалось 41% (33% – отступление от нормы). А вот по добродетели «жить своим трудом» – картина обратная: 76 против 83%. Кроме того, 5% верующих отнесли её к отступлению от нормы и 19% – затруднились с оценкой.

Остановимся на анализе динамики за 2007–2020 гг. представлений родителей с несовершеннолетними детьми не только о нравственной норме, но и отступлении от неё. Представления подавляющего большинства (81–89%) родителей о 5 из 6 качеств-добродетелей (2 компонента, см. табл. 9) как о норме остаются стабильными. Только 5–8% родителей считают отступлением от нормы «чувство долга...», «верность, честность», «жить своим трудом», «терпение», «совестливость». Наблюдается снижение поддержки родителями нормы «бескорыстие» (с 67 до 55%) и увеличение доли тех, кто видит в этом качестве отступление от нормы (с 12 до 24%). И всё же для большинства родителей «бескорыстие» остаётся нормой. Вместе с тем, почти вдвое сократилась (с 61 до 32% и с 60 до 37% соответственно) доля родителей, относящих качества «превыше всего – личные интересы» и «влечение к деньгам и вещам...» к отступлению от нормы, к ним можно добавить «праздность» (снижение на 6%), «чревоугодие» (на 13%), «уныние» (на 14%), «тщеславие» (на 15%), «иметь внебрачные связи» (на 16%), «сквернословие» (на 27%!)). Однако у более половины родителей сохраняется сравнительно «высокая планка» (как и у всех работающих горожан) в отнесении качеств «иметь внебрачные связи» «сквернословие», «уныние», «чревоугодие» к отступлениям от нормы.

Тем не менее, направленность динамики нравственных ориентиров у родителей с несовершеннолетними детьми свидетельствует, что в данной группе формируется, как и среди работающих горожан в целом, тенденция размывания представлений о качествах-добродетелях и антидобродетелях как о норме и отступлении от неё [2, с. 21–22)]. Всё это вызывает тревогу.

Однако признавать нравственную норму в конкретных качествах не означает того, что человек, признающий нормы, следует им в своей жизни. Родители несовершеннолетних детей в процессе внутрисемейного воспитания не могут не транслировать свои нравственные ориентиры детям, в том числе и личным примером, в котором эти предпочтения и реализуются. Наши данные позволяют в какой-то степени охарактеризовать направленность нравственных ориентиров, прививаемых детям родителями (желали бы привить) и, таким образом, выявить, насколько отцы и матери, как минимум, готовы следовать вербально декларируемым нравственным ориентирам. Если первые 9 качеств в списке добродетелей принимаются подавляющим большинством родителей из семей, состоящих из супружеской пары с детьми, как норма, то в своих детях их хотели бы видеть в среднем в 1,5–2,0 раза меньше отцов и матерей (см. табл. 8). В ещё меньшей степени родители желают, чтобы их дети руководствовались остальными 8 добродетелями. К качествам-добродетелям, которые меньшинство отцов из семей такого статуса хотели бы «оставить в употреблении» для своих детей, в первую очередь, относятся «религиозная вера» (15 %), «потребность делиться...» (18 %), «отдавать лучше...» (20 %), «мягкосердечие» (20 %), «довольствоваться тем, что имеешь» (22 %), «скромность» (22 %), «отзывчивость, стремление заступиться...» (27 %), «бескорыстие» (30 %). Среди матерей поддержка этих качеств всё же выше, соответственно, 33, 33, 21 и 24 %; 24, 38, 45 и 26 % (см. табл. 8). Аналогичная особенность наблюдается и в группах отцов с детьми и матерей с детьми. У первых по 4 из 8 вышеперечисленным позициям – «0», по остальным – 17 %, а вторые хотели бы привить детям эти качества в большей степени, чем отцы с детьми и даже чем замужние матери, особенно по позиции «довольствоваться тем, что имеешь» (47 %) «отзывчивость, стремление заступиться...» (42 %) и «потребность делиться...» (37 %). Вместе с тем, видеть верующими своих детей желали бы всего 10 % незамужних матерей, это – самый низкий показатель среди работающих родителей с детьми. Ранее мы отмечали, что в 2003–2004 гг. (Псков, Саратов, Смоленск) в семьях верующих родителей насчитывалось (по оценкам родителей) 75 % верующих детей, в 2007–2008 гг. – 80 %, в 2019–2020 гг. – 78 % [2]. Таким образом, 10 % незамужних матерей, скорее всего, из числа этих верующих родителей.

По данным межстранового сравнения (Всемирное исследование ценностей и Европейское исследование ценностей, 1990–1991 и 2017–2020 гг., 34 страны) родительские ценности в России, по сравнению с другими странами, были довольно стабильными. Средний размер сдвигов частот для родительских ценностей (которые хотят для своих детей) в российской выборке составляет 7 % [3, с. 43]. Вместе с тем трудно согласиться с утверждением автора вышеприведённого вывода о том, что «вопреки усилиям государства по актуализации традиционных ценностей» наблюдается процесс перехода россиян от социально ориентированных к индивидуалистическим ценностям, а также с тем, что в том же направлении развиваются родительские ценности [3, с. 45].

Адаптация к внешним условиям диктует родителям необходимость выбора ориентиров для принятия решений в вопросах воспитания детей. Заслуживают внимания оценки трудностей в воспитании детей. По нашим данным, в 2003 году «нехватку денег» как главную трудность отметили 42 % опрошенных в трёх областных центрах. В 2007 году доля родителей, выбравших такой вариант ответа, в этих же городах составляла 34 %. На «отрицательное влияние СМИ» указали, соответственно по годам – 35 и 21, на «неполную семью» – 13 и 8, на «отсутствие религиозного воспитания в семье» – 2 и 1 %. Необходимо подчеркнуть, что одним из препятствий к рождению детей работающие родители видят в том, что сегодня «очень трудно воспитать нравственно здоровых детей»: 11 % в 2007 году. К настоящему времени ситуация в этом смысле вряд ли могла улучшиться. Однако значительная часть родителей всё-таки понимают, насколько важен нравственный аспект воспитания детей. Отвечая на вопрос «Отчего зависит духовно-нравственное состояние общества?», и в 2003, и в 2007 гг. 55 и 44 % опрошенных родителей в трёх областных центрах РФ согласились с мнением, что «от духовно-нравственного климата в семье». А в 2014 году от 47 до 70 % опрошенных на промышленных предприятиях в пяти областных центрах РФ выбрали вариант ответа «нравственное состояние общества зависит от того, как мы воспитаем наших детей».

Выводы

Динамика времяресурса, расходуемого на занятия с детьми, у работающих городских жителей, имеющих несовершеннолетних детей, показала его сокращение в период с 2007–2008 по 2019–2020 гг. У отцов снижение этих времязатрат происходило на фоне роста недельной продолжительности оплачиваемого труда, у матерей их более значительное уменьшение зафиксировано при мало сократившемся времени оплачиваемого труда. Одним из факторов, обусловившим такую направленность динамики реального поведения родителей, является снижение для них (отражённой в вербальных оценках) важности занятий с детьми.

Характеристики ресурсов родителей оказывают определённое влияние на величину времязатрат по уходу за детьми и их воспитанию, но на оценки удовлетворённости величиной этих времязатрат (которые относительно высокие) существенно не влияют. При том полностью удовлетворены затратами времени на уход за детьми и их воспитание менее половины родителей. Наряду с этим разрыв в расходе времени на занятия с детьми между отцами и матерями заметно сократился в 2019–2020 гг. по сравнению с 2007–2008 гг. Оценки удовлетворённости времязатратами на воспитание детей тесно связаны с оценками удовлетворённости жизнью в целом как показателем социального самочувствия. Родители, которые удовлетворены затратами времени на занятия с детьми, удовлетворены жизнью в целом в большей степени, чем те, которые не удовлетворены этими времязатратами.

Количественные показатели времяресурса и содержание деятельности родителей по уходу за детьми и их воспитанию дополнены анализом нравственных ориентиров родителей, которые являются нравственной базой для процесса социализации несовершеннолетних детей в семье. Из качеств, относящихся к добродетелям, больше половины являются нормой для подавляющего большинства отцов. У матерей степень поддержки этих качеств ниже. Качества, не относящиеся к добродетелям (антидобродетели), родители расценивают как норму в гораздо меньшей степени, чем качества-добродетели. Замужние матери воспринимают эти антидобродетели как норму значительно реже, чем женатые отцы. Анализ динамики нравственных ориентиров показал, что для большинства родителей «бескорыстие» остаётся нормой, а у более половины отцов и матерей сохраняется сравнительно «высокая планка» (как и у всех работающих горожан) в отнесении качеств «иметь внебрачные связи» «сквернословие», «уныние», «чревоугодие» к отступлениям от нормы. Тем не менее, направленность динамики нравственных ориентиров у родителей свидетельствует о том, что формируется тенденция размывания представлений о качествах-добродетелях и антидобродетелях как о норме и отступлении от неё. В этом контексте выявлено, что доля отцов и матерей, желающих привить своим детям стремление руководствоваться качествами-добродетелями (которые подавляющим большинством родителей воспринимаются как норма), в 1,5–2 раза меньше, чем доля отцов и матерей, поддерживающих эти нормы. Данная тенденция не складывается за год, она, скорее всего, является накопленным отрицательным результатом социальной адаптации работающих городских жителей с несовершеннолетними детьми. Немалая часть родителей, судя по оценкам, не видит положительной жизненной перспективы для своих детей, с точки зрения их социальной адаптации, если дети в жизни будут руководствоваться теми добродетелями, которые отцы и матери воспринимают как норму. Вместе с тем в среде родителей есть мнение, что «нравственное состояние общества зависит от того, как мы воспитаем наших детей».

Представляется, что на эффективность мер демографической политики в немалой степени положительно влияет нравственный климат в семье, где формируются поколения будущих родителей с позитивными установками не только на деторождение, но и на воспитание нравственно здоровых детей. В обществе, с нашей точки зрения, необходимо менять положение, при котором отцы и матери имеют оплачиваемый труд одинаковой длительности или, ещё хуже, когда у матери его длительность больше, чем у отца. Было бы целесообразно усилить пропаганду среди населения, особенно молодого поколения (прежде всего, через СМИ, социальные сети), идеи о том, что главная самореализация женщины лежит в сфере рождения и воспитания детей, которая, в свою очередь, не может быть успешной без укоренения в общественном сознании понятия «ответственное отцовство», тем более, что то и другое – в русле отечественной нравственной традиции и являются признаками проявления истинного патриотизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гурко Т. А. Динамика благополучия отцов и матерей, имеющих несовершеннолетних детей // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3. С. 59–72. DOI 10.19181/snsp.2021.9.3.8433. EDN RVSCGB.
2. Бессокирная Г. П., Большакова О. А., Караханова Т. М. Опыт исследования духовно-нравственного состояния российского общества // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 6–36. DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.1. EDN LCMOLE.
3. Окольская Л. А. Российские родительские ценности в межстрановом контексте с 1990–1991 по 2017–2020 гг. // Социологический журнал. 2021. Т. 27, № 4. С. 32–52. DOI 10.19181/socjour.2021.27.4.8643. EDN RWA AVR.

Сведения об авторах

Г. П. Бессокирная

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 1426-2373

О. А. Большакова

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 8415-8760

Т. М. Караханова

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: 7189-1167

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 07.07.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 28.10.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.7

URBAN FAMILY WITH MINOR CHILDREN: RESOURCES, MORAL GUIDELINES AND SOCIAL ADAPTATION OF WORKING PARENTS. PART TWO

Galina Petrovna Bessokirnaya¹
Olga Aleksandrovna Bolshakova²
Tatiana Murtazaevna Karakhanova³

^{1, 2, 3} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ gala@isras.ru,
ORCID 0000-0001-7099-7772
² baolga7@rambler.ru,
ORCID 0000-0003-2501-6001
³ patruhev@isras.ru,
ORCID 0000-0002-6497-9188

For citation: Bessokirnaya G. P., Bolshakova O. A., Karakhanova T. M. Urban family with minor children: resources, moral guidelines and social adaptation of working parents. Part two. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):124–140. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.7).

Abstract. The article presents the results of studying the daily activities of working parents in the field of caring for minor children and their upbringing. Data from monitoring studies of the daily activities and time budget of urban residents carried out during 1986–2020 were used. The composition of families with children is considered and the resource characteristics of parents are analyzed, which turned out to be very similar for fathers and mothers. The relationship of parents' time spent on caring for children and their upbringing with parents' belonging to fathers and mothers, with their age, level of education, religious identity and income level in parents' families, as well as with some value orientations of fathers and mothers, is investigated. The analysis showed that the objective picture of working parents using time resources for activities with children does not agree with their subjective opinion that “activities with their children, their upbringing is the most important thing in the life of both spouses”. At the same time, most working fathers and mothers are satisfied with the time spent both on caring for children and on their upbringing as time resources. The characteristics of the provision of fathers and mothers with other resources do not affect their satisfaction with time spent. There is a direct relationship between satisfaction with the time spent on raising children and parents' satisfaction with life in general. An analysis of the moral guidelines of parents, which are the moral basis for the process of socialization of minor children in the family, has shown that more than half of the moral qualities related to virtues are the norm for the vast majority of fathers and to a somewhat lesser extent for mothers. At the same time, there is a tendency to blur parents' ideas about qualities-virtues and anti-virtues as a norm and deviation from it. In addition, a trend is emerging in which, judging by estimates, a considerable part of parents do not see a positive life prospect for their children, in terms of their social adaptation, if children in life are guided by the same virtues as the parents themselves. The first part in the article analyzed the composition and resource potential and the use of time resources of parents for child care and upbringing. The second part is about the moral guidelines and the results of social adaptation of working parents. The numbering of tables and figures is continuous in both parts.

Keywords: family with minor children, resource potential of fathers and mothers, moral guidelines, time spent on child care, time spent on raising children, life satisfaction in general

REFERENCES

1. Gurko T. A. Dynamics of well-being of fathers and mothers with minor children. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2021;9(3):59–72. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8433](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8433).
2. Bessokirnaya G. P., Bolshakova O. A., Karakhanova T. M. The experience of researching the spiritual and moral state of Russian society. *Sociological science and social*

practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2023;11(3):6–36. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.1).

3. Okolskaya L. A. Russian parental values in an inter-country context from 1990–1991 to 2017–2020. *Sociological Journal=Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2021;27(4):32–52. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2021.27.4.8643](https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.4.8643).

Information about the Authors

G. P. Bessokirnaya

Candidate of Economics,
Senior Researcher

ResearcherID: [T-9819-2018](https://orcid.org/0009-0001-9819-2018)

Scopus AuthorID: [6504478999](https://orcid.org/0009-0001-9819-2018)

O. A. Bolshakova

Candidate of Sociology,
Senior Researcher

ResearcherID: [T-6194-2018](https://orcid.org/0009-0001-6194-2018)

T. M. Karakhanova

Candidate of Economics,
Leading Researcher

ResearcherID: [U-1727-2018](https://orcid.org/0009-0001-1727-2018)

Scopus AuthorID: [6503934394](https://orcid.org/0009-0001-1727-2018)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 07.07.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 28.10.2024.

УДК 316.4
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.8
EDN: SZBNWX

Научная статья

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ АДАПТАЦИОННЫХ ПРАКТИК (НА ПРИМЕРЕ ПРИРОДОСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ)

Анна Евгеньевна Зорина

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
annacur@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-6619-4835

Для цитирования: Зорина А. Е. Наставничество как ресурс формирования социальных адаптационных практик (на примере природосберегающего поведения) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 141–155. DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.8. EDN SZBNWX.

Аннотация. Исходным положением анализа, предпринятого в статье, является утверждение о том, что одним из способов передачи социального опыта в границах концепции адаптации можно считать наставничество, которое выступает ресурсом процесса вхождения в пространство социальных и профессиональных отношений. Проблемой для научного социологического анализа выступает выявление наличия и особенностей экологических практик субъектов-наставников – родителей и педагогов – и тех, на кого должен быть ориентирован процесс наставничества. Эмпирической базой анализа являются данные репрезентативного социологического опроса населения России из многолетнего исследовательского проекта мониторингового типа. Данные показывают, что подростки применяют в своей повседневной жизни природоохранные практики, ориентируясь на семейный опыт в большей степени, чем на опыт наставников-педагогов. Слабая эффективность наставничества в направлении формирования практик осознанного экологического поведения связана с тем, что эти практики не реализуются самими педагогами-наставниками. Более того, ситуация с экологическими практиками отражает общее положение с влиянием наставничества на формирование практик адаптации к социальной среде, что, в свою очередь, обусловлено спецификой социального самочувствия самих наставников.

Ключевые слова: социальный опыт, концепция адаптации, наставничество, адаптивность, социальные практики, природо- и здоровьесберегающее поведение

Введение

Процесс социализации личности осуществляется во всех сферах общественной жизнедеятельности. Освоение социального опыта и знаний, накопленных человечеством, навыков жизни в обществе, умений формировать социальные практики предполагает наличие готовности индивида к социальной адаптации,

---

© Зорина А. Е., 2024

к взаимодействию с изменениями жизненной среды. Одним из способов передачи социального опыта в границах концепции адаптации можно считать наставничество, которое выступает ресурсом процесса вхождения в пространство социальных и профессиональных отношений. Понимаемое как процесс передачи опыта и знаний от старших к младшим членам общества¹, наставничество осуществляется как в семье, так и в образовательной и трудовой сферах, которые опосредуют формирование личностных позиций относительно институциональной среды.

Субъектами-носителями наставничества в семье выступают родители и близкие родственники, в сфере образования – педагоги.

Согласно Указу Президента РФ, 2023 год был объявлен Годом педагога и наставника². Миссия Года сформулирована как признание особого статуса педагогических работников, а именно тех, кто осуществляет наставническую деятельность.

Наставничество считается особой средой именно в образовательной нише, предполагающей опору на реальный опыт, лидерские качества и содействие в развитии доверенной аудитории. Известный подвижник в области педагогической науки и практики Марина Петровна Гурьянова³ продвигает идею социальной педагогики как теоретического фундамента воспитания подрастающего поколения, основанного на «методологической базе... социально-педагогического, аксиологического и акмеологического подходов» [1, с. 32].

В этом контексте педагог-наставник рассматривается как некий универсальный специалист, который владеет методами не только классического обучения (передачей знаний), но и научно-практическими навыками⁴.

Наставничество в школе предполагает развитие личности исключительно на добровольной основе посредством привлечения школьников к участию во внеурочной деятельности: соревнованиях, научно-исследовательской деятельности. Результатом этого процесса может быть как решение ряда проблем, таких как: улучшение посещаемости, повышение активности на занятиях, успеваемости отдельных учащихся, так и всестороннее развитие учащегося либо более углублённое обучение в рамках конкретной образовательной траектории, либо личностное развитие. Формирование различных практик адаптации

¹ Наставничество // Большая российская энциклопедия : сайт. URL: <https://old.bigenc.ru/education/text/2250895> (дата обращения: 27.05.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2022. № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» // Официальное опубликование правовых актов : сайт. 27.06.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003> (дата обращения: 27.05.2024).

³ Гурьянова М. П. – доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией содержания и технологий социально-педагогической деятельности с детьми и семьями ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования».

⁴ Какова роль педагога-наставника в учебном заведении? // DissHelp : сайт. URL: <https://disshelp.ru/blog/kakova-rol-pedagoga-nastavnika-v-uchebnom-zavedenii/> (дата обращения: 27.05.2024).

к социальной среде тоже относится к компетенции педагога-наставника. Понятие практики методологи социологии (более всех – П. Бурдьё, Э. Гидденс, Г. Гарфинкель) вводили как инструмент анализа способов функционирования и воспроизводства повседневности через опривыченный, рутинный порядок действий. Анализ «биографии» понятия практик в социологии и философии в задачи статьи не входит, по этой теме имеются серьёзные исследования (см.: [2]). Для целей нашего анализа в статье используется рабочее понятие практики в контексте адаптационного подхода. Практики как реальность бытия всех сфер социальной жизни обеспечивают как стабильность, так и адаптацию к новым условиям, процессам, обстоятельствам. Апробованные в процессе адаптации к необычным условиям удачные действия становятся практиками. Социальные практики как один из инструментов социализации можно типологизировать и разложить по видам. Широко используется в педагогической науке следующая типологизация социальных практик: «педагогические, культурные, бытовые, медицинские, трудовые» [3, с. 4].

Сфера образования – это социокультурное пространство, адаптация в котором предполагает формирование у обучающегося социокультурных средств (способов и методов) активного взаимодействия и сильного преобразования не только образовательной сферы социокультурной среды, но и всего социального пространства посредством практик.

В настоящее время образование рассматривается как важнейшая и одна из самых сложных социализационных сфер, обеспечивающих реализацию адаптационной функции обучающихся к новым реалиям. Внутри этой формы существуют разные уровни практик. Таким образом, наставничество как одна из этих форм, учитывая взаимосвязь познавательного и волевого, обеспечивает освоение социокультурного пространства в ходе реализации различных проектов [4].

Практики сбережения природных и социальных ресурсов тоже являются частью социокультурных практик и представляют «набор взаимосвязанных компонентов когнитивного, ценностно-мотивационного и поведенческого (эмоционально-деятельностного) характера, отражающих состояние конкретного аспекта общественных отношений, основанного на взаимовлиянии природной, искусственной и социокультурной сред» [5, с. 274].

Чаще всего они направлены на формирование экологического сознания и опыта деятельности. Среди особенностей экологических практик выделяют экологическое просвещение, образование и воспитание, развитие осознанного, ответственного личного поведения во взаимодействии «человек-природа» и «человек-человек», решение задач в процессе практической природоохранной деятельности. Всё это имеет место в образовательном процессе, в который удачно вписывается и элемент наставничества.

Наставничество в экологических практиках способствует освоению экологических норм и образцов деятельности (поведения), получению опыта работы, способствующего достижению предметных, метапредметных и личностных

результатов в образовательном процессе, приобретению опыта проектной деятельности¹.

Экопросветительская практика, целью которой является экологическое просвещение и воспитание населения, а именно – распространение знаний, умений, навыков в сфере практической экологической деятельности, а также формирование норм, ценностей и образцов экологического поведения, также считают разновидностью экологических практик.

Результат экопросветительской практики должен проявиться в распространении экологической грамотности среди населения и в развитии экологической культуры и сознания, в привлечении внимания людей к проблемам окружающей среды и необходимости снижения негативного влияния человеческой деятельности.

Кроме того, практики экологического просвещения направлены на повышение солидарности и социального самочувствия людей, способствуют повышению институционального доверия, могут решать актуальные задачи патриотического воспитания подрастающего поколения, сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, по мнению Российского общества «Знание»².

В рамках экологических просветительских практик наставничество играет неоценимую роль. Оно является эффективным инструментом по изменению поведения людей личным примером в сторону более ответственного образа жизни, в том числе уменьшения использования производственных ресурсов и снижения уровня выбросов вредных веществ в атмосферу.

Примерами проведения подобных практик в нашей стране могут выступать³:

- организация экологических лагерей для подростков и молодёжи;
- организация семинаров и курсов по экологии;
- формирование сообществ, которые занимаются очисткой и благоустройством территорий;
- разработка экологических программ для школ и университетов;
- организация конференций и форумов.

Исследователи (Е. И. Медведева, С. В. Крошилин, Т. Г. Авачева) предлагают продвижение экоидей и привнесение экологических практик через учащихся посредством экоуроков, конкурсов, выставок. Совместный формат работы

¹ Угрюмова Е. А. Организация экологических практик в урочной и внеурочной деятельности // Открытый урок. Первое сентября : сайт. 20.12.2021. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/690680> (дата обращения: 28.05.2024).

² Более подробно с практиками можно ознакомиться на сайте Российского общества «Знание» в материалах мероприятия «Просветительский материал в сфере экологии». (URL: <https://znanierussia.ru/events/prosvetitel'skij-material-ob-uchastii-molodezhnyh-organizacij-v-z-1311>). Сборник эколого-просветительских практик и форм поддержки данных практик.

³ Информация взята с сайта Общественной палаты Нижегородской области, см.: Экологические просветительские практики – что это? // Общественная палата Нижегородской области : сайт. 28.06.2023 URL: <https://opno52.ru/greenlight/practices/tpost/vflle6f81-ekologicheskie-prosvetitel'skie-praktiki> (дата обращения: 28.05.2024).

будет способствовать повышению информационно-экологической грамотности населения и закреплению нужных принципов экоповедения. Основываясь на своём исследовании, авторы делают выводы о том, что российская молодёжь стала более осознанно относиться к решению экологических вопросов, отмечают позитивный тренд изменения экологического поведения в молодёжной группе, подчёркивают, что молодёжь способна оценивать риски, проблемные аспекты экологической обстановки, предлагать решения и реализовывать свои инициативы в этой области [6, с. 255].

В настоящее время, согласно исследованию ВЦИОМ¹, экологическая ситуация внутри страны воспринимается с бóльшим оптимизмом, чем за её пределами. Хотя существенных изменений в оценках экологической ситуации исследователям не удалось зафиксировать.

За период с 2020 по 2023 г. восприятие россиянами экологической ситуации улучшалось на уровне страны (в 2020 году 4 и 5 баллов ставили 21 % респондентов, в 2023 году – 34 %, а индекс вырос с 43 до 50 пунктов) и своего региона (2020 год – 4 и 5 баллов ставили 36 % респондентов, 2023 год – 46 %, индекс вырос с 49 до 56 пунктов), но в 2024 году этот рост приостановился².

Среди ответственных за ухудшение экологической ситуации первое место респонденты отдают самим себе (42 %). Начиная с более ранних исследований, в этом пункте виден рост (в 2021 году – 38 %, в 2023 году – 41 %). Вторая, третья и четвёртая позиции были отведены респондентами местной власти (27 %), региональной власти (23 %), специальным надзорным органам (20 %) соответственно. В меньшей степени ответственность возлагается на федеральные власти (13 %) и крупную промышленность (16 %)³.

Только 27 % наших сограждан считают, что большинство людей в России делают достаточно для решения экологических проблем, 68 % полагают, что большинство скорее ничего для этого не делают.

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) специально для Экологического форума РСПП представляет результаты мониторингового опроса, посвящённого общественному восприятию экологической ситуации в России. Данное исследование было проведено по заказу Комитета по экологии РСПП. Более подробно с результатами можно ознакомиться на сайте ВЦИОМ: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-2>. Всероссийский телефонный опрос по заказу Комитета по экологии РСПП проводился 26–29 января 2024 г., в нём приняли участие 1661 россиянин в возрасте от 18 лет. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлечённой из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо погрешности, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

² Данные опроса взяты с сайта ВЦИОМ, см.: Экологическая ситуация в России: мониторинг // ВЦИОМ: сайт. 06.02.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-2> (дата обращения: 29.05.2024).

³ Там же.

При этом более половины россиян (58 %) декларируют, что за последний год они или члены их семей делали что-то для решения экологических проблем (38 % – ничего не делали).

По результатам исследования ВЦИОМ 2024 г. наши сограждане активно внедряют в свою жизнь экологические практики. Большинство говорят о том, что экономят энергию (74 %), шесть из десяти участвуют в субботниках и благоустройстве территорий (60 %), экономят воду (58 %) и придерживаются рационального потребления (57 %). Около половины заявляют, что соблюдают правила и законы по рыбной ловле, охоте и сбору диких растений и грибов (46 %), 44 % граждан декларируют сортировку отходов. Каждый третий сообщил также, что инициирует или поддерживает местные экологические акции (33 %), а каждый четвёртый сократил пользование личным автомобилем (24 %).

Но по сравнению с 2021 годом есть некоторый спад: 84 % опрошенных стараются всегда использовать энергосберегающие лампочки (74 % – в 2024 году), 76 % экономят в быту воду (58 % – в 2024 году), 45 % сортируют бытовой мусор (44 % – в 2024 году), 41 % стараются не использовать личный автотранспорт (24 % – в 2024 году)¹.

Зафиксированная исследованиями ситуация позволяет сформулировать проблему для научного социологического анализа, а именно: выявление наличия и особенностей экологических практик субъектов-наставников – родителей и педагогов – и тех, на кого должен быть ориентирован процесс наставничества.

Эмпирическая база, методика формирования целевых групп и анализа данных

Эмпирической базой анализа являются данные репрезентативного социологического опроса населения России из многолетнего исследовательского проекта мониторингового типа².

Из общего массива (18 237 человек – полная выборка) были выделены несколько целевых совокупностей. Первую группу, численностью 792 респондента, составили подростки в возрасте 14–17 лет. Во вторую группу вошли работники сферы образования, численный состав группы – 844 респондента. Третья группа была сформирована из респондентов, являющихся родителями несовершеннолетних детей. Она самая многочисленная и включает в себя 4636

¹ Для сравнения использовались данные опроса ВЦИОМ за 2021 год, см.: Экологичные практики в жизни россиян // ВЦИОМ : сайт. 28.09.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologichnyye-praktiki-v-zhizni-rossijan> (дата обращения: 29.05.2024).

² Использована база 27-й «волны» «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 25.05.2024).

респондентов. Формирование именно таких целевых совокупностей позволит осуществить сравнительный анализ и получить представление о том, на чей опыт и повседневные экологические практики ориентируются подростки.

Дадим краткую характеристику каждой из групп.

Первую группу назовём «*подростки*». В ней доли мужчин и женщин практически равны: 49,5 % мужчин и 50,5 % женщин. По территориальному признаку распределение следующее: большинство респондентов из областных центров – 38,3 %, чуть меньше трети – из города или села (27,4 и 28 % соответственно), в посёлках городского типа проживают 6,3 % подростков.

В этой группе преобладают респонденты с «незаконченным средним образованием» (46,2 %) и «незаконченным средним плюс что-то ещё» (45,8 %). Доли респондентов, имеющих законченное среднее и среднее специальное образование, составляют 5,9 и 0,3 % соответственно. Были зафиксированы и те, кто закончил 6 классов, их доля – 1,8 %.

Вторая группа получила условное название «*наставники*». В данной группе доля женщин значительно преобладает над долей мужчин (86,4 % к 13,6 %), что отражает распределение по стране в целом. Согласно анализу Высшей школы экономики, доля женщин в российской сфере образования достигает 82 %. Больше всего женщин в начальной и средней школе – почти 89 %. А вот в вузах доля сотрудников-женщин заметно ниже – 57,5 %, при этом руководящие посты чаще всего занимают мужчины¹.

Большинство респондентов имеют законченное высшее образование (56,2 %), чуть меньше четверти – законченное среднее специальное (23,5 %), 16,9 % заявили о среднем образовании, а доля, имеющих незаконченное среднее, составляет 3,4 %.

Согласно территориальному распределению, большинство опрошенных из областных центров – 38,9 %, чуть меньше трети – из города и села (26,9 и 27,5 % соответственно), из посёлков городского типа – 6,3 % респондентов.

Третья группа получила название «*родители*», так как входящие в неё респонденты имеют на своём иждивении несовершеннолетних детей. Гендерное распределение в этой группе: 45 % мужчин и 55 % женщин.

Доля респондентов, имеющих высшее образование, – 37 %, законченное среднее и среднее специальное – 29,5 и 22,9 % соответственно, незаконченное среднее образование у 10,5 % респондентов, а 0,2 % закончили только 6 классов.

40,8 % респондентов проживают в областных центрах, в городах – 29,2 %, в сёлах – 23,8 % и 6,2 % респондентов проживают в посёлках городского типа.

Далее анализ производился для этих трёх целевых групп: подростки, наставники, родители. Методическое допущение того, что подростки и родители относятся к одним семьям, достаточно оправдано, поскольку мониторинговый

¹ Более подробно см.: «Места занимают женщины». ВШЭ проанализировала гендерный состав сферы образования // Рамблер: сайт. 07.03.2020. URL: <https://news.rambler.ru/education/43808555-mesta-zanimayut-zhenschiny-vshe-proanalizirovala-gendernyy-sostav-sfery-obrazovaniya/> (дата обращения: 29.05.2024).

опрос проводился в домохозяйствах и анкету взрослого заполняли как родители, так и их дети в возрасте 14–17 лет. Безусловно, соотнести учащихся и педагогов не представляется возможным напрямую, но получить надёжное представление о распространённости и характере экологических практик в сообществе педагогов на данных опроса вполне реально для выполнения поставленной задачи. Набор переменных для сравнительного анализа определён теми возможностями, которые имеются в инструментарии опроса. Стратегия анализа разведывательная, задачей является сравнение сформированных целевых групп по нескольким показателям, которые в представлении автора могут оказывать влияние на формирование природоохранных практик. Основой для сравнения примем данные о тех экологических практиках, которые реализуют респонденты из трёх целевых групп; далее проанализируем, есть ли различия между группами в декларируемых респондентами стратегиях действий в ситуации вреда природе и здоровью, реакциях и действиях в проблемных ситуациях, в самооценках адаптивности и ресурсов адаптации к изменениям среды. Интерес представляет выявление сходства и различий в перечисленных установках и оценках и наставляемых, и наставников.

Результаты исследования.

Начать логично с основного для дальнейшего анализа распределения данных относительно применяемых респондентами трёх целевых групп экологических практик (табл. 1).

Таблица 1

*Экологические практики, применяемые респондентами
в повседневной жизни, % / ранг*

Практики	Целевые аналитические группы		
	Подростки	Наставники-педагоги	Родители
Экономят электроэнергию	44,1 / II	69,3 / I	59,3 / I
Участвуют в субботниках по уборке территории	48,1 / I	62 / III	41,5 / IV
Экономят воду	40,2 / IV	66,6 / II	55,3 / II
Экономят бумагу	26,1 / V	46,6 / V	31,9 / V
Сдают экологически вредные отходы, например: аккумуляторы, батарейки, градусники в пункты приёма	9,7 / VII	18,2 / VI	15 / VI
Фильтруют сами или используют воду из бутылок	40,9 / III	51,1 / IV	50,1 / III
Повышают уровень своих знаний в вопросах охраны окружающей среды	21,4 / VI	7 / VIII	12,6 / VII
Участвуют в митингах, экологических акциях	2,8 / IX	3,6 / IX	1,8 / IX
Сообщают в соответствующие инстанции об обнаруженном вреде природе	4,3 / VIII	11,1 / VII	7,5 / VIII

Данные показывают, что подростки применяют в своей повседневной жизни природоохранные практики, ориентируясь преимущественно на семейный опыт. Очевидно, что педагогам-наставникам надо искать более адекватные методы и способы продвижения своего практического опыта воспитанникам. Именно продвижение личных реальных практик более лекционного материала способствует научению подрастающего поколения создавать личные практики адаптации к изменениям среды, в частности и через активное участие молодых людей в природоохранной деятельности.

Влияние на формирование последних трёх практик из перечня в таблице 1 находится в компетенции педагогов-наставников и данные показывают, что адаптационные практики в этом направлении не реализуются самими педагогами-наставниками и не продвигаются подросткам.

Самыми популярными практиками являются экономия воды и электроэнергии, использование фильтрованной воды и участие в субботниках. Участие в митингах и экологических акциях – самая непопулярная практика, что подтверждается и малой долей респондентов, готовых активно выступить в защиту своих прав, и не только в «экологическом поле».

Доля «подростков», которые регулярно повышают уровень своих знаний в сфере охраны окружающей среды, в два раза выше аналогичной среди «родителей» и в три – среди «наставников». А доля сдающих вредные отходы в пункты приёма среди «подростков» в два раза меньше, чем среди «наставников», и в полтора – чем среди «родителей».

Наш исследовательский и практический опыт показывает, что в ситуациях острого риска, когда вред природе и здоровью касается непосредственно личной жизненной среды, реакция и действия становятся более определёнными. В инструментарии опроса респондентам предлагалось определить стратегию своего поведения в ситуации появления источника вредного воздействия в месте проживания. В таблице 2 представлено распределение ответов респондентов на соответствующий вопрос.

Таблица 2

Действия респондентов при строительстве вредного промышленного производства рядом с местом жительства, %

Стратегии	Целевые аналитические группы		
	Подростки	Наставники-педагоги	Родители
Ничего не будут делать, смирятся с ситуацией	28,3	18,5	19,3
Организуют коллективные обращения в различные инстанции	4,8	6,8	5,6
Будут обращаться самостоятельно	3,9	7,1	7
Присоединятся к организованным кем-то обращениям	49,8	58,4	56,4
Постараются переселиться в другое место	13,2	9,2	13,5

Доля подростков, демонстрирующих отсутствие намерений использовать практики природоохранного и здоровьесберегающего поведения в ситуациях, требующих адаптации к рискованной ситуации, по сравнению с родителями и педагогами-наставниками существенно выше. Активная протестная практика имеется почти в равной мере у 9–14% представителей каждой из целевых групп. Практика, которую можно условно назвать «присоединительной», в целом сформирована у более чем половины как наставников-педагогов, родителей, так и у воспитываемых – подростков. Практику устранения от проблемы предпочитают от 9 до 13% респондентов в целевых группах.

То есть так или иначе адаптация к проблемным ситуациям, связанным с возможным ущербом здоровью и природной среде, происходит. При этом анализ соответствующих данных опроса показал, что свою адаптивность, способность приспособиваться к изменениям респонденты оценивают практически одинаково: плохо адаптируются в среднем 12% опрошенных, средне – порядка 48%, хорошо – 40%. Иными словами, при сходных оценках респондентов целевых групп своих способностей к адаптации значительная доля подростков не сформировала практик взаимодействия с ситуацией неопределённости.

Приведённые выше данные получены из ответов респондентов на так называемую прожективную ситуацию, то есть возможную. Интерпретацию логично соотносить с привычными, то есть ставшими практиками реакциями на жизненные проблемы. В таблице 3 представлены данные о характере реакции респондентов на возникающие жизненные проблемы, взаимодействие с которыми требует адаптации.

Таблица 3

Первая реакция респондентов на возникающие жизненные проблемы, %

Реакция	Целевые аналитические группы		
	Подростки	Наставники-педагоги	Родители
Чувствуют тревогу и растерянность	33,2	24,9	20,4
Чувствуют тревогу, но быстро берут себя в руки	36,5	56,3	54,7
Спокойны и уверены	20,1	14,5	19
Никак не реагируют	10,2	4,3	5,9

Доля подростков, не располагающих практиками самоконтроля в проблемных ситуациях, существенно выше, чем у наставников и родителей (33,2 против 24,9 и 20,4% соответственно). Применяют практику отстранения от проблем в большей степени подростки; одинаковые доли респондентов всех целевых групп научились спокойно и уверенно встречать жизненные проблемы; способны быстро включить самоконтроль более половины наставников и родителей и 36,5% подростков. Данные совпадают с освоенными респондентами способами (практиками) решения проблем: порядка 70% взрослых находят решение самостоятельно, тогда как среди подростков доля таких респондентов

составляет 43 %. При этом за помощью обращаются 40,3 % подростков и порядка 20 % взрослых респондентов.

Данные позволяют зафиксировать тот факт, что наставничество как педагогов, так и родителей, по крайней мере до возраста опрошенных подростков (14–17 лет), реализовано не в полной мере. Либо потенциал такого важнейшего ресурса процесса создания адаптационных практик используется этими субъектами слабо, либо у самих наставляемых налицо нехватка возможностей, умений, способов для формирования социальных адаптационных практик, причём самые доступные и простые – это как раз природо- и здоровьесберегающие. В инструментарии опроса респондентам предлагалось высказаться по поводу того, насколько им хватает тех или иных возможностей и составляющих среды для успешной адаптации к изменениям. В таблице 4 представлены данные, позволяющие оценить нехватку тех или иных возможностей в реальной жизни как подростков, так и их наставников – педагогов и родителей.

Таблица 4

Возможности/составляющие среды, которых не хватает/или не требуется респондентам для адаптации к социальной среде, %

Ресурсы	Целевые аналитические группы		
	Подростки	Наставники-педагоги	Родители
Образование	62,7/0,3	20,9/3	34/2,5
Здоровье	10,7/0,3	34,3/ -	23,3/0,1
Полезные связи	58,1/9,6	52,3/7,2	58/4
Уверенность в своих силах	32,9/0,4	31,8/0,5	27,7/0,4
Решительность в достижении своих целей	35,6/0,3	34,9/1,1	33/0,6
Компьютерная грамотность	38,8/0,9	35,3/7,5	38,3/6,4
Знание иностранного языка	63,6/8,3	49,5/30,3	51,1/33,9
Стабильности в государстве и обществе	52,4/3,7	71,7/1,8	73,3/2,3
Благоприятное состояние окружающей среды	47,8/1,7	67,9/1,2	62,7/1,6
Ощущение защищённости государством	51,7/2,8	73,1/1	73,3/1,5
Возможность получения новых знаний, необходимых для современной жизни	32,9/0,5	35,4/8,3	42,1/6,9
Ощущение безопасности	37,3/0,6	57/0,7	54,3/1,3
Помощь родственников, друзей	12,2/0,5	15,6/3,2	16,9/2,6
Уверенность в завтрашнем дне	32,9/0,3	52,4/0,5	53/0,5
Профессиональная квалификация	66,7/13,2	20,6/3,3	28,1/2,6
Умение планировать собственную жизнь	44,6/1,6	20,7/1,1	26/1,2

Окончание Таблицы 4

Материальная обеспеченность	64,5/0,9	71,3/0,5	75,4/0,4
Умение приспосабливаться к новым условиям, неожиданным обстоятельствам	42,6/0,3	36,5/1	34,5/1,3
Достоверная информация о происходящих событиях	37,7/3,6	45,6/4,4	46,3/3,7
Готовность к риску	45/ 6,2	45,1/15,6	42,3/11,7

* Суммарная доля выбравших ответ «не хватает» и «скорее не хватает» в каждой группе, через слеш – ответ «не требуется»

Как видим, есть такие возможности, умения и свойства среды, которых в равной мере не хватает наставникам-педагогам, родителям и подросткам для адаптации к изменениям среды. Есть то, чего не хватает значительной части опрошенных подростков: образования, знания иностранных языков, профессиональной квалификации, умения планировать свою жизнь. Есть то, нехватку чего подростки по сравнению с наставниками ощущают значительно менее остро: здоровье, стабильность в государстве и обществе, благоприятное состояние окружающей среды, ощущение защищённости государством, ощущение безопасности, уверенность в завтрашнем дне. Большая часть перечисленного относится к средовым факторам. В связи с этим встаёт вопрос о том, как с таким восприятием социальной среды наставники-педагоги и родители могут способствовать формированию успешных адаптационных практик у своих подопечных.

Заключение

Проведённый автором обзор подходов к пониманию экологических практик, роли наставничества в формировании экологических практик подростков, результатов эмпирических исследований по тематике показал, что имеет место недостаток эмпирического социологического знания относительно того, как семейное и педагогическое наставничество сказывается на формировании у подростков реальных адаптационных навыков, что им помогает и чего им не хватает для выработки практик взаимодействия со средой, простейшие из которых – природо- и здоровьесберегающие. Интерес социолога состоит в том, чтобы установить наличие и характер взаимодействия субъектов-наставников – родителей и педагогов – и тех, на кого должен быть ориентирован процесс наставничества.

Методикой анализа эмпирического материала была выбрана техника формирования целевых групп из общего массива респондентов опроса мониторингового типа: подростки в возрасте 14–17 лет, работники сферы образования, родители несовершеннолетних детей.

Данные показывают, что подростки применяют в своей повседневной жизни природоохранные практики, ориентируясь преимущественно на семейный опыт.

Активные практики осознанного экологического поведения, основанные на личной ответственности (повышение уровня знаний, участие в акциях, сообщения о нарушениях), применяются представителями анализируемых целевых групп редко.

Доля подростков, демонстрирующих отсутствие практики природоохранного и здоровьесберегающего поведения в ситуациях, требующих адаптации, по сравнению с родителями и педагогами-наставниками существенно выше, что заставляет выдвинуть предположение о том, что ситуация с экологическими практиками отражает общее положение с формированием адаптационных практик. Были проанализированы некоторые показатели, характеризующие степень адаптивности, ресурсность формирования практик адаптации к среде и её изменениям у наставников и наставляемых.

При сходных оценках респондентов целевых групп своих способностей к адаптации значительная доля подростков демонстрирует отсутствие сформированности практик взаимодействия с ситуацией неопределённости.

Доля подростков, не располагающих практиками самоконтроля в проблемных ситуациях, существенно выше, чем у наставников и родителей (33,2 против 24,9 и 20,4% соответственно).

Данные позволяют зафиксировать тот факт, что наставничество как педагогов, так и родителей, по крайней мере до возраста опрошенных подростков (14–17 лет), реализовано не в полной мере. Либо потенциал такого важнейшего ресурса процесса создания адаптационных практик используется этими субъектами слабо, либо у самих наставляемых налицо нехватка возможностей, умений, способов для формирования социальных адаптационных практик. Данные показывают, что есть такие возможности, умения и свойства среды, которых в равной мере не хватает наставникам-педагогам, родителям и подросткам для адаптации к изменениям среды. Есть то, чего не хватает значительной части опрошенных подростков: образования, знания иностранных языков, профессиональной квалификации, умения планировать свою жизнь. Есть то, нехватку чего подростки, по сравнению с наставниками, ощущают значительно менее остро: здоровье, стабильность в государстве и обществе, благоприятное состояние окружающей среды, ощущение защищённости государством, ощущение безопасности, уверенность в завтрашнем дне. Такие самооценки средовых факторов свидетельствуют о социальной незащищённости наставников, что не может негативным образом не сказываться на адаптивности наставляемых, на формировании успешных адаптационных практик у подопечных.

В целом данные дают основания сделать вывод о том, что слабая эффективность наставничества в направлении формирования практик осознанного экологического поведения связана с тем, что эти практики не реализуются самими педагогами-наставниками. Более того, ситуация с экологическими практиками отражает общее положение с влиянием наставничества на формирование практик адаптации к социальной среде, что, в свою очередь, обусловлено социальным самочувствием самих наставников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воспитание личности в процессе профессиональной социально-педагогической подготовки студентов: монография / М. П. Гурьянова, А. Л. Абдулкадер, Е. Н. Белоус [и др.] ; под ред. М. П. Гурьяновой. М. : ФГБНУ «ИИДЦВ РАО», 2019. 232 с. ISBN 978-5-91955-160-7. EDN [QLWLSH](#).
2. Шугальский С. С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280. EDN [PWJSTL](#)
3. Методика организации социальных и социально-профессиональных практик / Под ред. Н. А. Криволаповой, Н. Н. Ушаковой ; Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования Курганской области. Курган, 2009. 76 с.
4. Николина В. В., Фелелова О. Е. Социокультурная практика в современном образовании // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24915> (дата обращения: 20.06.2024).
5. Рыбакова М. В. Социальные экологические практики как условие модернизации России // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2. С. 273–279. EDN [OXEBEX](#).
6. Медведева Е. И., Крошилин С. В., Авачева Т. Г. Новации в экологическом поведении молодёжи: реалии, риски, возможности решения стратегических проблем // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 4. С. 245–257. DOI [10.26726/1812-7096-2024-4-245-257](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2024-4-245-257). EDN [CLBPAL](#).

Сведения об авторе

А. Е. Зорина

кандидат социологических наук,
научный сотрудник
SPIN-код: [7482-5883](#)

Статья поступила в редакцию 27.10.2024; одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 23.11.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.4.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.8)

MENTORING AS RESOURCE FOR THE FORMATION OF SOCIAL ADAPTATION PRACTICES (USING THE EXAMPLE OF NATURE-SAVING BEHAVIOR)

Anna Evgen'evna Zorina

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

annacur@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-6619-4835](https://orcid.org/0000-0002-6619-4835)

For citation: Zorina A. E. Mentoring as resource for the formation of social adaptation practices (using the example of nature-saving behavior). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):141–155. (In Russ). DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.8).

Abstract. The author of the article believes that the mentoring is one of the ways of transferring social experience within the boundaries of the adaptation concept. Also the mentoring acts as a resource for the process of entering the space of social and professional relations. The problem for scientific sociological analysis is the identification of the presence and characteristics of environmental practices of mentor subjects (parents and teachers) and those to whom the mentoring process should be oriented. The empirical basis for the analysis is the data of a representative sociological survey of the population of Russia from a long-term monitoring research project. The data show that teenagers use environmental practices in their everyday life, focusing on family experience to a greater extent than on the mentors-teachers experience. The reason for the low effectiveness of mentoring in the direction of developing practices of conscious environmental behavior is the fact that these practices are not implemented by the mentor teachers themselves. The situation with environmental practices reflects the general situation with the mentoring influence on the formation of adaptation practices to the social environment. And this is due to the specificity of the social empathy of the mentors themselves.

Keywords: social experience, concept of adaptation, mentoring, adaptability, social practices, nature- and health-saving behavior

REFERENCES

1. Gur'yanova M. P., Abdulkader A. L., Belous E. N. [et al]. Personal education in the process of professional socio-pedagogical training of students: a collective monograph. Moscow: FGBNU IIDS V RAO; 2019. 232 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91955-160-7.
2. Shugalskiy S. S. Social practices: an interpretation of the concept. *Znanie. Ponimanie. Umenie=Knowledge. Understanding. Skill.* 2012;(2):276–280. (In Russ.).
3. Krivolapova N. A., Ushakova N. N. eds. Methods of organizing social and socio-professional practices [Metodika organizatsii social'nyh i social'no-professional'nykh praktik]. Kurgan: Institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki rabtnikov obrazovaniya Kurganskoy oblasti; 2009. 76 p. (In Russ.).
4. Nikolina V. V., Fefelova O. E. Socio-cultural practice in modern education. *Modern problems of science and education=Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya.* 2016;(4). (In Russ.). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24915> (accessed: 20.06.2024).
5. Rybakova M. V. Social environmental practices as a condition for the modernization of Russia. *Social'no-gumanitarnye znaniya=Social and humanitarian knowledge.* 2012;(2):273–279. (In Russ.).
6. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V., Avacheva T. G. Innovation in the environmental behavior of young people: realities, risks, opportunities for solving strategic problem. *Regional problems of transforming the economy=Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki.* 2024;(4):245–257. (In Russ.). DOI [10.26726/1812-7096-2024-4-245-257](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2024-4-245-257).

Information about the Author

A. E. Zorina

Candidate of Sociology,

Researcher

ResearcherID: [ABC-7582-2020](https://orcid.org/0009-0001-9222-8220)

The article was submitted 27.10.2024; approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 23.11.2024.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: МОТИВАЦИОННЫЕ ДРАЙВЕРЫ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ВАХТОВОЙ ЗАНЯТОСТИ)

Евгения Александровна Хотеева¹

Анна Васильевна Симакова²

Ирина Сергеевна Степусь³

^{1, 2, 3} Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского
государственного университета,

Петрозаводск, Россия,

¹ ehoteeva@petsu.ru,

ORCID 0000-0003-4153-1142

² simakova@petsu.ru,

ORCID 0000-0002-1990-9826

³ stepus@petsu.ru,

ORCID 0000-0001-5070-0273

Для цитирования: Хотеева Е. А., Симакова А. В., Степусь И. С. Перспективы развития потенциала Российской Арктики: мотивационные драйверы трудовых мигрантов (на примере вахтовой занятости) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 156–178. DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.9. EDN GXZKVR.

Аннотация. В статье актуализируется тематика развития трудового потенциала Российской Арктики. Проблемой выступает противоречивость вахтовой занятости в трудодефицитных регионах с точки зрения преимуществ и негативных последствий как для индивида, так и для региона. Цель статьи состоит в анализе ряда установок и представлений вахтовых работников как временных трудовых мигрантов о своей трудовой деятельности для определения в этом типе занятости драйверов развития трудового потенциала Российской Арктики. Изучались следующие нематериальные детерминанты выбора занятости вахтовым методом в суровом климатическом регионе: мотивация, удовлетворённость характеристиками рынка труда, рефлексия личностных качеств и ценностей, лежащих в основе решения о регулярной временной миграции. Исследование проведено среди занятых, приезжающих на работу в Арктическую зону России из неарктических субъектов РФ. Эмпирическая база исследования основана на анкетировании 850 вахтовиков и интервьюировании 13 информантов. При обработке количественных данных использованы простые распределения, таблицы сопряжённости и статистические методы. Методы обработки качественных данных: контент-анализ и тематический анализ. Результаты исследования показали, что вахто-

© Хотеева Е. А., 2024

© Симакова А. В., 2024

© Степусь И. С., 2024

вые работники мотивированы соотношением уровня заработной платы и стоимостью жизни в регионе постоянного проживания. Информантами отмечается выравнивание с зарплатами «на материке», но приверженность вахтованию сохраняется из-за его безальтернативности по соотношению преимуществ и ограничений. Для вахтовиков значима ценность величины заработной платы, профессионального развития и надёжности компании-работодателя. Самооценка личностных качеств, детерминирующих выбор работы в труднодоступных местах, связывается вахтовиками с открытостью новому опыту, со стрессоустойчивостью и коммуникабельностью. Выявлена прямая зависимость опыта вахтовой занятости и неготовности переехать в Арктическую зону РФ для постоянного проживания. Результаты обосновывают необходимость учёта объёмов вахтовой занятости при подготовке кадрового прогноза для трудодефицитных регионов, а также будут полезны для рекрутинговой деятельности кадровых служб компаний, функционирующих в Арктической зоне РФ и применяющих вахтовый метод организации труда.

Ключевые слова: трудовой потенциал, вахтовая занятость, вахтовый работник, Арктическая зона РФ, трудодефицитные регионы, временная трудовая миграция, рынок труда, мотивационные драйверы, личностные качества, ценности индивида

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 22–78–10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

Введение

Реализация приоритетов государства по «новому освоению» Российской Арктики актуализирует проблематику изучения общего потенциала региона в экономическом, демографическом, природно-ресурсном и иных аспектах. Превращение Арктической зоны России в стратегически важный регион, обжитой в хозяйственном, инфраструктурном и социальном отношениях, происходит на фоне трудодефицита, вызванного сокращением численности населения.

В реализации новой арктической стратегии государства отмечена важность выстраивания точной и продуманной государственной политики по кадровому обеспечению арктических территорий¹, что, в свою очередь, требует всестороннего научного обоснования. Высокой значимостью и актуальностью в комплексе научных исследований обладает анализ перспектив развития трудового потенциала, в частности – социологический аспект проблематики. Трудовая миграция с учётом соответствующего профессионально-квалификационного уровня работников, их мотивов и установок, социальных ожиданий является одним из источников кадрового обеспечения экономики и социальной сферы регионов.

В условиях недостатка внутренних трудовых ресурсов кадровая потребность экономики трудодефицитных регионов восполняется вахтовой организацией

---

¹ Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Гарант.ру : сайт. URL: <https://base.garant.ru/74810556/> (дата обращения: 06.06.2024).

труда. Согласно статье 297 Трудового Кодекса РФ, вахтовый метод – это особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания. Исследователи вахтовых работников относят к временным трудовым мигрантам, которые возвращаются домой примерно через равные промежутки времени (чередование вахты и межвахтового отдыха) [1; 2].

Вахта применяется чаще всего в добывающей, лесной и строительной отраслях в тех районах, где необходимое количество работников соответствующей специализации и квалификации найти трудно [3]. Наглядность специфики вахтовой занятости наиболее очевидна на примере временных трудовых мигрантов, приезжающих на вахту в арктические регионы из неарктических субъектов РФ. Временная трудовая миграция на арктические территории с суровыми климатическими условиями связана с регулярной периодичностью перемещений на дальние расстояния [3].

Согласно исследованию динамики и масштабов вахтовой занятости на основе статистических данных и результатов опроса работодателей, констатируется «ежегодное наращивание объёмов вахтового метода организации труда в большинстве арктических регионов» [4, с. 97]. При этом анализ профессиональной кадровой структуры в указанном исследовании показал, что «работники, привлекаемые к работе вахтовым методом, имеют менее высокий уровень квалификации, чем всё население, занятое в экономике Арктической зоны РФ» [4, с. 103].

Вопрос соотношения вахтовой занятости и занятости постоянного населения является дискуссионным по многим причинам экономического и социального характера [5, с. 96]. В Стратегии развития арктических территорий Республики Саха (Якутия) до 2035 года определено, что «для промышленного освоения Арктической Зоны Республики Саха (Якутия) проживающих в ней человеческих ресурсов недостаточно, потребуются привлечение специалистов, в том числе из-за пределов республики»¹. В основополагающем документе по развитию Красноярского края до 2030 года отмечается, что в «рамках политики, направленной на сокращение экономически избыточного населения на севере, в том числе в результате планомерной реализации программ переселения, численность постоянного населения макрорайона сократилась более чем на 35 % и в то же время развитие добывающего сектора, осуществляемое преимущественно вахтовым методом, привело к росту в макрорайоне численности временного населения»².

¹ Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 14 августа 2020 года № 1377 «О Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года // Гарант.ру : сайт. URL: <https://base.garant.ru/74507530/> (дата обращения: 06.06.2024).

² Постановление Правительства Красноярского края от 30 октября 2018 г. № 647-П «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года» // Гарант.ру : сайт. URL: <https://base.garant.ru/44160504/> (дата обращения: 06.06.2024).

Вместе с тем существуют определённые риски привлечения вахтовых работников для состояния и развития человеческого капитала регионов. Так, в Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого АО до 2035 года обозначается, что «замещение местных жителей вахтовиками при сокращении потребности в живом труде вследствие роботизации может повлечь за собой падение численности в основных городах автономного округа и ухудшение структуры человеческого капитала»¹.

Исследования общественного мнения выявили достаточно высокую готовность к работе вахтовым методом среди студентов – выпускников вузов, функционирующих на территориях Арктической зоны РФ, особенно среди юношей и обучающихся по инженерно-техническим и естественно-научным специальностям (до 40 % от общей численности опрошенных) [6]. Вместе с тем вахтовая занятость для подавляющего большинства работников представляется вынужденным способом профессиональной самореализации и финансовой обеспеченности, что особенно примечательно при тенденции роста вовлечённости в вахтовую занятость женщин и жителей крупных городов [2, с. 128]. Вахтовая занятость при растущей степени распространённости представляет собой сложное социальное явление, которое по своему масштабу имеет причины и последствия как на уровне индивида, социальных групп (семьи, трудового коллектива), организаций и предприятий, так и на уровне регионов и межрегиональных миграционных связей.

Обзор исследований

Ранее проведённые исследования вахтового метода затрагивают, в первую очередь, влияние вахты на здоровье работников. Комплексные медико-социальные исследования показали, что периодически повторяющаяся социальная изоляция от семьи и близкого окружения с необходимостью регулярно адаптироваться в суровых климатических условиях при достаточно напряжённом графике работы (удлинение рабочего дня и рабочей недели) вызывает «продолженный мультифакториальный северный стресс», «синдром полярного напряжения» [7, с. 4]. Повышенная тревожность, психоэмоциональное напряжение вдали от дома в узком профессиональном коллективе становятся спутниками работников вахтовой занятости.

Не менее важны и социально-демографические аспекты, и специфические факторы вахтового труда. Согласно социологическому исследованию вахтовой занятости в Республике Башкортостан, среди вахтовых работников, работающих в других субъектах РФ (в основном в Ханты-Мансийском АО и Ямало-Ненецком АО), преобладают мужчины в трудоспособном возрасте

---

¹ Постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 июня 2021 г. № 478 «О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года» // Гарант.ру : сайт. URL: <https://base.garant.ru/401405012/> (дата обращения: 06.06.2024).

от 31 до 40 лет со средним профессиональным образованием из сельских населённых пунктов [2].

Систематизация причин и мотивов вахтовой миграции, проведённая А. В. Короленко по результатам социологических опросов, показывает, что наиболее широко представлены объективные причины выталкивающего характера. К ним относятся: усиление поляризации городской и сельской местности; низкий уровень заработной платы в населённом пункте проживания; дефицит рабочих мест в месте проживания; отсутствие нужного образования или невозможность его применения в месте проживания; потребность в улучшении жизненных условий и решении финансовых проблем; потеря кормильца в семье (вдовство, развод женщины) при наличии относительно самостоятельных детей. Среди субъективных мотивов задерживающего характера отмечаются удобство вахтового формата работы (наличие межвахтового отдыха) для ведения домашних хозяйственных дел и пример родных и знакомых, работающих вахтовым методом, семейная традиция [8, с. 204].

Т. И. Кирдяшкиной акцентировано внимание на факторах выбора индивидами вахтовой занятости, среди которых выделяются материальные факторы (от уровня заработной платы до компенсации затрат вахтовых работников на здоровье и образование), социально-психологические (комбинирование вахтовых смен и бригад с учётом психологической совместимости), технические (аспекты комфортности вахтовых посёлков) [9].

Концептуальные вопросы значения вахтовой организации труда для регионов Севера нашли отражение в многолетних исследованиях А. Н. Силина и монографии «Вахтовый труд в Арктике: социально-пространственный дискурс» [3]. В указанной монографии описаны индивидуально-личностные качества, которые значимы при работе вахтовым методом, а также затрагиваются различные аспекты применения вахтового труда в регионах Крайнего Севера: влияние вахтовой работы на семью, значимые с точки зрения специфики вахтовой работы социально-психологические особенности индивидов, особенности социальной инфраструктуры быта вахтовиков и вахтовых посёлков. А. Н. Силин рассматривает вахтовый метод «не просто как технологию кадрового обеспечения экономики арктического региона, а как социальный феномен, комплекс взаимосвязанных социальных процессов и явлений, порождённых мобильным мультилокальным образом жизни вахтового персонала» [3, с. 4]. Вахтовый образ жизни негативно сказывается на качестве жизни человека проявлением комплекса социальных проблем (кризисами в семейных отношениях, развитием девиантных форм поведения, напряжённости между постоянным и пришлым населением).

В исследовании В. И. Терелецковой и В. Л. Якштайте отмечено, что межрегиональная вахта связана с повышенной текучестью кадров [10]. Установка «временщика» приводит к издержкам для производственных процессов и развития территорий. В то же время на фоне снижения демографического потенциала решение кадровых проблем арктических территорий без применения вахтового метода сложно представить. В связи с чем В. В. Фаузер и Т. С. Лыткина приходят

к выводу, что вахта должна быть объектом более чёткого регулирования со стороны органов государственного управления, учитывающего интересы местного населения [11].

По итогам анализа проведённых исследований можно констатировать, что на фоне растущей распространённости изучаемой формы организации труда в арктических регионах существует противоречивость данных о преимуществах вахтования, сопряжённых с негативными социальными последствиями. Кроме того, недостаточно эмпирических знаний о представлениях вахтовых работников об особенностях и специфике своей занятости на современном этапе, а также о личностных установках и предпочтениях индивидов, которые лежат в основе выбора временной трудовой миграции.

Актуальность проблематики восприятия и установок на вахтовую занятость в целом, а особенно в экономике отдалённых регионов, обусловила разработку программы исследования, сконцентрированного на особенностях отношения вахтовых работников как временных трудовых мигрантов к специфике своей занятости на арктических территориях. Цель исследования состоит в том, чтобы на примере межрегиональной вахтовой миграции из неарктических регионов на арктические территории выявить факторы-мотиваторы регулярной возвратной миграции. Для достижения цели были поставлены задачи по описанию социального портрета вахтового работника Арктической зоны РФ, уточнению мотивации вахтования, выявлению представлений о личностных качествах и ценностях вахтовиков, а также по оценке готовности перейти с вахтового метода на постоянное проживание и трудовую деятельность в Арктической зоне РФ.

Методология, методика, эмпирическая база исследования

Методика формирования эмпирической базы, адекватной целям и задачам исследования, предусматривала сбор данных с применением процедур как количественной, так и качественной социологии. Проводились анкетирование с использованием формализованного инструментария и слабоструктурированное интервью работников из неарктических субъектов РФ, вовлечённых в вахтовую занятость на арктических территориях. Основываясь на том, что трудоустройство вахтовым методом является частью решения о временной возвратной миграции, в инструментарий исследования были заложены вопросы о внешних условиях, мотивах, ценностях и потребностях, которые стимулируют поиск работы в другом регионе [12] (см. рис. 1).

Теоретические рамки исследования определены отраслевой социологией миграции, призванной раскрыть субъективную сторону миграции, в частности – «мотивацию поведения», «факторы, определяющие мотивации решений мигрантов о перемещении и выборе предназначения» [13, с. 5, 6].

Факторы миграционной мобильности индивидов находят отражение в понятии трудовой миграции, частью которой является вахтовая занятость. В данном исследовании вахтовые работники рассматриваются как временные трудовые

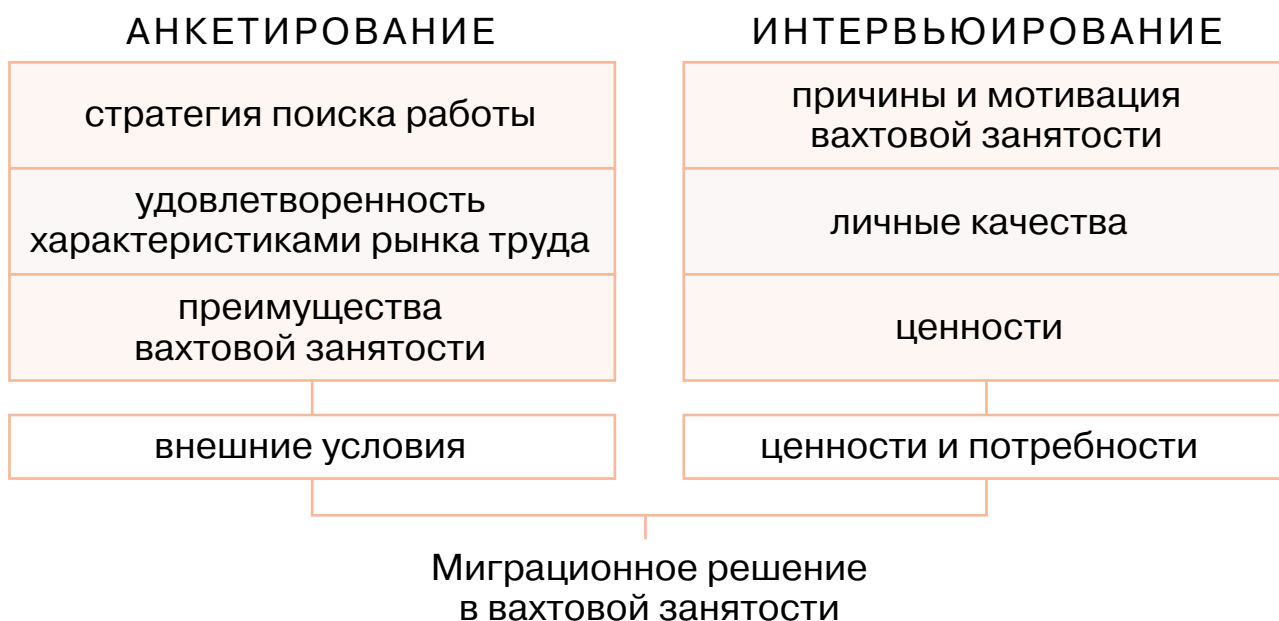

Рис. 1. Схема комбинирования методов опроса вахтовых работников

мигранты на внутрироссийском рынке труда. Под временным трудовым мигрантом понимается индивид, который «совершает поездки домой, к семье не чаще одного раза в неделю, но при этом не переехал на постоянное место жительства в город или регион, где находится его нынешняя работа. Семья такого работника остаётся проживать в другом регионе России» [14, с. 187]. В исследовании, соответственно, приняли участие вахтовые трудовые мигранты (граждане РФ) – лица в трудоспособном возрасте 25–45 лет, периодически приезжающие на работу в арктические субъекты, но постоянно проживающие в неарктических регионах страны.

Формирование выборочной совокупности осуществлялось следующим образом. Используя данные федерального статистического наблюдения «Сведения о неполной занятости и движении работников» (формы № П-4 (НЗ), было определено, что в девяти субъектах Арктической зоны РФ численность работников, привлекавшихся к работе вахтовым методом, в 2022 году составила 324,8 тыс. человек¹. Почти половина (47,0 %) таких работников приходится на Ямало-Ненецкий АО, который привлекает вахтовиков в компании нефтегазодобывающей отрасли экономики. Ещё 16,8 % вахтовых работников приезжают на работу в Красноярский край. Ограничением данной статистики является отсутствие детализации сведений до уровня муниципальных

¹ На момент проведения исследования сухопутные территории Арктической зоны РФ не были расширены за счёт муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа. Соответствующее изменение о расширении сухопутных территорий Арктической зоны утверждено Федеральным законом от 23.03.2024 № 56-ФЗ, дополняющим пункт 2 части 3 статьи 2 Федерального закона от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации».

образований и представление данных в целом по субъектам РФ, которые отнесены к Арктической зоне РФ частично.

Многоступенчатая квотная выборка предусматривала опрос 850 вахтовых работников, пропорционально представленных по арктическим субъектам РФ (49,5 % – в Ямало-Ненецком АО; 13,0 % – в Красноярском крае и 37,5 % – в остальных арктических субъектах РФ). На первой ступени было проведено информирование региональных органов исполнительной власти (РОИВ) в арктических субъектах РФ, на второй ступени при содействии РОИВ были проинформированы компании-работодатели на территориях арктических муниципальных образований, привлекающие вахтовых работников. Реализованная выборка репрезентирует изучаемый тип миграции в целом по Арктической зоне РФ с доверительной вероятностью 95 % при предельной ошибке не более 2 % по критерию доли межрегиональных трудовых мигрантов в среднесписочной численности работников (рассчитанной на примере ранних исследований в Ямало-Ненецком АО). Анкетирование проведено в ноябре – декабре 2023 г. с использованием анкеты Google-forms. Результаты анкетирования обработаны с помощью программ Microsoft Excel и SPSS Statistics методом построения таблиц сопряжённости и простых распределений.

Информанты для следующего этапа исследования в январе – феврале 2024 г. – интервьюирования – были отобраны по результатам проведённого анкетирования из желающих участвовать в интервью и указавших свои контактные данные. Было проведено 13 слабоструктурированных интервью с вахтовыми работниками продолжительностью от 40 до 60 минут посредством видеосвязи в мессенджере. География постоянного проживания вахтовиков представлена регионами, не входящими в состав Арктической зоны РФ: Тюменской, Белгородской и Пермской областями, Республикой Башкортостан (респонденты приезжают на вахту в Ямало-Ненецкий АО); Самарской и Кемеровской областями и Забайкальским краем (приезжают на вахту в Якутию); Вологодской областью (приезжают на вахту в Архангельскую область); Новосибирской областью (приезжают на вахту в Мурманскую область); Санкт-Петербургом (приезжают на вахту в Чукотский АО). В интервью приняли участие 10 мужчин и 3 женщины. Профессиональный срез информантов представлен такими профессиями, как химик-технолог, лаборант химического анализа, строитель, слесарь-ремонтник, электрогазосварщик, электромонтажник, электромонтёр, машинист лесозаготовительной техники.

Результаты интервьюирования вахтовиков были обработаны с использованием программного пакета для анализа качественных данных QDA Miner lite методом контент-анализа и последующего тематического анализа данных.

Результаты

Социально-демографический портрет вахтового работника. По результатам анкетирования обобщённый социальный портрет вахтового

работника арктических территорий РФ представлен мужчиной (92,2%) с высшим образованием (57,5%), который женат (68,1%) и имеет детей (73,9%). Почти каждый третий опрошенный имеет опыт работы вахтовым методом более 10 лет и каждый второй – от шести и до 10 лет. На рисунке 2 представлены способы поиска работы опрошенными в ходе исследования вахтовыми работниками в арктических регионах РФ.

Рис. 2. Способы поиска работы вахтовыми работниками в арктических регионах РФ, доля от общей численности опрошенных (n = 850), 2023 г., %

Примечание. Вопрос допускал несколько выборов вариантов ответов, поэтому сумма позиций не равняется 100%.

Подавляющее большинство вахтовиков нашли работу в арктическом регионе через ближний социальный круг (друзей, родственников, знакомых), полагаясь в данном вопросе на свои связи, и в первую очередь на тех, кто уже «вахтуется» и имеет такой опыт. В данном вопросе использование связей значимо с точки зрения уверенности в надёжности и добросовестности работодателя. Опыт родственников и знакомых, например по университету или колледжу, представляет вахтовую занятость как альтернативу вариантам трудоустройства в регионах постоянного проживания. Приверженцы вахтового метода становятся некоторой специфической общностью, благодаря чему обмениваются информацией о преимуществах работы, меняют место работы и т. д. В исследовании это в полной мере проявилось в интервью информантов, что стоит проиллюстрировать характерными высказываниями: «То, что можно ездить на Север вахтой, – ни для кого не секрет на сегодняшний день. Да и тогда это было известно благодаря большому количеству друзей и знакомых, кто туда ездил. Я попросил друга моего отца взять меня с собой» (мужчина, 33 года, приезжает на вахту в Якутию из Забайкальского края); «устраивалась вахтой, также через коллег, потому что вот это сообщество вахтовиков – оно в целом одно и то же» (женщина, 34 года, приезжает на вахту из Санкт-Петербурга в Чукотский АО).

Мотивация вахтования. Исследование подтвердило, что работники прибегают к вахтовому методу вследствие низкой удовлетворённости некоторыми характеристиками рынка труда в регионах своего постоянного проживания, и прежде всего уровнем заработной платы в соотношении со стоимостью жизни в регионе (см. рис. 3).

Рис 3. Уровень удовлетворённости вахтовиков характеристиками рынка труда в субъекте постоянного проживания (среднее значение по 7-балльной шкале, где 1 – низкая, а 7 – максимальная удовлетворённость), 2023 г.

По 7-балльной оценочной шкале все указанные в инструментарии характеристики рынка труда получили средние оценки в диапазоне 3 баллов. Уровень оплаты труда оценён ниже всего – в среднем на 3,09 балла при стандартном отклонении 1,72, что демонстрирует достаточно высокий уровень единства мнений респондентов. Данные о географии регионов постоянного проживания опрошенных информантов свидетельствуют, что чаще всего на вахту в арктические регионы приезжают из Республики Башкортостан, Тюменской области, Краснодарского края, Свердловской, Оренбургской, Волгоградской, Кемеровской, Омской, Воронежской областей и Пермского края.

Безусловным стимулом вахтовой занятости, перевешивающим его недостатки (оторванность от дома и семьи, отсутствие выходных, социальная изоляция и т. д.), является заработная плата и финансовые возможности обеспечения своей жизни (см. рис 4).

Вахтовая занятость для некоторых категорий населения выступает важнейшим и практически единственным способом заработать финансовые средства. В связи с этим на вахту рекрутируются работники из городов и населённых пунктов сельской местности, экономика которых характеризуется дефицитом или недостаточным выбором рабочих мест и более низкими уровнями оплаты труда. Несколько цитат характеризуют стартовые условия информантов на рынке труда, вследствие которых они на определённом этапе своей жизни обратили внимание на вахтовую занятость: *«Первый раз было очень просто: парень из глубинки, денег нет, ничего нет, живёшь с бабушкой. Надо что-то менять, и я принял первый же подвернувшийся вариант. Увидел объявление с зарплатой в 100 тыс. рублей и сразу же позвонил туда. Мне было неважно, куда ехать и что делать»*

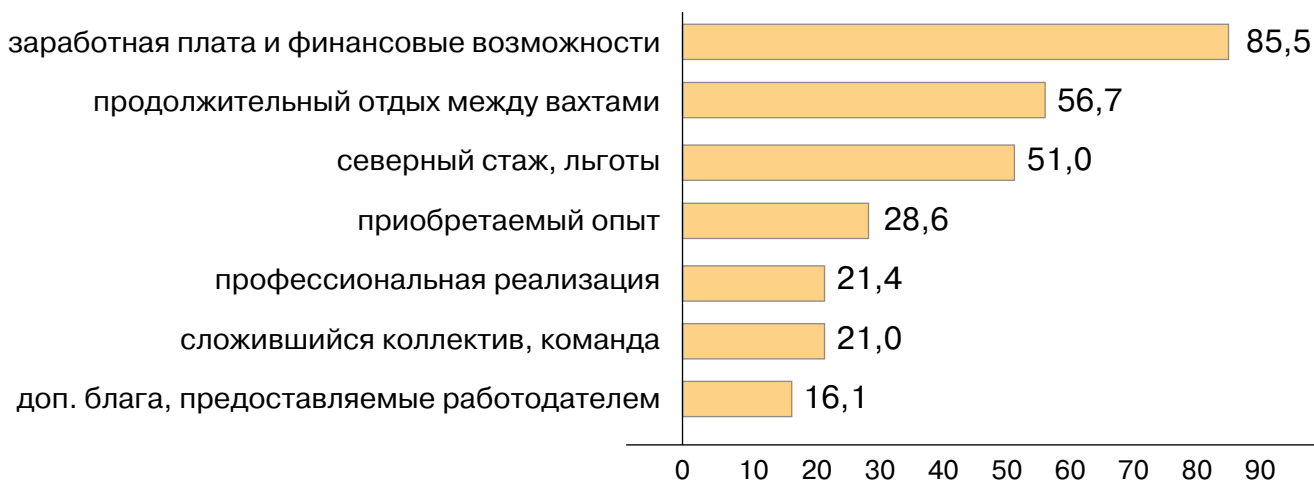

Рис. 4. Преимущества работы вахтовым методом, перевешивающие его недостатки, 2023 г., %

Примечание. Вопрос допускал несколько выборов вариантов ответов, поэтому сумма позиций не равняется 100%.

(мужчина, 35 лет, приезжает на вахту в Ямало-Ненецкий АО из Иркутской области); «*просто как бы работы в основном не было у меня в деревне, и нас на 2/3 ставки посадили, ну, а 2/3, сами понимаете, небольшие деньги. Предложили ехать вахтой поработать*» (мужчина, 27 лет, приезжает на вахту в Якутию из Кемеровской области); «*после института была возможность устроиться на завод машиностроительный, но зарплата на машиностроительном заводе не позволяла мне как иногороднему арендовать жильё и жить как-то просто физически было невозможно. Если ты приехал из какой-то условной деревни, отучился и решил остаться в городе... Нереально остаться, найти работу такую, чтобы ты мог арендовать жильё, я уже не говорю про ипотеку*» (мужчина, 30 лет, приезжает на вахту в Ямало-Ненецкий АО из Республики Башкортостан).

Важную исследовательскую информацию дают оценки самих вахтовиков Российской Арктики о трансформации от поколения к поколению возможностей зарабатывания финансовых средств на вахте. Информанты отмечают тенденцию выравнивания заработных плат с работниками «на материке» и на сегодняшний день недостаточность оплаты труда с учётом темпа роста цен, необходимости приобретения жилья в ипотеку и т. д. Вахтовая занятость часто преимущественна, и потому вахтовики, ретроспективно оценивая динамику вахтования, утверждают, что на более ранних этапах освоения севера вахтовая работа была более оправдана с точки зрения оплаты труда: «*люди со всего СССР начали съезжаться на этот Клондайк для того, чтобы зарабатывать деньги. И они реально там зарабатывали деньги: зарплата там была 800 примерно рублей, когда “на земле” – 150/120. Человек оттуда приезжал обратно домой на землю с деньгами, отработав по полгода или три месяца (по-разному), и понимал, что не зря потратил свой труд, своё время. Отработал и приобрёл вот это. Сделал для сына вот это, жене вот это приобрели... Всё хорошо, живём. Сейчас это происходит не так. Абсолютно не так. Сейчас люди понимают, что эти деньги*

можно так же зарабатывать в Москве, Санкт-Петербурге и других различных компаниях, которым нужны специалисты» (мужчина, 33 года, приезжает на вахту в Ямало-Ненецкий АО из Белгородской области); «у меня дед работал на севере, когда всё только начиналось. Все вот эти объекты газовые, нефтяные. И у него разница зарплаты с зарплатой “на земле” была кратная во много раз. Он был обычным рабочим. Руками работал. Сейчас если взять обычного работника на севере (условного монтажника) и взять зарплату условного какого-то сотрудника завода – они примерно равны, поэтому ездить на север, отдавать своё здоровье за то, что ты можешь заработать дома... сейчас мало кто едет. Поэтому сейчас на севере нет кадров вообще» (мужчина, 30 лет, приезжает на вахту в Ямало-Ненецкий АО из Республики Башкортостан).

Интересно, что, несмотря на мнения о недостаточности заработков на вахте, прозвучавшие в интервью, объёмы вахтовой занятости в экономике растут. Это объясняется тем, что информанты выражают позицию о том, что «на материке» альтернативы вахте на сегодняшний день нет по соотношению преимуществ и ограничений. К вахтовикам в Арктике применимо выражение «вахта затягивает» в силу вклада компаний-работодателей в налаживание быта на вахте (организованное питание, бассейн, тренажёрный зал, концерты) и продолжительный отдых в межвахтовый период: «за 10 лет работ вахтами я уже не представляю себе работу в офисе, допустим пятидневку восьмичасовую. Я понимаю, что я буду работать полгода для будущего отпуска, который за две недели пронесётся просто незаметно. Сложно представить. Да, многие говорят, что тяжело потом прекратить работать вахтами именно из-за графика, из-за привычки» (женщина, 34 года, приезжает на вахту из Санкт-Петербурга в Чукотский АО).

Для обобщения ключевых мотиваторов приверженности вахтовому методу труда и вахтовой трудовой миграции была предпринята дополнительная аналитическая процедура. Доминирующие слова и высказывания информантов представлены с помощью инструмента «облако слов», составленного на основе повторяемости кодов контент-анализа данных интервью (рис. 5).

Наиболее часто в нарративах вахтовиков звучали слова о зарплатке, заработной плате, продолжительном отдыхе, сплочённом коллективе, профессиональном развитии, о тяжести, рутинности и однообразии работы.

Мотивация вахтового труда носит преимущественно рациональный финансовый характер, при этом временная трудовая миграция связана с определёнными трудностями и психоэмоциональным напряжением, социальным дискомфортом (адаптация к климату, напряжённому рутинному графику, изоляция от семьи, разлука с детьми и т. д.). В связи с этим возникает вопрос о потенциальной возможности перевода вахтовых работников в разряд постоянных жителей арктических территорий. Согласно данным ранее проведённого исследования Е. А. Бажутовой и Т. П. Скуфьиной, около 40 % межрегиональных вахтовых работников выразили готовность перейти с вахтовой работы в режим постоянного проживания и трудовой деятельности на арктических территориях [15]. Результаты указанного опроса корреспондируют с результатами данного

Рис. 5. Совокупность кодов контент-анализа, визуализированная с использованием инструмента «облако слов»

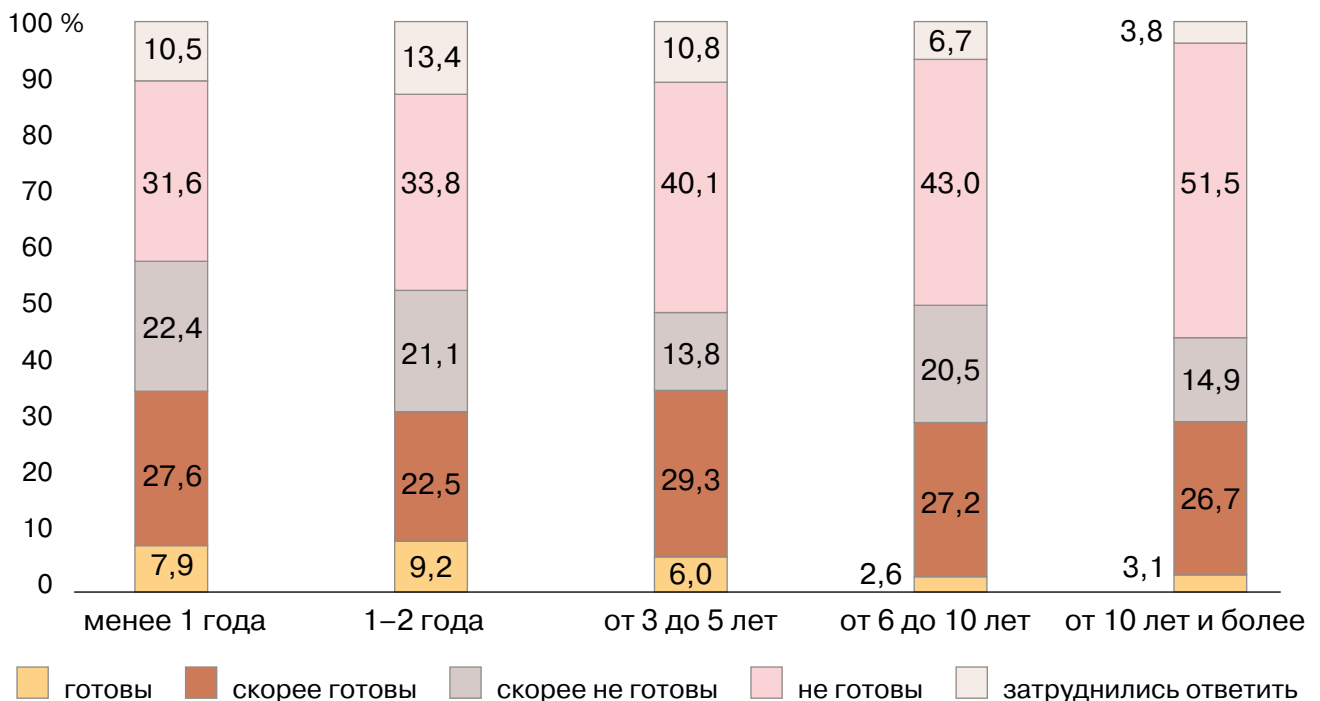

Рис. 6. Готовность перейти с работы вахтовым методом на постоянное трудоустройство в связи с переездом на Север, в зависимости от стажа

исследования. При этом установка на неготовность перейти с вахты на постоянное проживание и трудоустройство, встречающаяся среди 60,2 % межрегиональных вахтовиков с наибольшим опытом вахтования (см. рис. 6).

Значение критерия хи-квадрат для анализируемых переменных равно 40,9 при 16 степенях свободы, что позволяет сделать вывод о наличии связи между переменными. Величина асимптотической значимости равна 0,001 (при критерии значимости $p < 0,05$) и свидетельствует о статистической значимости и необходимости содержательно интерпретировать связь переменных.

Многолетняя регулярная вахтовая занятость говорит о приверженности работников данной форме занятости как безальтернативной, и чем дольше работник ездит на вахты, тем менее он склонен менять своё постоянное место жительства. Согласно результатам исследования А. М. Акимова, у более опытных вахтовиков, в сравнении с «начинающими» вахтовиками, отмечается более негативное отношение к работе. «При работе экспедиционно-вахтовым методом в Арктическом регионе пять лет и более среди лиц физического труда выявлены наиболее существенные социальные характеристики последствий хронического стресса на работе» [16, с. 157]. Для определения факторов приверженности вахтованию обратимся к анализу декларируемых вахтовиками ценностей, предпочтений и личностных качеств.

Ценностные ориентации вахтовика

В цели исследования входило рассмотрение связи решения о регулярной возвратной миграции с ценностными ориентациями индивида. Безусловно, вахтовый метод работы на севере обосновывается ценностью для человека уровня заработка как способа удовлетворения базовых потребностей и обретения финансовой свободы, независимости и перспективных возможностей повышения уровня жизни. Высказывание одного из вахтовиков в этой связи достаточно красноречиво подтверждает этот факт: *«Хотелось быть молодым и успешным. Деньги, деньги – всё в деньги упирается. Хотелось ни в чём себе не отказывать, достойно зарабатывать. Хотелось родителям помочь, девушку в ресторан сводить на свои заработанные деньги. Простые желания»* (мужчина, 33 года, приезжает на вахту в Якутию из Забайкальского края).

Предпочтение вахтовой занятости отдаётся и в том случае, если для работника значимо профессиональное развитие и востребованность его профессиональных знаний и умений. Так, возможности развития профессионализма отмечены вахтовиком, занятым в сфере строительства: *«Я шёл только за профессионализмом, за опытом, потому что на севере всё равно опыта больше: там другие сроки строительства, другие требования. Наверное, за опытом и возможностью, потому что только туда пока взяли»* (мужчина, 30 лет, приезжает на вахту в Ямало-Ненецкий АО из Республики Башкортостан).

Особое значение вахтовиками придаётся надёжности и добросовестности работодателя. Важно, чтобы компании работали с опорой на законодательство,

соблюдались гарантии работающим вахтовым методом в районах Крайнего Севера (установленные статьёй 302 Трудового кодекса РФ), не было обмана со стороны работодателей. Вахтовики отмечают «заботу» и «человеческое отношение» со стороны работодателя, приводя в пример налаженный быт на вахте, возможности занятия спортом, проведения досуга, общения в свободное время с близкими с помощью интернет-связи.

Для вахтовиков ценностью является сплочённый профессиональный коллектив. Более того, информанты отмечали, что на вахте коллектив – это один из самых важных аспектов, особенно ценно, когда коллектив сплочённый, готов к взаимовыручке, обмену опытом, оказанию моральной и психологической поддержки, слаженности в действиях. Как прокомментировал один из информантов: *«На севере все, кто работает там, лишены дома своего. Они чего-то лишены, каждый по-своему. И, видимо, на подсознательном уровне пытаются друг другу помочь и понимают, что они в одинаковых условиях плохих, поэтому взаимовыручка лучше на севере»* (мужчина, 30 лет, приезжает на вахту в Ямало-Ненецкий АО из Республики Башкортостан).

Выявленные ценностные ориентации подтвердили значимость уровня заработной платы, надёжности компании и возможностей профессионального развития при выборе места работы. Обозначенные выше ценностные ориентации подтверждают «мотивационно-гигиеническую» теорию Ф. Герцберга о факторах удовлетворённости своим трудом: «гигиенические» факторы – это факторы, внешние по отношению к процессу работы и самому работнику, к которым Ф. Герцберг отнёс заработную плату, условия труда, политику компании, деятельность администрации, взаимоотношения в коллективе [18]. В исследовании удовлетворённости различными аспектами вахтовой работы, проведённом Т. И. Кирдяшкиной, установлено, что вахтовики гигиеническими факторами удовлетворены в большей степени, чем мотивационными [9]. Вахтовики в своей работе ценят размер оплаты труда и возможность заработка на определённом уровне, политику работодателя в части соблюдения трудового законодательства, договорных отношений и улучшения условий труда и быта вахтовых работников, а также товарищеские взаимоотношения в сплочённом трудовом коллективе.

Личностные качества вахтовика

При отборе персонала для вахтовой занятости обычно обращается внимание на такие качества, как «достаточно высокая степень устойчивости к конкретным факторам воздействия и условиям деятельности; критичность по отношению к себе и своим поступкам; терпимость к окружающим, умение «ладить» с людьми и работать в коллективе, переносить ограничения; быть способным к активной саморегуляции; обладать чувством юмора и эмоциональной устойчивостью к различным стрессовым ситуациям и факторам» [3, с. 32].

В нашем исследовании исходным было положение, что к вахтовой работе прибегают люди с определёнными качествами, что подтверждается расхожим

среди вахтовиков выражением о том, кого «принимает Север». Информантам задавался вопрос «Как Вы думаете, благодаря каким Вашим личным качествам Вы можете работать вахтовым методом в суровых климатических условиях?». Чаще всего звучали высказывания о стремлении к новому опыту, которые кодировались как «открытость новому опыту»: *«Просто было интересно уехать туда, куда просто так не поедешь как обычный человек»; «хотелось всё-таки каких-то перемен»; «было интересно узнать что-то новое»; «мне и до сих пор интересно где-то новые места, приезжаешь когда что-то пробовать».*

Также для вахтования значимы, по самооценке информантов, качества, которые при анализе были объединены в категорию «самообладание». Чаще всего вахтовики характеризуют себя как спокойных, усидчивых, стрессоустойчивых личностей: *«В человеке появляется какой-то стержень. Я его в себе открыла»; «имеет место такое качество, как усидчивость, спокойствие»; «я на всё реагирую спокойно – план поменялся, ну и ладно».* Во многом это связано с напряжённым графиком на вахте, переменой климата и замкнутым коллективом.

Важным качеством вахтовика является коммуникабельность. На вахте это качество необходимо также с точки зрения неизбежности замкнутости коллектива, необходимости обмена профессиональным опытом и взаимовыручки: *«Сама по себе коммуникабельная, но я стараюсь обходить конфликтные ситуации»; «общительность, коммуникабельность – тоже немаловажный фактор».*

Показательно, что, называя отличительные личностные качества вахтовика, информанты в ходе интервью практически не соотносили их с миграционным решением. Вахтовые работники оценивают себя открытыми новому опыту, стрессоустойчивыми и коммуникабельными, и именно благодаря этим качествам они имеют продолжительный стабильный стаж вахтовой занятости.

Обсуждение

Востребованность вахтового метода работы среди населения растёт, несмотря на констатацию недостаточности заработков, которая согласуется с результатами многолетних исследований А. Н. Силина и его коллег на предмет удовлетворённости вахтовых работников своим трудом, которая за десятилетие очевидно снизилась [17, с. 71].

Даже несмотря на накопление социального и психоэмоционального стресса [7; 16] вследствие многолетней вахтово-экспедиционной занятости, вахтовые работники остаются приверженными данной форме занятости. Как показывают исследования, в том числе и авторское, данные которого анализируются в статье, факторы этой приверженности относятся к сфере мировоззрения вахтовиков, их жизненных приоритетов, а именно: мотивам, ценностным ориентациям и личностным качествам.

Вахтовый метод крайне востребован в рекрутинговой деятельности ресурсодобывающих компаний Арктической зоны РФ [5] и значим с точки зрения занятости индивидов. Из-за дефицита кадров встречается масштабирование

вахтовой занятости и на другие, несвойственные вахтованию виды экономической деятельности: государственный сектор, туризм, социальная сфера.

В качестве основ регулирования вахтовой миграции в контексте развития рынка труда может выступать кадровый прогноз на пятилетний период. Подготовка прогноза потребности экономики в кадрах на пятилетний период с учётом темпов производительности труда будет выполняться в рамках реализации нового национального проекта «Кадры», который заработает с 2025 года. Предлагается для Арктической зоны РФ определять показатели обеспечения перспективной кадровой потребности как за счёт внутренних трудовых ресурсов арктических субъектов, так и с привлечением вахтовой занятости как серьёзного ресурса в развитии трудового потенциала региона [4]. Это позволит разработать обоснованные ориентиры по потребности в вахтовых работниках, обустройству вахтовых посёлков и по объёмам финансовых затрат на медико-психологические услуги для вахтовых работников.

Заключение

Вахтовая занятость является важным компонентом трудового потенциала Арктической зоны России. Исследование специфики и особенностей вахтовой занятости, в том числе в вопросах мотивации и установок занятых, имеет большое значение в части разработки кадровых стратегий развития трудодефицитных регионов, на территории которых реализуются крупные экономические проекты.

На основе анализа полученных эмпирических данных сформулированы два блока мотивационных драйверов, объединяющих комплекс представлений вахтовых работников о своей занятости и объясняющих, почему работники обращаются к регулярной территориально-трудовой мобильности в Арктическую зону РФ из неарктических субъектов РФ: *«вахта» – ради денег, всё остальное – по остаточному принципу»; «на материке альтернативы вахте нет: “оптом” свобода и заработок».*

Для групп населения с определёнными стартовыми возможностями на рынке труда (жители сельских населённых пунктов, молодые специалисты без финансовой поддержки родителей и родственников, индивиды с недостаточным социальным капиталом) вахтовая занятость является способом закрепления на рынке труда и получения заработной платы в более высоком размере, чем в регионах постоянного проживания.

Несмотря на все обозначенные сложности вахтовой занятости с точки зрения работника, для вахтовиков данная форма занятости представляется безальтернативной. Вахтовые работники с продолжительным опытом работы не переходят с данной формы занятости на другую не только по финансовым причинам, но и из-за привыкания к продолжительному межвахтовому периоду, используемому для отдыха, обучения, подработок, так как вся жизнь выстроена вокруг этого графика. Для вахтовиков значима ценность заработной

платы, профессионального развития и надёжности компании-работодателя. Самооценка личностных качеств, детерминирующих выбор работы в труднодоступных местах, связывается вахтовиками с открытостью новому опыту, стрессоустойчивостью и коммуникабельностью.

Новизна полученных результатов состоит в том, что в комбинации количественных и качественных методов исследования получены данные, значимые для определения перспектив и научного социологического обоснования программ развития кадрового потенциала Арктической зоны страны с учётом представлений работников вахтового метода о своей занятости, её мотивации, а также эмпирически подтверждённой взаимосвязи между опытом вахтования и неготовности вахтовиков переехать в арктический регион на постоянное место жительства и трудоустройства.

Результаты исследования обосновывают необходимость дальнейшего изучения количественных и качественных характеристик вахтовой занятости на арктических территориях как важнейшего источника кадрового обеспечения экономики и социальной сферы Российской Арктики. Отдельные результаты представленного исследования будут интересны для рекрутинговой деятельности кадровых служб компаний, функционирующих в Арктической зоне РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Рязанцев С. В.* Трудовая миграция в России в условиях интеграции в ЕврАзЭС // Вопросы экономики. 2008. № 6. С. 71–83. DOI [10.32609/0042-8736-2008-6-71-83](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-6-71-83). EDN [JTXGUR](https://edn.ras.ru/JTXGUR).
2. *Туракаев М. С., Баймурзина Г. Р.* Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 6. С. 115–133. DOI [10.15838/ptd.2022.6.122.7](https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7). EDN [OMTNEQ](https://edn.ras.ru/OMTNEQ).
3. *Силин А. Н.* Вахтовый труд в Арктике: социально-пространственный дискурс: монография. Тамбов : Консалтинговая компания Юком, 2021. 88 с. ISBN 978-5-4480-0323-3. EDN [GCUGRE](https://edn.ras.ru/GCUGRE).
4. *Степуть И. С., Гуртов В. А.* Вахтовая занятость в экономике Арктической зоны России: динамика, масштабы, профессионально-квалификационные характеристики // Общество и экономика. 2023. № 6. С. 90–108. DOI [10.31857/S020736760025036-8](https://doi.org/10.31857/S020736760025036-8). EDN [PNFNSM](https://edn.ras.ru/PNFNSM).
5. *Силин А. Н., Юдашкин В. А.* Вахтовый труд как социальный феномен: место в пространственном развитии регионов и проблемы нормативно-правового регулирования / А. Н. Силин, В. А. Юдашкин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 4 (24). С. 95–109. DOI [10.21684/2411-7897-2020-6-4-95-109](https://doi.org/10.21684/2411-7897-2020-6-4-95-109). EDN [PGTLHR](https://edn.ras.ru/PGTLHR).
6. Аналитическая записка о результатах исследования миграционных установок студентов на территории АЗРФ / Арктический центр стратегических исследований САФУ им. М. В. Ломоносова. URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/c17/zapiska-o-rezultatakh-issledovaniya-migratsionnykh-ustanovok-studentov-na-territorii-azrf.pdf> (дата обращения: 17.06.2024).
7. *Хаснулин В. И., Хаснулин П. В.* Современные представления о механизмах формирования северного стресса у человека в высоких широтах // Экология человека. 2012. № 1. С. 3–11. EDN [OSKLQP](https://edn.ras.ru/OSKLQP).

8. Короленко А. В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 6. С. 191–212. DOI [10.15838/ptd.2023.6.128.12](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.12). EDN [SQUTIJ](https://edn.sci.org/EDN/SQUTIJ).
9. Кирдяшкина Т. И. Вахтовый метод работы: факторы выбора и удовлетворённости // «Социокультурные, психологические и педагогические координаты развития личности». Материалы Международной научно-практической конференции (Владимир, 05–06 октября 2023 г.) / Под общей ред. Е. Е. Блиновой. Владимир : Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2023. С. 252–256. EDN [DHLYBW](https://edn.sci.org/EDN/DHLYBW).
10. Терелецкова Е. В., Якитайте В. Л. Трудовая карьера вахтового персонала: проблема текучести кадров // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 3. С. 162–166. DOI [10.34773/EU.2023.3.29](https://doi.org/10.34773/EU.2023.3.29). EDN [YNMWOW](https://edn.sci.org/EDN/YNMWOW).
11. Фаузер В. В., Лыткина Т. С. Вахтовый метод и демографический потенциал Российского Севера // Управленческие аспекты развития северных территорий России: Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) (Сыктывкар, 20–23 октября 2015 г.) / Коми республиканская академия государственной службы и управления. Ч. 2. Сыктывкар : Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2015. С. 302–307. EDN [VGSGXZ](https://edn.sci.org/EDN/VGSGXZ).
12. Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. № 2 (76). С. 51–61. EDN [ZDQTLZ](https://edn.sci.org/EDN/ZDQTLZ).
13. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 1–12.
14. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1 (37). С. 186–193. DOI [10.31737/2221-2264-2018-37-1-9](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9). EDN [XRWLZR](https://edn.sci.org/EDN/XRWLZR).
15. Бажутова Е. А., Скуфьина Т. П. Региональные, муниципальные и корпоративные аспекты управления вахтовой миграцией в регионах Арктической зоны Российской Федерации // Уголь. 2023. № 7. С. 41–49. DOI [10.18796/0041-5790-2023-7-41-49](https://doi.org/10.18796/0041-5790-2023-7-41-49). EDN [JRUTIA](https://edn.sci.org/EDN/JRUTIA).
16. Акимов А. М. О некоторых социальных характеристиках хронического стресса вахтовиков в условиях Арктики // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 154–159. DOI [10.31857/S013216250022670-0](https://doi.org/10.31857/S013216250022670-0). EDN [RZEQMB](https://edn.sci.org/EDN/RZEQMB).
17. Переладов А. М., Силин А. Н. Мотивационный механизм у разных групп вахтового персонала в Арктике // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2022. № 2. С. 67–76. DOI [10.31660/1993-1824-2022-2-67-76](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-2-67-76). EDN [PEPZUU](https://edn.sci.org/EDN/PEPZUU).
18. Херцберг Ф. Мотивация к работе / Ф. Херцберг, Б. Моснер, Б. Блох Снидерман ; пер. с англ. Д. А. Куликов. М. : Вершина, 2007. 240 с. ISBN 5-9626-0259-5. EDN [QXPMOJ](https://edn.sci.org/EDN/QXPMOJ).

Сведения об авторах

Е. А. Хотеева

младший научный сотрудник

SPIN-код: [6881-5011](https://orcid.org/0009-0001-6881-5011)

А. В. Симакова

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 6404-5074

И. С. Степуть

кандидат экономических наук,
заместитель директора
SPIN-код: 4827-1957

Вклад авторов в подготовку публикации:

Е. А. Хотеева – 60 % (формирование общей идеи и разработка концепции статьи; сбор, подготовка и анализ данных, визуализация данных, написание текста статьи, редактирование статьи в соответствии с требованиями журнала).

А. В. Симакова – 20 % (подготовка методики и эмпирической базы исследования, анализ данных исследования, участие в написании текста статьи).

И. С. Степуть – 20 % (подготовка методологической основы исследования, анализ данных исследования, участие в написании текста статьи).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 18.10.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.4.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.9)

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE POTENTIAL OF THE RUSSIAN ARCTIC: MOTIVATIONAL DRIVERS OF LABOR MIGRANTS (BASED ON THE EXAMPLE OF SHIFT EMPLOYMENT)

Evgeniya Aleksandrovna Khoteeva¹

Anna Vasilievna Simakova²

Irina Sergeevna Stepus³

^{1, 2, 3} Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia,

¹ ehoteeva@petrsu.ru,

ORCID [0000-0003-4153-1142](https://orcid.org/0000-0003-4153-1142)

² simakova@petrsu.ru,

ORCID [0000-0002-1990-9826](https://orcid.org/0000-0002-1990-9826)

³ stepus@petrsu.ru,

ORCID [0000-0001-5070-0273](https://orcid.org/0000-0001-5070-0273)

For citation: Khoteeva E. A., Simakova A. V., Stepus I. S. Prospects for the development of the potential of the Russian Arctic: motivational drivers of labor migrants (based on the example of shift employment). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):156–178. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.9).

Abstract. The article updates the topic of developing the labor potential of the Russian Arctic. The ideas and motives of shift workers about this type of work in labor-scarce regions and its inconsistency from the point of view of advantages and negative consequences for both the individual and the region are analyzed. The purpose of the article is to identify a number of attitudes and ideas of shift workers as temporary labor migrants about their employment and work activities in order to determine the drivers for the development of the labor potential of the Russian Arctic. The following intangible determinants of the choice of employment on a rotational basis in a harsh climatic region were analyzed: motivation, satisfaction with the characteristics of the labor market, reflection of personal qualities and values, underlying the decision on regular temporary migration. The study was conducted among employed people coming to work in the Arctic zone of Russia from non-Arctic regions of the Russian Federation. The empirical basis of the study is based on a survey of 850 shift workers and interviews with 13 informants. When processing quantitative data, simple distributions, contingency tables and statistical methods were used. Qualitative data processing methods: content analysis and thematic analysis. The results of the study showed that rotational workers are motivated by the relationship between the level of wages and the cost of living in the region of permanent residence. Informants note an alignment with salaries “on the mainland” but the commitment to shift work remains due to its lack of alternative in terms of the ratio of advantages and limitations. For shift workers, the value of wages, professional development and the reliability of the employing company is significant. Self-assessment of personal qualities that determine the choice of work in hard-to-reach places is associated by shift workers with openness to new experience, stress resistance and communication skills. A direct correlation was revealed between the experience of rotational employment and the unwillingness to move to the Arctic zone of the Russian Federation for permanent residence. The results justify the need to take into account the volume of shift employment when preparing a personnel forecast for labor-scarce regions, and will also be useful for the recruiting activities of personnel services of companies operating in the Arctic zone of the Russian Federation and using the rotational method of labor organization.

Keywords: labor potential, shift employment, shift worker, Arctic zone of the Russian Federation, labor-scarce regions, temporary labor migration, labor market, motivational drivers, personal qualities, individual values

Acknowledgments: the research was carried out with the grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10148 “Motivational drivers in the dynamics of human resource flows in the Russian Arctic: trends, challenges, prospects”.

REFERENCES

1. Rjazancev S. V. Labor migration in Russia in the context of integration into the EurAsE C. *Economic issues=Voprosy jekonomiki*. 2008;(6):71–83. (In Russ.). DOI [10.32609/0042-8736-2008-6-71-83](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-6-71-83).
2. Turakaev M. S., Baymurzina G. R. Shift work through the eyes of temporary labor migrants from Bashkortostan. *Problems of territory development=Problemy razvitija territorii*. 2022;26(6):115–133. (In Russ.). DOI [10.15838/ptd.2022.6.122.7](https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7).
3. Silin A. N. Shift work in the Arctic: socio-spatial discourse: monograph. Tambov: Konsaltingovaya kompaniya Yukom; 2021. 88 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4480-0323-3.
4. Stepus' I. S., Gurtov V. A. Shift employment in the economy of the Arctic zone of Russia: dynamics, scale, professional and qualification characteristics. *Society and economy=Obshhestvo i jekonomika*. 2023;(6):90–108. (In Russ.). DOI [10.31857/S020736760025036-8](https://doi.org/10.31857/S020736760025036-8).

5. Silin A. N., Judashkin V. A. Shift work as a social phenomenon: place in the spatial development of regions and problems of legal regulation. *Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal research=Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovanija*. 2020;6(4):95–109. (In Russ.). DOI [10.21684/2411-7897-2020-6-4-95-109](https://doi.org/10.21684/2411-7897-2020-6-4-95-109).
6. Analytical note on the results of a study of migration attitudes of students in the Russian Arctic. Arctic Center for Strategic Studies of NArFU named after. M. V. Lomonosov. Available at: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/c17/zapiska-o-rezultatakh-issledovaniya-migratsionnykh-ustanovok-studentov-na-territorii-azrf.pdf> (accessed: 17.06.2024).
7. Hasnulin V. I., Hasnulin P. V. Modern ideas about the mechanisms of formation of northern stress in humans at high latitudes. *Human ecology=Jekologija cheloveka*. 2012;(01):3–11. (In Russ.).
8. Korolenko A. V. Shift labor migration as a type of otkhodnichestvo: scale, causes and consequences. *Problems of territory development=Problemy razvitija territorii*. 2023;27(6):191–212. (In Russ.). DOI [10.15838/ptd.2023.6.128.12](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.12).
9. Kirdjashkina T. I. Shift work method: factors of choice and satisfaction. In: E. E. Blinova, ed. Materials of the international scientific and practical conference “Sociocultural, psychological and pedagogical coordinates of personality development”. Vladimir: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya «Tranzit-IKS»; 2023. P. 252–256. (In Russ.).
10. Tereleckova E. V., Jakshajtje V. L. Labor career of shift personnel: the problem of staff turnover. *Economics and management: scientific and practical journal=Jekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal*. 2023;(3):162–166. (In Russ.). DOI [10.34773/EU.2023.3.29](https://doi.org/10.34773/EU.2023.3.29).
11. Fauzer V. V., Lytkina T. S. Shift method and demographic potential of the Russian North. In: A. A. Popov, ed. Managerial aspects of the development of the Northern territories: materials of the All-Russian scientific conference (October 20–23, 2015, Syktyvkar). Syktyvkar: Komi respublikanskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby' i upravleniya; 2015. P. 302–307. (In Russ.).
12. Rybakovskij L. L. Factors and causes of population migration, the mechanism of their relationship. *Population=Narodonaselenie*. 2017;(2):51–61. (In Russ.).
13. Judina T. N. On the sociological analysis of migration processes. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovanija*. 2002;(10):1–12. (In Russ.).
14. Mkrтчjan N. V., Florinskaja Ju. F. Labor migration in Russia: international and internal aspects. *Journal of the New Economic Association=Zhurnal Novoj jekonomicheskoj asociacii*. 2018;1(37):186–193. (In Russ.). DOI [10.31737/2221-2264-2018-37-1-9](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9). (In Russ.).
15. Bazhutova E. A., Skuf'ina T. P. Regional, municipal and corporate aspects of shift migration management in the regions of the Arctic zone of the Russian Federation. *Coal=Ugol'*. 2023;(7):41–49. (In Russ.). DOI [10.18796/0041-5790-2023-7-41-49](https://doi.org/10.18796/0041-5790-2023-7-41-49).
16. Akimov A. M. On some social characteristics of chronic stress among shift workers in the Arctic. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovanija*. 2023;(5):154–159. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250022670-0](https://doi.org/10.31857/S013216250022670-0).
17. Pereladov A. M., Silin A. N. Motivational mechanism for different groups of rotational personnel in the Arctic. *News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy=Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologija. Jekonomika. Politika*. 2022;(2):67–76. (In Russ.). DOI [10.31660/1993-1824-2022-2-67-76](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-2-67-76).
18. Hercberg F., Mausner B., Snyderman B. B. The Motivation to work. Moscow: Vershina; 2007. 240 p. ISBN 5-9626-0259-5.

Information about the Authors

E. A. Khoteeva

Junior Researcher

ResearcherID: **HMV-0443-2023**

Scopus AuthorID: **57201731596**

A. V. Simakova

Candidate of Sociology,

Senior Researcher

ResearcherID: **K-3038-2018**

Scopus AuthorID: **57211977286**

I. S. Stepus

Candidate of Economics,

Deputy Director

ResearcherID: **H-1098-2016**

Scopus AuthorID: **57197761821**

Contribution of the authors:

E. A. Khoteeva – 60 % (development of the general idea and concept of the article; collection, preparation and analysis of data, data visualization, writing the text of the article, editing the article in accordance with the requirements of the journal).

A. V. Simakova – 20 % (preparation of the methodology and empirical basis of the study, analysis of the study data, participation in writing the text of the article).

I. S. Stepus – 20 % (preparation of the methodological basis of the study, analysis of the study data, participation in writing the text of the article).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 18.10.2024.

ТЕНДЕНЦИИ МОДИФИКАЦИИ ФОРМ СЕМЬИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ МИГРАЦИИ: ДАННЫЕ ОПРОСА ЭКСПЕРТОВ

Вера Михайловна Пешкова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
pever@mail.ru,
ORCID 0000-0003-3530-922X

Для цитирования: Пешкова В. М. Тенденции модификации форм семьи под воздействием миграции: данные опроса экспертов // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 179–189. DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.10. EDN YKRQXD.

Аннотация. В статье анализируются результаты опроса экспертов-специалистов по проблематике влияния миграции в Россию представителей стран Центральной Азии на изменение основных форм и моделей семейных отношений, сам институт брака как в принимающей стороне, так и странах исхода. Обосновывается вывод, что понятие «семья мигрантов» относится к зонтичным понятиям и охватывает различные формы семей и моделей семейных отношений (супружеских, родительско-детских, родственных) на разных этапах семейной миграционной траектории. Среди форм семей мигрантов экспертами выделены: транснациональные, включая дистантные семьи; вторые, или параллельные; смешанные семьи; фиктивные браки/семьи; воссоединённые; семьи, созданные в миграции в России. Влияние миграции на семьи мигрантов из Центральной Азии в России эксперты предлагают рассматривать не как линейное и однонаправленное, такие семьи оказываются в континууме вариантов, включающем нормы поведения и социальные практики в семейных отношениях, принятые как в отправляющих сообществах, так и в России. Выбор моделей семейных отношений, а также степень влияния миграции на изменения в конкретной семье предположительно обуславливается формой семьи, а также длительностью миграционного опыта.

Ключевые слова: миграция из Центральной Азии, семьи мигрантов, адаптация, интеграция, влияние миграции на семью, динамика форм семьи

Благодарности: автор выражает признательность всем специалистам, принимавшим участие в экспертном опросе.

Введение

Иностранная миграция составляет заметный элемент многих сторон жизни России на протяжении минимум двух десятков лет. Миграционная ситуация характеризуется тем, что в среднем почти 90% мигрантов приходится на страны

© Пешкова В. М., 2024

СНГ, из которых многие годы не менее половины составляли трудовые мигранты, уроженцы стран Центральной Азии. А в 2023 году 82 % миграционного прироста за счёт миграции из стран СНГ дали мигранты из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана¹. Однако начинавшаяся как преимущественно временная и трудовая миграция мужчин, миграция из Центральной Азии постепенно приобретает характер семейной, ориентированной, в том числе на натурализацию. Согласно российским миграционным и демографическим исследованиям, эта тенденция постепенно формируется в последние 10–15 лет, о чём, в частности, свидетельствует феминизация миграции, рост доли миграции семей с детьми [1; 2], а также рост количества уроженцев этих стран со статусами, дающими право на долгосрочное пребывание в России, в том числе через воссоединение семей [3; 4].

Исследовательский интерес автора статьи нацелен на изучение динамики и направлений модификации форм семьи в конкретных условиях трудовой миграции представителей Центральной Азии в Россию. Проведение монографического социологического исследования требует построения понятийного каркаса, обобщения и типологизации существующих подходов к содержанию основных понятий. Определиться с терминологией и понятийным аппаратом важно не только с научно-теоретической, но и с прикладной точки зрения. В 2024 году семьи трудовых мигрантов оказались в центре российской медийной и общественно-политической дискуссий, сфокусировавшихся на негативных, с точки зрения участников данных обсуждений, последствиях миграции семей с детьми. По словам спикера нижней палаты парламента В. Володина, в Государственной Думе планируется обсудить законопроект о запрете трудовым мигрантам привозить с собой семьи². Но насколько эта законодательная инициатива соотносится с положениями действующей государственной миграционной и демографической политики РФ, в частности, с положением о государственной поддержке лиц, «которые способны успешно интегрироваться в российское общество»³? Ведь согласно некоторым исследованиям, именно те, кто перевозит в принимающую страну семьи, особенно детей, в большей степени нацелены на интеграцию [1].

Хронологически первыми исследованиями взаимосвязи миграции и развития стран Центральной Азии и России являются работы, посвящённые оценке

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?fbclid=IwY2xjawER3jRleHRuA2FlbQIxMQABHVQIJCPA6AcOdcHaSC6XYRwGgZYrImrqHxfBnswOmAL0KANQ7sh5zQSU6A_aem_VNcU1K7sTjgnRaTMgHaJPA (дата обращения: 28.09.2024).

² Володин анонсировал запрет для мигрантов привозить семьи // Коммерсант : электрон. версия. 12.09.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7068281> (дата обращения: 20.10.2024).

³ Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. N 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/72092260/> (дата обращения: 20.10.2024).

влияния миграции на центральноазиатские общества, в том числе, на семьи трудовых мигрантов, остающиеся в отправляющих странах [5; 6; 7; 8]. Признавая ощутимый вклад миграции и в повышение благосостояния семей в первую очередь благодаря денежным переводам трудовых мигрантов, и в социально-экономическое развитие стран региона в целом, большинство авторов также отмечают негативное влияние миграции как на отдельные семьи, так и на институт семьи [5; 7]. Миграция также способствовала появлению в Центральной Азии такого феномена, как транснациональные семьи [8].

В отечественных социальных исследованиях тема семей мигрантов из Центральной Азии в России затрагивается в основном в работах, посвящённых женской миграции [1; 2] и детям из семей мигрантов [9; 10; 11]. Один из выводов исследований состоит в том, что семьи, которые находятся в миграции с детьми, нацелены на укоренение в России в большей степени, чем семьи, в которых дети остаются на родине [1]. Отечественные работы, в которых объектом исследования являются семьи мигрантов из Центральной Азии в России, малочисленны и, как правило, обращены к отдельным аспектам проблемы. Можно назвать, например, публикации, посвящённые анализу этнического состава семей и их адаптационного потенциала [12]; исследованию внутрисемейных отношений мигрантов из постсоветских стран из транснациональной перспективы [13]; методологические работы, в которых проанализированы различные источники данных и проблемы их интерпретации при изучении семейной миграции [4; 14].

Анализ источников выявил наличие различных трактовок понятия «мигрантская семья», что приводит к неопределённости в том, какое, собственно, социальное явление мы изучаем, говоря о «семьях мигрантов». Не обозначив содержания основного понятия сложно выявить и описать тенденции в развитии института семьи под влиянием миграции, а также социальные предпосылки и эффекты для всех её участников, включая отправляющее и принимающее сообщество.

Автор статьи провёл опрос специалистов с целью получить обобщённое экспертное мнение по поводу следующих вопросов: что такое «семья мигрантов» из Центральной Азии в России? Каковы её характеристики и формы? Следует ли говорить о трансформации института семьи и брака в ситуации миграции, и если да, то какое значение это имеет как для самих мигрантов, так и для принимающего российского общества?

Результаты опроса экспертов

В соответствии с целями двухгодичного научного проекта на первом этапе его выполнения автором планировалось проведение глубинных интервью с исследователями, представляющими различные отрасли социальных наук и специализирующимися на изучении международной миграции и семейной проблематики как в России, так и в странах Центральной Азии. Интервьюирование проведено осенью и зимой 2022 г. Эксперту, в зависимости

от его/её специализации было предложено ответить на общие и специфические блоки вопросов. Общие вопросы касались экспертной оценки миграционной ситуации и основных миграционных тенденций; определения понятия «семьи мигрантов»; формы семей мигрантов и их основных характеристик; а также влияния миграции на семьи мигрантов в России. Специальные вопросы сформулированы исходя из дисциплинарной специализации экспертов. Проведено 24 глубинных полуструктурированных интервью с исследователями: специализирующимися на семейной проблематике – 4; на международной миграции, включая миграцию между странами Центральной Азии и Россией, – 20 (из них 3 интервью с центрально-азиатскими исследователями). Представляется, что разнообразие специалистов позволяет ответить на поставленные вопросы комплексно, исходя из разных дисциплинарных и персональных исследовательских оптик. Собранная информация обрабатывалась с применением методов тематического анализа нарративов и социальной категоризации.

Ниже представлены результаты первичного обобщения солидного массива собранной методом качественной социологии информации.

Содержание понятия и формы семей, складывающихся в процессе миграции. Понятие «семьи мигрантов», по оценкам экспертов, содержательно представляет собой сложную, многозначную конструкцию, которую можно отнести к зонтичным понятиям, охватывающим разные формы семей и моделей семейных отношений (супружеских, родительско-детских, родственных) на разных этапах семейной миграционной траектории. Среди таких форм исследователи выделяют: транснациональные, включая дистантные семьи; вторые или параллельные; смешанные; фиктивные браки/семьи; воссоединённые; семьи, созданные мигрантами в России. Коротко рассмотрим основные характеристики этих форм.

Транснациональная семья имеет две основные вариации: семья, разделённая государственными границами, или дистантная семья; и семья с миграционной историей, сохраняющая семейные и родственные связи со страной исхода поверх национальных границ. Ключевой характеристикой дистантной семьи, по мнению экспертов, является семейная жизнь на расстоянии, когда, мужчина находится в миграции большую часть года, а остальные члены семьи – на родине. Со временем конфигурации разделённости могут усложняться, оказывая негативное влияние на семейную жизнь, на воспитание детей, приводя к утрате ряда значимых семейных функций, например, таких как семейная близость и поддержка. Для некоторых мигрантов подобная форма семьи становится переходной к этапу воссоединения семьи в миграции. Во втором варианте транснациональная семья – это в первую очередь семья с миграционной историей, то есть, как правило, с российским гражданством, детьми, привезёнными в раннем возрасте или рождёнными в России, постоянно проживающая в России, но активно поддерживающая связи со страной исхода.

Появление такой формы, как *вторые, или параллельные* семьи эксперты склонны объяснить продолжительной жизнью на расстоянии. Хотя

не моногамные отношения являются спутником любой миграции, масштабная и длительная миграция способствовала их более широкому распространению. В таких отношениях, как правило, состоят мужчины-мигранты, хотя встречаются случаи и вторых семей у женщин. Это могут быть отношения с российскими гражданами или выходцами из центральноазиатского региона. Отношения с россиянами, как полагают некоторые эксперты, не только упрощают жизнь мигрантов, но и служат эффективным способом адаптации. Браки и на родине, и в России могут быть как зарегистрированными, так и не зарегистрированными (в последнем случае речь идёт о религиозных или гражданских браках).

Специфика *смешанных* семей как отдельной формы состоит в том, что, зачастую они одновременно являются межэтническими, межрелигиозными, или союзами мигранта и не мигранта. Последнюю вариацию смешанной семьи один из экспертов называет семьёй «с международным компонентом», оценивая её долю в 7% от общего числа зарегистрированных браков. Но в последние годы в эту статистику попадают и моноэтнические браки, в которых один из супругов с российским гражданством родом из Таджикистана, Узбекистана или Кыргызстана. В смешанных семьях, по мнению экспертов, как правило, идёт взаимная адаптация: оба партнёра вынуждены частично осваивать нормы, принятые в отправляющей и принимающей странах.

Фиктивные браки сложно назвать семьёй, но рост их количества исследователями однозначно связывается с миграцией и относится к сфере теневой экономики, основанной на институте посредничества. Согласно оценкам экспертов, по количеству фиктивных браков лидируют граждане Таджикистана, на втором месте – выходцы из Узбекистана, на третьем – уроженцы Кыргызстана. Впрочем, в последние годы фиктивные браки с целью получения гражданства, по мнению экспертов, утрачивают популярность не только из-за ужесточения требований к регистрации браков как в России, так и в странах Центральной Азии, но и из-за доступности такого канала легализации, как воссоединение семей.

Обозначенные выше формы семей, создаваемые в миграции, не имеют жёстких границ, могут переходить одна в другую или накладываться одна на другую. Например, смешанный союз может быть одновременно второй семьёй.

Отдельно эксперты выделяют, условно говоря, «традиционную» семью мигрантов в России. Это, как правило, двухпоколенная нуклеарная моноэтническая и монорелигиозная семья с детьми, с российским гражданством или без, зачастую длительно и постоянно проживающая в России. Увеличение количества таких семей после 2010 года эксперты считают новой тенденцией в преимущественно трудовой миграции из Центральной Азии. Данная тенденция является своего рода следствием «старения», по выражению одного из экспертов, трудовой миграции. Правда мнения исследователей по вопросу о том, когда начинается формирование этой тенденции, расходятся. По оценкам одних, – с середины 2000-х гг., по мнению других – в промежутке между 2010 и 2015 гг., когда также отмечается и рост числа семей, создаваемых мигрантами в России, и рост числа рождений детей в семьях мигрантов в России.

Система координат и факторы существования, развития и изучения мигрантских семей. Семьи мигрантов, особенно с детьми, по сравнению с индивидуальными мигрантами, сталкиваются с большими сложностями и барьерами. Вместе с тем, согласно исследователям, они имеют и более высокий потенциал адаптации и интеграции. Например, дети, рождённые в России, либо привезённые в дошкольном и младшем школьном возрасте, зачастую осваивают русский язык быстрее, чем родители, становясь не просто переводчиками, но агентами адаптации и интеграции для семьи в целом.

По мнению опрошенных экспертов, *системой координат* для идентификации и изучения семей мигрантов в России, а также для определения того, как влияет миграция на такие семьи, являются условия, существующие для семей как у принимающей стороны, так и для стран исхода.

В современных центральноазиатских обществах отношение к браку и к семье, по мнению экспертов, характеризуется несколькими общими принципиальными моментами. В первую очередь речь идёт о неоспариваемой высокой ценности семьи, особенно с детьми. Нормативный семейный порядок включает многодетность; расширенную или родственную семью (как правило, трёхпоколенную, зачастую состоящую из одного домохозяйства); возраст вступления в брак у женщин 20–21 год, у мужчин – 23–24 года; иерархичность во внутрисемейных отношениях; гендерные семейные роли и т. п.

Но центральноазиатская семья меняется. Большинство исследователей склонны интерпретировать эти изменения как показатель движения от «традиционности» к «современности», эмансипации центральноазиатских обществ под влиянием глобальных процессов, с одной стороны, но также и под влиянием масштабной трудовой миграции – с другой. Обращается внимание на тенденцию к нуклеаризации семьи, в том числе растущую популярность раздельного проживания; менее строгое отношение к необходимости проживания с родителями младшего сына; уменьшение количества детей в семье; появление новых семейных практик (например, «гендер-пати»); повышение приемлемого брачного возраста; более мягкое отношение к тому, чтобы молодые люди сами выбирали себе брачного партнера и пр. Всё большее количество молодых людей ориентированы на создание карьеры; растёт социальная и географическая мобильность женщин и детей. Некоторые изменения берут начало в советских модернизационных процессах. В то же время, по сравнению с советским периодом, возросло число браков, зарегистрированных только по религиозному обряду, что, по мнению центральноазиатских экспертов, негативно влияет на институт семьи в этих странах.

На другой оси системы координат, определяющих векторы и формы развития мигрантских семей, – современная российская семья, которую, согласно экспертам, характеризует вариативность, нестабильность (подвижная структура) и небольшой размер (нуклеарная первобрачная малодетная семья). Принципиальным в понимании российской семьи также является то, что она трансформируется в логике демографических переходов. Происходят изменения в брачной структуре

и в практике воспроизводства, в частности повышение брачного и детородного возраста; рост количества разводов. Согласно оценкам специалистов в области семьи, утрачивается актуальность сугубо экономических функций, но сохраняются такие функции, как «репродукция или воспроизводство в широком смысле слова» и «полоролевая парсонианская семья». Сохраняется и детоцентрическая модель семьи, правда при смещении акцента от родительства как обязательного элемента к супружеству как более значимому. С одной стороны, снижается количество детей в семье, с другой – растёт число многодетных, причём как в обеспеченных, так и в малообеспеченных слоях общества.

Заключение

Любые формы семей мигрантов, но особенно «традиционные», согласно экспертам, имеют свои особенности, как отличающие их от семей в отправляющих и принимающей странах, так и сближающие с ними. С отправляющими странами, например, семьи мигрантов сближает воспроизводство в супружеских и в родительско-детских отношениях норм, принятых в центральноазиатских сообществах. Для многих из таких семей важна разветвлённая система родственных и локальных социальных связей, поддерживаемая взаимопомощью, обменом услугами и подарками на семейных мероприятиях как между теми, кто переехал в Россию, так и с теми, кто остался на родине. В целом семьи мигрантов, по мнению части экспертов, более патриархальны и иногда более замкнуты даже по сравнению с семьями в Центральной Азии. В то же время существует и обратная тенденция, когда благодаря миграции члены семьи частично эмансипируются (жены от мужей, оба супруга от старших родственников), отказываясь от ряда моделей семейных отношений, принятых в отдающих странах.

Обобщая мнение экспертов, можно сделать вывод, что влияние миграции на семьи мигрантов в России нельзя рассматривать как линейное и однонаправленное. Скорее следует говорить о том, что такие семьи оказываются в континууме вариантов, включающем нормы поведения и социальные практики в семейных отношениях, принятые как в отправляющих сообществах, так и в России. И выбор этих вариантов в определённой степени обуславливается формой семьи, а также длительностью миграционного опыта. Часть семей становятся более патриархальными, чем на родине. Так, согласно специалисту по Центральной Азии, сталкиваясь с ограничением ношения религиозной женской одежды в Таджикистане, в России некоторые женщины-мигранты чаще и активнее посещают мечети, получают исламское образование и покрывают голову. С другой стороны, происходит уменьшение патриархальности. Эмансипирующий эффект миграции исследователи отмечают и в отношении мужчин, но особенно в отношении женщин. Усиление мобильности женщин происходит и в отправляющих странах, но миграция, предлагая новые возможности как в сфере работы, так и в области досуга, ускоряет эмансипацию. Разделённость расстояниями приводит к формированию новых семейных практик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Е. В. Тюрюканова, Ж. А. Зайончковская, Л. Б. Карачурина [и др.]. М. : МАКС Пресс, 2011. 120 с. ISBN 978-5-317-03843-4. EDN QONPHJ.
2. Полетаев Д. В. Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 68–78. DOI 10.26653/1561-7785-2018-21-4-07. EDN YVSQCT.
3. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: [монография] / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с. ISBN 978-5-89697-407-9. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022. EDN YKKOSI.
4. Чудиновских О. С. Измерение семейной миграции в России: источники данных и проблемы их интерпретации // Вопросы статистики. 2020. Т. 27, № 4. С. 24–52. DOI 10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52. EDN KLGGL.
5. Egamberdiev B., Zoirov D. Effect of migration on household and left behind family members: case of Kyrgyzstan // International conference of Eurasian economies. 2018. P. 44–53.
6. Миграционный ежегодник: Центральная Азия и Россия-2023. Формирование миграционных политик в странах ЦА и РФ в современных условиях. 2023. 89 с.
7. Влияние трудовой миграции на семейные отношения в посылающих странах Центральной Азии (на примере Таджикистана) / Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, С. Ю. Сивоплясова [и др.] // Сегодня и завтра российской экономики. 2017. № 83–84. С. 35–52. DOI 10.26653/1993-4947-2017-83-84-02. EDN OUCNCX.
8. «Жить в двух мирах»: Переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под общей редакцией С. Н. Абашина, О. Е. Бредниковой. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 520 с. ISBN 978-5-4448-1282-2. EDN MZZYPU.
9. Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные: рабочие материалы НУЛ СОИ. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2011. 100 с. EDN QYJQNV.
10. Адаптация и интеграция детей из семей мигрантов в российской системе образования: коллективная монография / Т. И. Алешечкина, С. А. Анашкина, К. Б. Апкина ; под ред. Е. А. Омельченко, А. А. Шевцовой. М. : Этносфера, 2022. 169 с. ISBN 978-5-93125-188-2.
11. Флоринская Ю. Ф. Миграция семей с детьми в Россию: проблемы интеграции (по материалам социологических опросов Центра миграционных исследований) // Проблемы прогнозирования. 2012. № 4. С. 118–126. EDN PIAVH.
12. Донец Е. В. Семьи мигрантов в Российской Федерации: этническое измерение (по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.) // Современные исследования миграции населения: сборник статей / Под ред. Е. В. Донец, О. С. Чудиновских. М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. 2015. Вып. 26. С. 50–60.
13. Толмачева А. Ю. Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 3. С. 49–69. DOI 10.19181/vis.2022.13.3.830. EDN PGADOO.
14. Ткачева Н. А. Юдашкин А. В. Семьи с миграционной историей в контексте политики социального развития региона // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2023. № 4. С. 142–161. DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-142-161. EDN ZLSVLT.

Сведения об авторе

В. М. Пешкова

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: 1436-3640

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024;
принята к публикации 27.11.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.10

TRENDS IN THE MODIFICATION OF FAMILY FORMS UNDER THE INFLUENCE OF MIGRATION: DATA FROM A SURVEY OF EXPERTS

Vera Mikhailovna Peshkova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,
pever@mail.ru,
ORCID 0000-0003-3530-922X

For citation: Peshkova V. M. Trends in the modification of family forms under the influence of migration: data from a survey of experts. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):179–189. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.10.

Abstract. This article presents the first results of conceptualizing of the “migrant families”, investigations of family forms and models of relations, as well as the relationship between migration and the transformation of the institution of family and marriage using the example of migrant families from Central Asia in Russia. The empirical basis is in-depth interviews with 24 researchers representing various social disciplines and specializing in the study of international migration and family issues, both in Russia and in the Central Asian countries. The concept of “migrant families” refers to umbrella ones, since it covers different forms of families and models of family relations (marital, parent-child, kinship) at different stages of the family migration trajectory. Some forms of migrant families are following: transnational, including distant families; second or parallel families; mixed families; fictitious marriages/families; reunited families; families created during migration in Russia. The impact of migration on migrants’ families from Central Asia in Russia cannot be viewed as linear and unidirectional. Rather, such families find themselves in a continuum of many options, including norms of behavior and social practices in family relations accepted both in sending communities and in Russia. The choice of specific models of family relations, as well as the influence level of migration on an individual family, is to a certain extent determined by the family form, as well as the duration of the migration experience.

Keywords: migration from Central Asia, migrant families, adaptation, integration, impact of migration on the family, dynamics of family forms

Acknowledgments: the author expresses gratitude to all the specialists who took part in the expert survey.

REFERENCES

1. Tyuryukanova E. V., Zajonchkovskaya Zh. A., Karachurina L. B. [et al]. Women migrants from CIS countries in Russia. Moscow: MAKS Press; 2011. 120 p. (In Russ.). ISBN 978-5-317-03843-4.
2. Poletaev D. V. Women's labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia. *Narodonaselenie=Population*. 2018;21(4):68–78. (In Russ.). DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-4-07](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-07).
3. Mukomel' V. I., Grigor'eva K. S., Monusova G. A. [et al]. Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators. FCTAS RAS. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 400 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022).
4. Chudinovskikh O. S. Measuring family migration in Russia: sources of data and problems of its interpretation. *Voprosy' statistiki=Voprosy statistiki*. 2020;27(4):24–52. (In Russ.). DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52).
5. Egamberdiev B., Zoirov D. Effect of migration on household and left behind family members: case of Kyrgyzstan. In: International conference of Eurasian economies. 2018. P. 44–53.
6. Migration yearbook: Central Asia and Russia-2023. Formation of migration policies in the countries of Central Asia and the Russian Federation in modern conditions 2023. 89 p. (In Russ.).
7. Pismennaya E. E., Ryazantsev S. V., Sivoplyasova S. Yu. [et al]. Influence of labor migration on family relations in the sending countries of Central Asia (on the example of Tajikistan). *Today and tomorrow of the Russian economy=Segodnya i zavtra rossijskoj e'konomiki*. 2017;(83-84):35–52. (In Russ.). DOI [10.26653/1993-4947-2017-83-84-02](https://doi.org/10.26653/1993-4947-2017-83-84-02).
8. Abashin S. N., Brednikova O. E. eds. "Living in two worlds": rethinking transnationalism and translocality. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2021. 520 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-1282-2.
9. Aleksandrov D. A., Baranova V. V., Ivanyushina V. A. Children from migrant families in schools of St. Petersburg: preliminary data: working materials of the Scientific and Research Laboratory of SON. St. Petersburg: Izd-vo Politexn. un-ta; 2011. 100 p. (In Russ.).
10. Omelchenko E. A., Shevtsova A. A. eds. Adaptation and integration of children from migrant families in the Russian education system: collective monograph. Moscow: E'tnosfera; 2022. 169 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93125-188-2.
11. Florinskaya Yu. F. Migration of families with children to Russia: integration problems (based on sociological surveys by the Center for Migration Studies). *Problems of Forecasting=Problemy' prognozirovaniya*. 2012;(4):118–126. (In Russ.).
12. Donets E. V. Migrant families in the Russian Federation: ethnic dimension (according to the 2002 and 2010 censuses). In: E. V. Donets, O. S. Chudinovsky. eds. Modern studies of population migration: [collection of scientific articles]. Moscow: E'konomicheskij fakul'tet MGU; 2015. Issue 26. P. 50–60. (In Russ.).
13. Tolmacheva A. Y. Families of migrants from post-Soviet states: between homeland and Russia. *Vestnik instituta sotziologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022;13(3):49–69. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2022.13.3.830](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.830).
14. Tkacheva N. A., Yudashkin A. V. Families with migration history in the context of regional social development policy. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics=Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavedenij. Sociologiya. E'konomika. Politika*. 2023;16(4):142–161. (In Russ.). DOI [10.31660/1993-1824-2023-4-142-161](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2023-4-142-161).

Information about the Author

V. M. Peshkova

Candidate of History,

Leading Researcher

Scopus AuthorID: [56610131200](#)

The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 27.11.2024.

КОНФЛИКТОЛОГИЯ: НАУЧНЫЙ ПОРТРЕТ УЧЁНОГО. К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. ДМИТРИЕВА

Ася Васильевна Воропаева¹
Лариса Юрьевна Коростелева²

^{1,2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ voropaeva@isras.ru,
ORCID 0000-0003-3177-3906

² larisa_55@rambler.ru,
ORCID 0000-0002-3815-8677

Для цитирования: Воропаева А. В., Коростелева Л. Ю. Конфликтология: научный портрет учёного. К 90-летию со дня рождения А. В. Дмитриева // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 190–200. DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.11. EDN JXOUQY.

Аннотация. В статье описаны основные вехи творческого пути видного отечественного учёного-обществоведа, члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора Анатолия Васильевича Дмитриева. Представлены достижения в предметных областях и направлениях, ставших центральными в его научно-исследовательской деятельности: социологии политики, миграции в контексте конфликтологии, региональной конфликтологии, конфликтных форм социальной коммуникации – скандала и провокации. Кратко аннотированы его ключевые работы, позволяющие составить научный портрет учёного, проблематика научной деятельности которого приобретает в наши дни особую актуальность.

Ключевые слова: политическая социология, конфликтология, провокация, скандал, миграция, региональная миграция, стереотип, предубеждение

Введение

В обеспечении национальной безопасности России основное значение имеют вопросы геополитической стабильности и снижения конфликтности, что постоянно находится в поле зрения политиков, общественных деятелей, учёных. Наука сегодня является ключевым фактором развития общества, роста качества жизни населения, генерации знаний, «важнейшим ресурсом социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности России»¹.

© Воропаева А. В., 2024

© Коростелева Л. Ю., 2024

¹ Телеграмма Президента РФ В. В. Путина участникам общего собрания Российской академии наук // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/68538> (дата обращения: 29.07.2024).

Рассматривая и анализируя ту или иную актуальную научную проблему, исследователи обращаются к накопленному знанию, работам ведущих учёных. В представленной статье, посвящённой 90-летию со дня рождения А. В. Дмитриева, авторы акцентируют внимание на его ключевых работах.

По прошествии времени всё более отчётливым становится понимание разносторонности, глубины и разнообразия научно-исследовательских интересов члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора А. В. Дмитриева. Он оставил большое творческое наследие (от политической социологии, конфликтологии, миграции до провокации, скандала и юмора), представляющее особую актуальность и значение для современного поколения исследователей.

В профессиональной деятельности А. В. Дмитриева удивительным образом совместились черты и качества широко мыслящего учёного с огромным диапазоном новых подходов и идей в социальных науках, глубокого аналитика, талантливого педагога и воспитателя научной молодёжи и, безусловно, умелого организатора. Он известен в отечественной науке и за рубежом как философ, политолог, социолог, историк, конфликтолог. А. В. Дмитриев по праву является одним из первых деятелей науки, который возродил российскую социологию. Ниже представлен очерк его научной биографии по основным её вехам.

Очерк научной биографии А. В. Дмитриева

Политическая социология. В 60-е гг. прошлого столетия работы по политической социологии совсем ещё молодого учёного-обществоведа нашей страны А. В. Дмитриева были особо новаторскими, написанными на материалах научных исследований, проведённых в США. В 1973 году в Ленинграде Анатолий Васильевич защитил докторскую диссертацию на тему «Предмет, методы и проблемы американской политологии (критический анализ концепций)». В тот период основными направлениями его научной деятельности стали проблемы урбанизации, социологии возрастных групп, коммуникации и конфликтологии [1].

Во время стажировки в Америке А. В. Дмитриева заинтересовала проблема иммиграции в США за весь период существования страны. Для рассмотрения данной темы необходимо было дополнительно изучить множество вопросов, без ответов на которые оценка иммиграции как особого социального явления была бы поверхностной. Потребовалось обязательное изучение территориального и профессионального размещения иммигрантов, сравнение квот иммигрантов из различных стран, оценка количества мужчин и женщин, анализ процесса эмиграции и иммиграции, сопоставление пропорции прибывших учёных ко всей массе иммигрантов, а также квалифицированных и неквалифицированных рабочих и т. п. В процессе исследования Анатолий Васильевич пришёл к выводу, что при анализе материала особо важно сделать акцент на классовый, социальный состав иммигрантов, т. е. на ту сторону проблемы, которую буржуазные учёные избегали и не считали значимым фактором. Также он отметил, что

заинтересованность США в миграции профессиональных учёных и инженеров обусловлена их прямым влиянием на экономический рост страны и обратным воздействием на многие европейские страны (Англии, Западной Германии и др.), а также болезненными последствиями для слаборазвитых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Кроме того, анализ показывал, что приток определённых групп иммигрантов сказывался одновременно и на социальных отношениях внутри страны [2], что подтверждает текущая ситуация с миграцией и в России.

А. В. Дмитриев, исследуя проблему миграции, делает вывод, что низкое качество жизни, нехватка оборудования для научных исследований играют безусловно значимую, но не решающую роль в жизненном выборе покинуть родину. Одновременно он подчёркивает, что это лишь одна сторона проблемы иммиграции, которую рассматривают американские социологи, подтверждая свой вывод высказыванием Роберта Кеннеди, являвшегося в то время министром юстиции и настаивавшего на необходимости перехода в иммиграционной политике от национальных квот к учёту квалификации иммигрантов. Анатолий Васильевич находит и другой пример: президент США Л. Джонсон 13 января 1965 г. при внесении соответствующего законопроекта в конгресс прямо заявил, что «предпочтение будет отдаваться тем, чья квалификация и знания делают их приезд наиболее прибыльным для нашего общества». Это происходило в то время, когда на небольшие военные операции в агрессивной войне против вьетнамского народа Америка тратила значительно больше. Только за год войны во Вьетнаме ВВС США теряло самолётов на сумму, равную всем затратам в то время на иммигрантов – за 13 лет свыше 1 млрд долларов. Кроме того, «утечка умов» из стран-конкурентов значительно ослабляла последних в борьбе с монополиями США и давала возможность получения научных и технических секретов от этих стран, а также использования зарубежного опыта и знаний. А. В. Дмитриев в результате длительного исследования приходит к выводу, что сведение проблемы иммиграции учёных и инженеров к обычной миграции из стран со сравнительно низким уровнем развития и переезд в более развитую державу – Америку является ошибочным.

В связи с сегодняшними шумными американскими протестами внутри страны и кампанией по выборам 47 президента США уместно вспомнить статью А. В. Дмитриева «Прогноз политического выбора американского избирателя» [3], опубликованную в 1969 году, в которой он отмечал всю условность прогнозирования итогов выборов в Соединённых Штатах, обосновывал вывод о том, что при оценке того или иного государственного деятеля и его коллег необходимо анализировать соотношение классовых сил и сложившуюся обстановку, в которой протекает его деятельность. Сами по себе опросы и их результаты являются орудием господствующего класса в целом, поскольку они проводятся в рамках двухпартийной системы и существующих политических традиций: каждый штат избирает столько выборщиков, сколько сенаторов и представителей посылает в конгресс. Каждая партия в штате выдвигает свой список выборщиков. Та партия, которая набрала большинство голосов, забирает голоса всех выборщиков

от штата. В то же время СМИ дают предварительные итоги и в какой-то мере формируют общественное мнение страны в пользу того или иного кандидата в президенты. Но, как писал А. В. Дмитриев, даже исследования Института Гэллапа, а также других организаций, занимающихся предсказанием выборов, неоднократно выдавали неверные результаты победы кандидата в президенты. Нельзя не отметить, что Анатолий Васильевич уловил смысл происходящих событий предвыборной гонки, адекватно оценил их, выявил узловые блоки реальности, что помогает нам сегодня лучше понять специфику выборов президента США.

Устойчивость взглядов А. В. Дмитриева способствовала основательности его мировоззрения, мало изменившегося с годами и опирающегося на глубокие знания социально-политической реальности. Целый ряд его научных работ, опубликованных в США, Китае, Германии, Болгарии, Монголии, а также его научные связи с Венгрией, Югославией (Сербией), Польшей и другими странами способствовали широкому признанию А. В. Дмитриева как разностороннего русского учёного, ведущего социолога и конфликтолога.

Конфликтогенность миграции. В научных работах А. В. Дмитриева проблемам конфликтогенности миграции уделено повышенное внимание [4; 5; 6]. Выбор этого направления исследования объяснялся тем, что массовая миграция, приобретая глобальный характер, становилась причиной социальных противоречий между переселенцами и постоянными жителями принимающих стран и регионов. Эта тема была мало разработанной в течение нескольких десятилетий. Анатолий Васильевич впервые начал рассматривать проблемы миграции с позиции конфликтологии. Он останавливается на том, что мигранты, прибыв в ту или иную вожделенную страну, по-разному себя ведут в месте проживания, на улице и на работе. Без периода адаптации к новым условиям они испытывают известные трудности, усугублённые представителями местной власти и населения. Рост миграционных потоков в Россию привёл к появлению большого количества мигрантов и их детей, испытывающих материальные, социальные и образовательные трудности в адаптации к иной среде и иной культуре. Для более глубокого понимания проблемы научная группа под руководством А. В. Дмитриева проводила масштабные эмпирические исследования, включая такие аспекты, как влияние миграционных процессов на межнациональные отношения; формы и ресурсы социальной адаптации вынужденных мигрантов; отношение к мигрантам; особенности общения с детьми-мигрантами, беженцами и переселенцами различных национальностей и специфика их обучения [7; 8; 9].

А. В. Дмитриев подчёркивал, что внешняя трудовая миграция является вынужденной и примитивной формой жизни миллионов людей, на которую их обрекли правительства стран происхождения (Средняя и Центральная Азия, Украина). Подобные практики формируют теневой контекст модели рыночной модернизации страны и тотальное господство сомнительного капитала, в рамках которого развивается система теневого предпринимательства, коррупция и, одним словом, все экономики, нуждающиеся в притоке дешёвой иностранной рабочей силы [6]. Исподволь возникают риски институционализации теневых,

криминальных практик взаимодействия работодателей с трудовыми мигрантами на рынке труда, где присутствует принудительный труд, обман, дискриминация, нелегальный статус. Не отрицая некоторых известных выгод иммиграции, А. В. Дмитриев отмечал, что проблема конфликтного потенциала внешней трудовой миграции многоаспектна и серьёзно недооценивается принимающей стороной. Беспрепятственный, массовый приток иностранных работников из стран безвизового въезда в Россию, особенно из республик Средней Азии, предоставляет работодателям возможность лёгкого выбора между дешёвой иностранной рабочей силой и дорогой – из числа граждан России. При этом возникающие конфликты чаще всего улаживаются по жёсткой схеме, когда работодатель предлагает мигрантам принять его условия либо быть уволенными.

А. В. Дмитриевым отмечены попытки мигрантов разрешать конфликты путём неформальных переговоров с работодателями с привлечением для этих целей посредников из числа руководителей местных национально-культурных объединений (НКО), созданных этническими соотечественниками – гражданами России. Эффективность такой посреднической роли высока, но остаётся в тени. Заметим только, что лидеры подобных объединений имеют некие связи в региональных органах власти и в органах местного самоуправления, умело сочетая открытые, предусмотренные законом процедуры, с теневыми практиками. Используются в необходимых случаях методы этнической мобилизации соотечественников, связанных с возможностью угроз последствий конфликтов с мигрантами. Ситуация с нелегальными мигрантами, составляющими не менее половины численности иностранных работников, прибывающих в Россию, ещё более тревожна. Однако кардинальные меры по решению вопросов с мигрантами в наши дни всё ещё откладываются.

Мировой опыт показывает, что в подобных условиях возрастает регулирующая роль государства, его способность гибко сочетать правовые, административные и рыночные механизмы влияния на миграцию, умение противодействовать росту её конфликтного потенциала и повышать федеральную и региональную сопротивляемость негативным процессам. А. В. Дмитриев неоднократно подчёркивал, что упрощение рассматриваемой проблемы неприемлемо, т. к. на масштабы миграции воздействует множество переменных, которые необходимо изучать и считаться с ними.

Далее, исследуя эту проблему, А. В. Дмитриев приходит к заключению, что не менее конфликтогенна и внутренняя миграция, она всегда чревата кризисами, даже в тех случаях, когда частично регулируется. Любое массовое перемещение нарушает образ жизни и социальную преемственность, разрывает существующую систему связей, а властным структурам часто не удаётся противостоять таким неблагоприятным тенденциям. И он резюмирует, что каждый из конфликтов для его разрешения, а также для поддержания стабильности системы рождает и усиливает необходимость в социальных институтах. Это и законы, и принятые процедуры для улаживания трудовых споров, и законодательные собрания, где конфликты решаются в дебатах и дискуссиях, и рынок, где интересы

между покупателями и продавцами согласовываются посредством сделок и др. Конфликт рассматривается А. В. Дмитриевым не как нечто ненормальное и проходящее, а как закономерное и даже необходимое явление. Вспомним, что такого же плана рассмотрение конфликта прослеживается у Аристотеля, Гоббса, Гегеля, Маркса.

Анализ научных работ А. В. Дмитриева свидетельствует о том, что различные социальные группы и социально-исторические типы населения принимают разные социально-экономические условия, чему может соответствовать многоукладная или смешанная экономика. Идеологической основой согласия в стране со смешанной экономикой, по мнению А. В. Дмитриева, как и ряда его коллег-единомышленников, может стать концепция многоукладной экономики при сильной государственной власти. Функция государства при этом относительно различных укладов сужается, хотя деятельность государственных органов в целом, их воздействие на экономику несомненно должны быть достаточно эффективными.

Внутригосударственный консенсус. Утверждение консенсуса внутри государства как ведущего метода принятия правовых решений, по мнению А. В. Дмитриева, требует времени и накопленного опыта, особенно при отсутствии базовых основ для общественного согласия. Только на такой основе могут успешно разрешаться национальные, территориальные и религиозные конфликты.

В связи с рассмотрением проблемы консенсуса А. В. Дмитриев в ряду социологов и психологов рассуждал о том, какую роль в отношении к «другим» играют предубежденность, предрассудки и стереотипы [10]. Этнический стереотип – это довольно четко фиксированная установка на восприятие, интеграцию и поведение таких групп, как племя, народ, этнос, нация и др. Этот вид стереотипа наиболее значим, поскольку он часто определяет остроту как напряженности, так и самого межнационального конфликта.

Рассматривая понятие «стереотип», А. В. Дмитриев отмечает, что под ним обычно понимается довольно упрощенный и устойчивый образ некоего социального объекта (индивид, группа), складывающийся в качестве обобщения опыта как отдельного человека, так и опыта социального окружения. Зачастую стереотипы чрезвычайно конфликтогенны. Причём чем более они фрагментарны и субъективны, тем больше вероятность того, что общение и действие, выполняемые на его основе, станут причиной не только коммуникативных разногласий, но и прямых столкновений.

Что касается таких понятий, как «предубеждение» и «предрассудок», то они чаще всего рассматриваются А. В. Дмитриевым на основании стереотипного восприятия, а при восприятии людьми друг друга часто возникают различные стереотипы. Если предубеждение – установка, то предрассудок – уже оценка, полная негативизма по отношению к другой группе, основанная исключительно на принадлежности к этой группе. По определению Анатолия Васильевича, групповой предрассудок более конфликтогенен и зачастую содержит отрицание ценностей иной культуры. «Предрассудительный» человек открыто порицает

других, осуждая их образ жизни, поведение. Предубеждение и предрассудки обостряются в ситуации соперничества. В том случае, если соперничество приходит к вооружённым столкновениям, то в дополнение к предубеждениям и предрассудкам добавляются чувства ненависти и страха.

Региональная миграция. Анализируя географию проведённых Анатолием Васильевичем исследований, важно отметить, что он постоянно находился в тесных контактах с учёными из разных регионов, с их научными сообществами. Надо подчеркнуть, что в числе первых, кто проявил исследовательский интерес к проблемам современного Северного Кавказа, был А. В. Дмитриев. Анатолий Васильевич – один из плодотворных исследователей региональной миграции, опубликовавший на эту тему ряд монографий совместно с учёными из разных региональных субъектов страны.

В 2007 году в своих работах А. В. Дмитриев писал о неэффективности финансовой политики в дотационности региональных бюджетов, обратив при этом особое внимание на активизацию так называемого «теневого» сектора. Тогда же им было выдвинуто предложение о необходимом введении в субъектах и регионах внешнего управления финансовыми потоками, без чего решить проблему эффективности финансовой региональной политики невозможно. Но его суждение о необходимости введения внешнего финансового управления, а также использования так называемого «отложенного конфликта» (конфликт, который нельзя сразу уладить), осталось до сих пор без внимания. Иллюстрируя, что война и столкновения ещё никогда не приносили народам ничего хорошего, Анатолий Васильевич утверждал, что всем надо учиться жить рядом с соседями и понимать друг друга, что архиважно для народов мира в наши дни.

Провокация и скандал. Долгое время в стороне от исследований оставались такие проблемы конфликтогенных форм коммуникации, как скандал и провокация. В этом плане особое значение приобрели монографии А. В. Дмитриева в рамках двух исследовательских проектов: «Скандал как конфликтогенная форма взаимодействия: социо-моральная интерпретация» [11], «Провокация как конфликтогенная форма взаимодействия: социологическая, социополитическая и социоморальная интерпретация» и ряд других [12; 13; 14; 15]. Примечательно, что комплексное исследование скандала как общественного явления было представлено впервые. При этом были показаны и негативные стороны данного феномена, и функциональные – образовательные, уравнивающие, сигнальные. А. В. Дмитриев расценивал провокацию не только как неотъемлемый элемент гражданского общества, но и как амбивалентное явление, когда провокационное поведение интерпретируется не только и не столько как конфликтное по своей сути, имеющее сугубо негативное содержание, но и как один из способов социализации индивида.

По данной теме в ходе интервью ответственному редактору «НГ-политика» Розе Цветковой на вопрос о том, кто стоит за фасадом преднамеренных скандалов в политике, можно ли предугадать возникновение, развитие и, главное, последствия подобных эксцессов, А. В. Дмитриев сначала разделил политический

скандал и скандал в искусстве. Шоу-бизнес, как он сказал, – это типичная скандальная сфера, где действующие лица добиваются известности, популярности. Когда же идёт борьба за власть, за политическое влияние, прибегают к разного рода методам, чаще всего неоднозначным. Например, главный принцип Олимпиады – отделение спорта от политики, но тем, кому нужно раздуть скандал, как тогда отметил Анатолий Васильевич, разумеется, о нём забывают. Его понимание политического скандала абсолютно подтвердило открытие Олимпиады в Париже 26 июля 2024 г. Это «представление» можно назвать настоящей провокацией, в ходе которой глубоко оскорбили христиан и углубили мировой конфликт. В интервью «Независимой газете» Анатолий Васильевич высказал тезис о важности тщательного просмотра и изучения любого скандала, оценки степени его опасности для действующей системы и во взаимодействии власти и общества, или, наоборот, насколько он укрепляет, очищает эту систему.

Заключение

В статье освещены лишь некоторые работы А. В. Дмитриева, которые вместе с тем позволили составить научный портрет российского учёного. Обобщая его наследие, следует отметить, что А. В. Дмитриев в своих исследованиях обращал внимание, прежде всего, на острые вопросы современного общества, умел оценить и спрогнозировать динамику регионального развития через использование обоснованности методологии и актуальности методики исследования, подходя к анализу проблем с позиции многоукладности и разнообразия. Подтверждением этому являются его публикации, которые до настоящего времени сохраняют свою значимость и признание в научной среде. Анатолий Васильевич является учёным, которого можно с полным правом считать основателем социологической школы, в которой развивалось сразу несколько предметных направлений: социология политики; комплексное исследование поселенческих общностей; социальный конфликт; проблемы миграции в контексте конфликтологии; региональная конфликтология.

До последних дней А. В. Дмитриев возглавлял исследовательскую группу конфликтогенности миграции Центра исследований межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН. Своими идеями Анатолий Васильевич всегда «заражал» всех своих коллег. Он был необычайно способным организатором и руководителем, вокруг него постоянно группировались философы, социологи, историки, авторские коллективы, друзья, аспиранты, иными словами, научная жизнь всегда кипела. Нельзя не отметить, что профессионализм А. В. Дмитриева лучшим образом отражался на подготовке талантливых научных кадров, аспирантов, студентов, ныне работающих в разных регионах, городах, странах и продолжающих развивать его научные концепции и идеи.

О личности Анатолия Васильевича Дмитриева трудно говорить в прошедшем времени, ибо годы отбирают его лучшие качества, которые навсегда остаются в памяти коллег и друзей, и делают его образ живым, помогают ныне живущим.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анатолий Васильевич Дмитриев. Научное наследие. Воспоминания / Отв. ред. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. М. : Новый хронограф, 2019. 432 с. ISBN 978-5-94881-460-5. EDN **GRTSKJ**.
2. Дмитриев А. В. Интеллигенция и эмиграция. Некоторые вопросы социальных исследований США // Вестник ЛГУ. 1967. № 11. С. 145–150.
3. Дмитриев А. В. Прогноз политического выбора американского избирателя // Учёные записки. 1963. Вып. 5. С. 52–59.
4. Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социологические исследования. 2004. № 10 (246). С. 4–13. EDN **OWMZFB**.
5. Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1 (09). С. 16–29. EDN **TKAGEZ**.
6. Дмитриев А. В. Конфликтогенность внешней трудовой миграции (федеральный и региональные аспекты) // Философские науки. 2015. № 10. С. 36–42. EDN **UXQBIL**.
7. Дмитриев А. В., Назарова Е. А. Миграционные проблемы Москвы. Социологические очерки / А. В. Дмитриев, Е. А. Назарова. М. : Альфа-М, 2011. 96 с. ISBN 978-5-98281-273-5. EDN **QOPNDD**.
8. Воропаева А. В. Молодые мигранты в социокультурном пространстве России. М. : Альфа-М, 2011. 96 с. ISBN 978-5-98281-274-2. EDN **QONFAV**.
9. Мигранты в Москве. Проблемы адаптации : монография / А. В. Дмитриев, И. М. Кузнецов, В. Ю. Леденева, Е. А. Назарова. М. : Альфа-М, 2014. 144 с. ISBN 978-5-98281-431-9. EDN **WBPTEN**.
10. Дмитриев А. В. Этномиграционные стереотипы versus адаптации // Россия реформирующаяся. 2016. № 14. С. 397–410. EDN **TWCZPY**.
11. Дмитриев А. В., Сычев А. А. Скандал. социофилософские очерки : [монография]. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 323 с. ISBN 978-5-906001-06-1. EDN **UMXNTH**.
12. Провокация: сферы коммуникативного проявления : [сборник статей] / Отв. ред. А. В. Дмитриев. М. : Русайнс, 2016. 158 с. ISBN 978-5-4365-0690-6. EDN **VMZFFZV**.
13. Дмитриев А. В., Коростелева Л. Ю. Провокация: социономористическое измерение. М. : Изд-во СГА, 2016. 77 с. ISBN 978-5-8323-1061-9. EDN **WNWBJR**.
14. Дмитриев А. В., Сычев А. А. Провокация: социофилософские очерки : монография. М. : ЦСПиМ, 2017. 336 с. ISBN 978-5-906001-69-6. EDN **YTZJHP**.
15. Провокация: экспертное измерение : [сборник статей] / Отв. ред. А. В. Дмитриев. М. : Новый Хронограф, 2017. 208 с. ISBN 978-5-94881-400-1. EDN **YBPQFI**.

Сведения об авторах

А. В. Воропаева

кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник
SPIN-код: **9180-0729**

Л. Ю. Коростелева

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: **5297-3936**

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 26.10.2024;
принята к публикации 23.11.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.4.11](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.11)

CONFLICTOLOGY: A SCIENTIFIC PORTRAIT OF A SCIENTIST. TO THE 90TH ANNIVERSARY BIRTH OF A. V. DMITRIEV

Asya Vasilyevna Voropaeva¹

Larisa Yurievna Korosteleva²

^{1,2}Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ voropaeva@isras.ru,

ORCID [0000-0003-3177-3906](https://orcid.org/0000-0003-3177-3906)

² larisa_55@rambler.ru,

ORCID [0000-0002-3815-8677](https://orcid.org/0000-0002-3815-8677)

For citation: Voropaeva A. V., Korosteleva L. Yu. Conflictology: a scientific portrait of a scientist. To the 90th anniversary birth of A. V. Dmitriev. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):199–200. DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.11](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.11).

Abstract. The article is devoted to the Russian social scientist, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor Anatoly Vasilyevich Dmitriev. The main milestones of his creative path and his scientific interests are analyzed. Some subject areas that have become central in A. V. Dmitriev's research activities are shown: sociology of politics; migration problems in the context of conflictology; regional conflictology and communicative forms of interaction – scandal and provocation. His key works are presented, which make it possible to draw up a scientific portrait of the scientist, the problems of which are becoming particularly relevant today and for the future of our country.

Keywords: political sociology, conflictology, provocation, scandal, migration, regional migration, stereotype, prejudice

REFERENCES

1. Gorshkov M. K. ed. Anatoly Vasilyevich Dmitriev. Scientific heritage. Memories. Moscow: Novy'j xronograf; 2019. 432 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-460-5.
2. Dmitriev A. V. Intelligentsia and emigration. Some questions of social research in the USA [Intelligenciya i emigraciya. Nekotorye voprosy social'nyh issledovanij SShA]. *Bulletin of Leningrad University=Vestnik leningradskogo universiteta*. 1967;(11):145–150. (In Russ.).
3. Dmitriev A. V. Forecast of the political choice of the American voter [Prognoz politicheskogo vybora amerikanskogo izbiratelya]. *Scientific notes=Uchyonye zapiski*. 1963;(5):52–59. (In Russ.).

4. Dmitriev A. V. Conflictogenicity of migration: a global aspect [Konfliktogennost' migracii: global'nyj aspekt]. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2004;10(246):4–13. (In Russ.).
5. Dmitriev A. V. Conflictogenicity of migration: theoretical and practical problems. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2015;1(09):16–29. (In Russ.).
6. Dmitriev A. V. Conflictogenicity of external labor migration (federal and regional aspects). *Philosophical Sciences=Filosofskie nauki*. 2015;(10):36–42. (In Russ.).
7. Dmitriev A. V., Nazarova E. A. Migration problems in Moscow. Sociological essays. Moscow: Alfa-M; 2011. 96 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98281-273-5.
8. Voropaeva A. V. Young migrants in the socio-cultural space of Russia. Moscow: Alfa-M; 2011. 96 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98281-274-2.
9. Dmitriev A. V., Kuznetsov I. M., Ledeneva V. Yu, Nazarova E. A. Migrants in Moscow. Problems of adaptation. Moscow: Alfa-M; 2014. 144 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98281-431-9.
10. Dmitriev A. V. Ethnomigration stereotypes versus adaptation. *Russia reforming=Rossiia reformiruyushchayasya*. 2016;(14):397–410. (In Russ.).
11. Dmitriev A. V., Sychev A. A. Scandal. Sociophilosophical essays. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga; 2014. 323 p. (In Russ.). ISBN 978-5-906001-06-1.
12. Dmitriev A. V. ed. Provocation: spheres of communicative manifestation. [collection of articles]. Moscow: Rusajns; 2016. 158 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4365-0690-6.
13. Dmitriev A. V., Korosteleva L. Yu. Provocation: a socio-humorous dimension. Moscow: Izd-vo SGA; 2016. 77 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8323-1061-9.
14. Dmitriev A. V., Sychev A. A. Provocation: sociophilosophical essays: monograph. Moscow: TSSPIM; 2017. 336 p. (In Russ.). ISBN 978-5-906001-69-6.
15. Dmitriev A. V. ed. Provocation: an expert dimension [collection of articles]. Moscow: Novy'j Xronograf; 2017. 208 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-400-1.

Information about the Authors

A. V. Voropaeva

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Senior Researcher

L. Yu. Korosteleva

Candidate of Sociology,
Senior Researcher

ResearcherID: [J-4870-2018](#)

Scopus AuthorID: [572-079-407-0](#)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 26.10.2024; accepted for publication 23.11.2024.

БЛАГОДАРНОСТИ РЕЦЕНЗЕНТАМ

РЕДАКЦИЯ ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ ВСЕМ ЭКСПЕРТАМ,
ВЫСТУПИВШИМ РЕЦЕНЗЕНТАМИ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ,
ПОСТУПИВШИХ В 2024 ГОДУ

Адамьянц Тамаре Завеновне
Аксёновой Ольге Владимировне
Андрееву Андрею Леонидовичу
Андреевской Анне Владимировне
Артюновой Екатерине Михайловне
Бабичу Николаю Сергеевичу
Бараш Раисе Эдуардовне
Богданову Владимиру Сергеевичу
Ворониной Наталии Сергеевне
Воронковой Ольге Алексеевне
Головнёвой Елене Валентиновне
Григорьевой Ирине Андреевне
Григорьевой Ксении Сергеевне
Грошеву Игорю Васильевичу
Гурко Татьяне Александровне
Епихиной Юлии Борисовне
Зборовскому Гарольду Ефимовичу
Зубок Юлии Альбертовне
Козыревой Полине Михайловне

Комиссарову Сергею Николаевичу
Краснослободцеву Алексею
Александровичу
Кузнецову Игорю Михайловичу
Лариной Татьяне Игоревне
Латовой Наталии Валерьевне
Латову Юрию Васильевичу
Муллер Ольге Юрьевне
Пак Николаю Инсебовичу
Подлесной Марии Александровне
Роговой Анастасии Владимировне
Рождественской Елене Юрьевне
Розенберг Наталии Васильевне
Селивёрстовой Нине Анатольевне
Смирнову Александру Ильичу
Татаровой Галине Галеевне
Тыкановой Елене Валерьевне
Цилиной Марии Григорьевне
Чепуренко Александру Юльевичу

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор – *Горшков М. К.*

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Кравченко С. А.*

Заведующая редакцией – *Зорина А. Е.*

Научные редакторы:

Зеленская О. Ю., Камышан В. В., Савоськина А. П.

Технический редактор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; вёрстка: *Щербов М. Ю.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2024. Том 12, № 4. Дата выхода в свет 27.12.2024.

№ 4, 2024
ТОМ 12

ISSN 2413-6891

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

Москва, 117218, ул. Кржижановского,
д. 24/35, к. 5, e-mail: snsp@isras.ru
тел. 8 499 125-00-79
<http://www.socnp.ru>